

63.4(2А37)

537486-А

В 74

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ**

**ВОПРОСЫ
средневековой
археологии
Северного Кавказа**

**ЧЕРКЕССК
1988**

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

ВОПРОСЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Сборник научных трудов

Черкесск, 1988

63.4(2P37)

B 74

Печатается по решению ученого совета
Карачаево-Черкесского научно-исследовательского
института истории, филологии и экономики.

Вопросы средневековой археологии Северного Кав-
каза.— Черкесск, 1988.— 184 с.

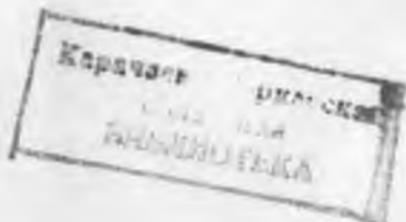
Тематический сборник

включает в себя статьи, посвященные археологическим
памятникам Карачаево-Черкесии и других регионов
Северного Кавказа, историкографические исследова-
ния по вопросам археологии и истории Северного
Кавказа. Книга адресована археологам и историкам,
преподавателям и студентам вузов, средних учебных
заведений

Редакционная коллегия:

Е. П. Алексеева (ответств. редактор), **М. М. Бекижев**,
Х. Х. Биджиев, рецензенты — кандидаты исторических
наук **Б. М. Керфов** и **А. Х. Нагоев**.

537486

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник является первым трудом сектора археологии, созданного в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте в 1987 году.

Статьи принадлежат перу сотрудников Института и работникам других учреждений.

Значительная часть исследований, включенных в сборник, носит историографический характер.

Московский археолог, доктор исторических наук В. И. Марковин в своей статье представил подробный и полный обзор изучения выдающегося архитектурного памятника — Сентинского храма X в. в Карачаево-Черкесии. Автор пишет не только о тех исследованиях, которые производились по изучению храма, но и об истории создания вокруг храма русского монастыря, о попытках христианизации местного населения и по другим вопросам. Полностью использованы опубликованные работы о Сентинском храме, в том числе — газетные статьи дореволюционных и советских авторов. Привлечены архивные материалы.

Хочется только заметить, что несколько неполно приведено мнение Е. П. Алексеевой о появлении тюркского населения в этих местах. Я считаю, что оно появилось здесь не только в XI в., а гораздо раньше — по крайней мере, с конца VII в. /тюркоязычные болгары/.

Правильно положение В. И. Марковина о том, что на месте Сентинского храма прежде было языческое святилище. Но здесь можно было бы вспомнить о работах И. А. Владимирова, который раскопал вокруг храма погребения с вещами V—VIII вв. Это было бы еще одним доказательством того, что Сентинская гора являлась культовым местом еще до постройки на ней храма.

В статье Х. Х. Биджиева (КЧНИИ) дан критический обзор исторических и археологических исследований русских и советских ученых, посвященных тюркским народам.

В изучении истории этих народов автор намечает три периода: XVIII в.— 1917 г.; 1917—1960 гг.; 1960 г. до наших дней. Особенно подробно Х. Х. Биджиев исследует третий период. Акцентируется внимание на узловых проблемах историографии и археологии тюркских народов — гуннов, болгар, хазар, половцев и других, проживавших на территории Северного Кавказа.

Говоря об археологическом изучении тюркской проблемы, Х. Х. Биджиев приводит данные о тюркских археологических памятниках. Большой вклад в изучение этих памятников внесен автором данной статьи, который производил раскопки на Хумаринском городище и на других памятниках, принадлежавших тюркам /болгарам/.

Материал, собранный археологами, главным образом, в 60—80 гг., наряду с письменными источниками, позволил разобраться во многих спорных вопросах истории тюркских народов. К числу таких вопросов принадлежит проблема этно-лингвистической принадлежности.

Думается, что справедлива точка зрения о том, что среди асов были и ираноязычные, и тюркоязычные этнические группы.

Х. Х. Биджиев поставил задачи дальнейшего изучения истории тюркских народов, такие как исследования этногенеза, контактов с другими народами, поиски и раскопки тюркских археологических памятников, установление времени появления тюркского этноса на Северном Кавказе.

В своей статье Х. Х. Биджиев приводит точку зрения некоторых исследователей о том, что тюрки были еще в скифской среде. Но это положение требует дальнейших серьезных обоснований.

Правильно указал Х. Х. Биджиев, что нельзя ни уменьшать, ни преувеличивать роль тюркских народов в истории.

В целом статья Х. Х. Биджиева представляет собой серьезное историографическое исследование, посвященное истории изучения тюркских народов всего северокавказского региона.

Статья Е. П. Алексеевой представляет собой краткий обзор археологических исследований, проведенных на территории Карачаево-Черкесии.

Такие обзоры в литературе уже были опубликованы /работы Д. М. Павлова и Т. М. Минаевой/, но в этих обзорах не нашли места сведения об археологических публикациях таких ученых, как К. Сталь, Р. Эркерт, С. Сомье, Г. Мерцбахер и некоторых других. В нашем обзоре приведены также данные об археологических раскопках и разведках Н. И. Веселовского, П. Н. Петрелевича, взятые из рукописных материалов, хранящихся в Архиве ЛОИА АН СССР.

Обзор Д. М. Павлова доведен до середины 20-х годов, Т. М. Минаевой — до 1970 г. Статья Е. П. Алексеевой завершается сведениями о раскопках и разведках 1985 г.

Ввиду необходимости уложиться в заданный объем, работа Е. П. Алексеевой не претендует на подробное изложение раскопок, описание раскопанных памятников, оценку деятельности тех или иных археологов и т. д. Ставится лишь скромная задача кратко изложить данные о работе исследователей (археологов и других лиц) на территории Карачаево-Черкесии с XVIII в. по 1985 г.

Сотрудник КЧНИИ С. Я. Байчоров, возглавляющий археолого-эпиграфические экспедиции этого института, публикует в своей статье весьма интересные памятники, открытые им в 1985 г. и в другие годы на плато Бийчесын в Карачаево-Черкесии и в некоторых пунктах Балкарии. Памятники разнообразные — это и каменная скульптура, и арабская надпись, и множество петроглифов.

Статья эта, как и всякая публикация новых памятников, несомненно, предъявляет интерес для исследователей.

Что касается интерпретации петроглифов, найденных в пунктах 1—6 — как карт-символов, относящихся к майкопской культуре, то это не более, как смелое предположение автора, которое нуждается в очень серьезной аргументации.

В сборнике помещены две небольших статьи молодых ученых Карачаево-Черкесии — У. Ю. Эльканова и Г. Х.-У. Текеева.

В статье У. Ю. Эльканова публикуются данные о

его раскопках на Нижне-Архызском городище в 1981—1985 гг. /КЧОМК/.

Нижне-Архызское городище — замечательный памятник Северного Кавказа эпохи раннего средневековья. Доктор исторических наук В. А. Кузнецов, 20 лет работавший на этом городище, полагает, что это и есть столица Алании Маас, о которой пишет арабский автор X в. Масуди.

У. Ю. Эльканов исследовал интересный и загадочный объект, находящийся на территории городища — каменный круг.

Материалы раскопок У. Ю. Эльканова, публикуемые в данной статье, представляют интерес для археологов.

Мнение же его, что этот круг был «календарем» алан, является рабочей гипотезой, которая требует подтверждения дальнейшими археологическими исследованиями этого объекта.

Г. Х.-У. Текеев в своей статье публикует находки, хранящиеся в Карачаево-Черкесском областном краеведческом музее.

Эти вещи происходят из раннесредневековых скальных могильников Карачаево-Черкесии: Мощевая Балка и некоторых других. Автор предлагает датировку этих памятников, несколько более широкую, нежели общепринятая — VIII—IX вв. и позднее.

Нальчикский ученый В. М. Батчаев в своей интересной статье по-новому рассматривает проблему маджар, о которых говорится в преданиях, в частности, в балкаро-карачаевских.

Автор пишет, что в основе преданий маджарского цикла лежит вполне реальный исторический факт. Маджары — это не Маджары Прикумья, а вообще городища аланского времени Центрального Предкавказья. Маджарцы средневековых хроник — это одно из половецких племен. Но половцы — маджарцы письменных источников — не полностью идентичны маджарцам преданий. Маджарцы, по мнению, В. М. Батчаева, — это оседлая часть населения плоскостной Алании, тюркская по языку, аланская по происхождению.

С этой версией можно согласиться. Но некоторые положения В. М. Батчаева недостаточно доказаны.

Так, требуются дополнительные аргументы в пользу того, что маджарцы были тюркоязычными, что они бы-

ли мусульманами, что время действия в преданиях падает на золотоордынскую эпоху, а в конце статьи даже точно указана дата — XV в. Неубедительно отождествление ногайцев и маджарцев.

Сборник предназначен, в основном, для специалистов — археологов и историков. Но он будет интересен и для учителей, студентов, пропагандистов. Его с пользой для себя прочтут все те, кто хочет пополнить свои знания по археологии и истории Карачаево-Черкесии и всего Северного Кавказа.

СЕНТИНСКИЙ ХРАМ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Более двухсот лет не ослабевает интерес к Сентинскому храму, стоящему почти у самого устья Тебердинского ущелья. Он возвышается на высоком утесе Бурун-сырт над аулом Нижняя Теберда (бывшие Сенты и Джамбулат-аул), по левую сторону мощного потока реки Теберды. Обращая на себя внимание еще издали, эта постройка кажется легкой, парящей над массивами гор и прекрасно гармонирующей с окрестным пейзажем. И вблизи не исчезает, а скорее усиливается впечатление миниатюрности и пропорциональной завершенности этого здания /рис. 1/ *.

Сентинский храм представляет собой постройку крестообразного плана /рис. 2/. Каждый рукав ее имеет входной проем, над которыми сделано по узкому окну. Закругленная и сильно выступающая алтарная часть обращена строго на восток. Здесь апсида укреплена шестиступенчатым стилобатом. Центральная часть храма увенчана цилиндрическим барабаном с восемью ритмично расположенными узкими окнами. Опорой ему служат подпружные арки. Барабан мог завершаться очень низким шатровым покрытием, но не исключено, что оно было уплощенно-округлым, судя по тем остаткам покрытия, которые нам удалось видеть в 1976 г., еще до реставрации храма.

Рукава храма ныне имеют пристроенные к ним довольно низкие приделы /притворы/ со скругленными фронтонами /рис. 3/. Длина храма с запада на восток

* В дальнейшем в качестве названия храма я буду иногда использовать слово «Сенты».

Рис. 1. Сентинский храм. Вид сверху.

/без притворов/ 10,60 м, с юга на север — 8,20 м, высота около 11 м /без перекрытия барабана/.

Научное изучение храма началось с посещения его Якобом Рейнеггом /1744—1793/ в 1796 г. Отправившись путешествовать на Восток и служа затем у грузинских царей Ираклия II и Соломона I, он стремился всесторонне изучить Кавказ. Интересовали его и христианские древности. В труде «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа» он упоминает две каменные церкви, расположенные между Кубанью и Лабой — Choma и Semitae. В них легко узнаются Шоанинский и Сентинский храмы. К сожалению, на «Генеральной карте Кавказа», составленной им, пункты с храмами не указаны, хотя известно, что местные жители передали ему две книги, извлеченные из этих церквей. Одна

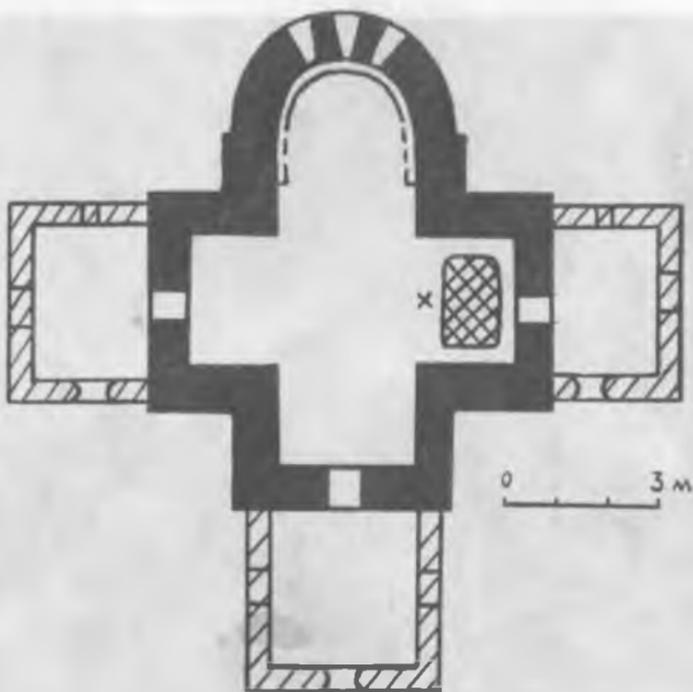

Рис. 2. Схематический план Сентинского храма. X — гробница.

из них оказалась написанной на славянском языке¹.

Другой путешественник, академик Иоганн Антон Гюльденштедт /1745—1781/ ездил по Кавказу примерно в это же время. Он живо интересовался христианством жителей Черкесских и Абхазских «земель». На его «Новой карте Кавказа» обозначена река Теберда. Она выходит из ущелья хребта «Suant», который подведен к Эльбрусу /Berg Elbrus/. Гюльденштедт бегло упоминает интересующий нас храм Schaupo на р. Теберде².

Несколько позже, в 1798 г. Кавказ посетил польский ученый Ян Потоцкий /1761—1815/. Его в первую очередь занимали филологические вопросы, вот почему в книге «Путешествие в астраханские степи» наименования Soap, Sonti и Tsinti упоминаются им не в связи с конкретными постройками, а более всего как языковой материал для изучения «кавказо-татарского диалекта»³.

Рис. 3. Сентинский храм и склеп /костница/.

В 1807—1808 гг. по Кавказу ездил академик Генрих-Юлиус Клапрот /1783—1835/. Однако ему, по-видимому, не удалось самому осмотреть Сентинский храм. В своей отчетной работе он публикует описание храма, пользуясь выдержками из письма архитектора И. Бернардацци⁴. Как пишет Т. М. Минаева, ценность этого труда Г.-Ю. Клапрота состоит лишь в том, что он первый приписывал хорошо известные ныне верхнекубанские церкви, в том числе и Сенты, «определенной народности — аланам»⁵. Однако запискам И. Бернардацци, которыми воспользовался Г.-Ю. Клапрот, предшествовал более ранний опыт описания Сентов и других храмов Закубанья. Он был сделан в 1802 г. майором Потемкиным. В 1825 г. его работа была опубликована академиком П. Г. Бутковым в «Библиографических листах», издаваемых П. И. Кеппеном. Тогда же была издана и греческая надпись с каменного креста-надгробья. Она

имела дату 6521 г. «от сотворения мира», т. е. 1013 г. н. э. Крест возвышался среди «закубанских» — зеленчукских церквей⁶.

Попытку осмотреть Сентинский храм в 1830-х годах предпринял также генерал Г. А. Еммануэль, но его постигла неудача, — разлив реки помешал это сделать⁷. Вот тогда, в 1829 г. архитектор города Пятигорска Иван /Иосиф/ Бернардацци /Бернардоззи/ по поручению Г. А. Еммануэля предпринял поездку к Сентам. Он описал храм, его фрески, сделал чертежи и зарисовки. В его отчете имеются интересные детали, касающиеся росписей церкви, самого состояния памятника: «Внутренность его покрыта разными изображениями /al fresco/ из земной жизни Спасителя. Сия живопись... довольно хорошо сохранила живость своих красок. В алтаре, над тремя окнами, видно большое изображение Божьей Матери, а над оным Тайная Вечеря». Уже тогда пол храма был сильно разрушен кладочискателями⁸. Имеются сведения, что И. Бернардацци здесь же нашел камень — надгробье, на котором была «изваяна оленья фигура, с надписью между рогами», но ее разобрать не удалось⁹. Очевидно, речь идет о петроглифических изображениях.

Генерал Г. А. Еммануэль, ознакомившись с описанием Сентов и «Чуны» /Шоаны/, загорелся желанием реставрировать их и в дальнейшем использовать по прямому назначению, — для обращения в христианство «абазинцев» и другие народности. Проект генерала в виде рапорта был представлен Николаю I, далее послан на рассмотрение Главноуправляющему в Грузии барону Г. В. Розену, а от него вернулся для апробации к новому Начальнику Кавказской области А. А. Вельяминову. Тот заметил, что районы расположения храмов потребовали бы предварительной постройки укреплений, «а к сему не токмо потребен значительный отряд для производства работ и обеспечения сообщений с Кавказскою областью, но... в укреплениях должны постоянно находиться войска, в коих недостаток ощутителен на Кавказе...»¹⁰. Указанный рапорт с таким резюме в 1833 г. был окончательно забыт, вернувшись в стол Николая I¹¹.

Однако описание И. Бернардацци продолжало вызывать интерес. Историк-любитель П. Хицунов в сбор-

нике газеты «Кавказ» еще раз обратился к его тексту и письму на французском языке, представленном Г. А. Еммануэлю. Помимо данных И. Бернардацци, П. Хицунов упоминает, что кровля Сентинского храма была покрыта «черепицей древней формы». Его заметка завершалась надеждой, что когда-нибудь стены местных, древних храмов «снова огласятся божественным словом»¹².

В 1849 г. археолог и востоковед А. Фиркович посетил Сентинский храм. По его словам, это была «однопрестольная церковь». Она «богата изображениями святых угодников, числом до 50, довольно хорошо сохранившимися, с греческими надписями». Купол храма порос толстыми деревьями. Осмотр окрестностей позволил найти «большой могильный склеп и несколько разрушенных строений, а у подошвы церковной горы — каменный крест без надписи»¹³. На прощание А. Фиркович расписался красным карандашом на стене храма /его автограф был найден художником И. А. Владимировым в 1899 г./.

В 1851 г., после поездки к «снеговому хребту» Северо-Западного Кавказа, некто Г. Токарев обратился к академику М. И. Броссе с пожеланием изучения «византийской постройки» с фресками и надписями¹⁴, хотя я сомневаюсь, чтобы ему удалось побывать в Сентах¹⁵. И все же письмо Г. Токарева было помещено М. И. Броссе в «Бюллетене Академии Наук»¹⁶, но, как видно, никаких результатов оно не дало. Одно несомненно, интерес к древней церкви у р. Теберды, как и к другим аналогичным памятникам, усилился¹⁷. Это можно заметить и по книге французского путешественника Жилля, который в своих записках «из Кавказа и Крыма», дает некоторое представление и о старых церквях, стоящих в горах Кубанской области¹⁸.

В 1867 г. Сентинский храм осмотрел Н. А. Нарышкин. По его мнению, эта постройка «совершенно напоминает Шонийскую с тою разницей, что она гораздо меньше внутри, и не имеет колонн и приделов». Сделанные им описания фресок, уже тогда обезображенных «умышленно чем-то острым», дают еще одну возможность восстановить живописный декор храма. Так, Н. А. Нарышкин, упоминает, что по бокам алтаря было изображено «8 святителей церкви, из которых разузнать

можно святого Николая и святого Петра». На омофорах изображенных лиц были видны «четвероколенные кресты», а среди греческих надписей узнавались «имена святого Петра, Георгия, Николая и других». У северных дверей был нарисован святой Георгий на коне, над западными дверями — «представлен молодой человек на коленях, бросающий верхнюю одежду под ноги лошади» и т. д. Произведенные Н. А. Нарышкиным раскопки в храме «были совершенно напрасны». Он описывает также следы жилищ возле церкви и валяющиеся здесь камни со следами «высеченных на них орнаментов». По его заключению, Сентинский храм построен византийцами. В XI в. они «приезжали на Кавказ и обращали в христианскую веру тамошние народы»¹⁹.

Интерес к Сентинскому храму настолько возрос, что на специальном заседании археологического общества /23 октября 1868 г./, после доклада Н. А. Нарышкина, было вынесено специальное решение комиссии, в которую входили М. И. Броссе, А. Г. Гагарин, Д. И. Grimm и К. П. Патканов. В нем ставился вопрос о необходимости дальнейшего изучения храма и тех камней с петроглифами, которые были найдены возле него²⁰. В отдельных работах 70—80-х годов XIX в. поднимается вопрос и об исторической ситуации, в которой возникли закубанские храмы, и об их эстетической значимости. Так, Н. Л. Каменев проявляет интерес к религиозным воззрениям горцев до появления христианства, о роли крестоносцев в проповеди нового вероучения на Кавказе и т. д.²¹. Н. П. Кондаков, хотя и мельком, но наряду с шедеврами грузинского и абхазского церковного зодчества, упоминает храмы на Кяфаре, Зеленчуке, Теберде и Белой²².

В 1881 г. И. В. Помяловский издал свод греческих и латинских надписей, обнаруженных на Кавказе. За №№13 и 14 им упоминаются греческие надписи из Сентов. Они были прочитаны проф. Г. С. Дестунисом /«Спасе, помози» и «Богородице Дево, помози»/, как и имена святых, изображенных в алтарной части²³. Эта работа предназначалась для V Археологического съезда в Тифлисе.

Изредка в местной печати также появлялись заметки о Зеленчукских и Сентинском храмах²⁴. Особенно интересна одна из статей епископа Владимира. Он пишет,

что Богоматерь в алтаре Сентинского храма напоминает образ так называемой «Нерушимой стены» — мозаику в Софии Киевской. Далее, в южном выступе Сентов /с восточной стороны/ «должны быть» изображены Георгий Победоносец и Димитрий Солунский. Он же считает, что ниши в алтаре могли служить для того, чтобы в них клали «богомольцы угли и ладан»²⁵.

С конца XIX в. храм на Теберде снова стал объектом пристального внимания местных церковников. Его решено было придать Зеленчукскому монастырю. На реставрацию всех древних церквей было «исчислено до 10 т. рублей и на эту сумму открыт сбор пожертвований по Кубанской области»²⁶. Вместе с деньгами настоятелю «Зеленчукской пустыни» было отправлено в 1899 г. оружие²⁷. Очевидно, на всякий случай, тем более, что некто Ф. Волков под видом схимника Филиппа производил сбор денег в свою пользу²⁸.

Здесь придется несколько отвлечься от археологического изучения Сентинского храма, ведь перестройка его в действующую церковь интересна с точки зрения дальнейшей судьбы изучаемого памятника и его роли в истории края, а она довольно поучительна.

В ноябре 1889 г. в Баталпашинском отделе Кубанской области был открыт Свято-Александро-Афонский Зеленчукский монастырь. Цель его создания вполне определена — «способствовать распространению света Евангельского учения среди окрестных некрещенных инородцев — мусульман». «Смотрению и заботам» настоятеля монастыря игумена Серафима были переданы также Шоанинский и Сентинский храмы, ибо они стояли на бойком месте — «по вновь проложенной дороге через Сухумский перевал». Оба храма, по мнению духовной администрации, построенные «гораздо ранее X века и всего скорее со времен Юстиниана /527—565/», должны были привлекать богомольцев²⁹. Однако Сентинский храм не долго числился Зеленчукским мужским монастырем. Как-то бывшая «сестра милосердия» Евдокия Макарова /в монашестве Екатерина/случайно узнала о существовании на Кавказе «запустевших храмов». Вместе с Евдокией Фироновой /Финенковой, в монашестве Еликонида/ вскоре совершила она путь к Сентам. Храм «как бы ожидал путниц». Возле него они провели ночь, не обошлось без «долгого таинственного звона большого колокола» и проч.,

что сопровождало этот мистический ночлег. Далее пошла проза. Уже в 1892 г. Макарова просила ставропольского епархиального «владыку» и начальника Кубанской области Маламу об учреждении здесь женского монастыря. Дело было признано «желательным». Под горой Бурун-Сырт возникли главные помещения монастыря с церковью во имя св. Агафодора и в честь правившего тогда архиепископа Агафодора, гору Бурун-Сырт переименовали в гору Фавор «в воспоминание Преображения Господня», Сентинский храм в 1895 г. был освящен и назван Преображенским, а весь монастырь получил в 1897 г. наименование «Спасо-Преображенского общежительного женского монастыря»³⁰.

Тяжелая обстановка сложилась в самом монастыре и тем более в отношениях с местным населением. Земельный голод не мог позволить карачаевцам пожертвовать монашкам хотя бы клочок земли. Дело доходило до побоищ между «сестрами» и жителями Сентов и других окрестных аулов. «С непримиримой злобою, близкой к умопомешательству, она /Макарова/ свое негодование с карачаевцев перенесла на их скот и не раз покушалась на расстреливание его». В 1900 г. «по приговору Духовного суда» ее сослали в другой монастырь, а ее место в качестве настоятельницы заняла «мать Раиса». Теперь отношения с горцами стали «доброжелательны и взаимно мирны»³¹. Монастырь приобрел обычный «святой» вид, в нем жило до 186 человек, он владел 407 десятинами земли. Обитель процветала, и ее стали упоминать в духовных изданиях³². При ней с 1898 г. работала церковно-приходская школа, в которой обучалось 10 русских детей и 8 карачаевцев. Имелся при школе священник — миссионер, ему помогал карачаевец Прохор Айшелшев. В результате их деятельности было «обращено в православие 10 человек мусульман»³³. Можно думать, что это была беднота, которая таким способом надеялась улучшить свою жизнь.

Но что же произошло с Сентинским храмом — «главной святыней монастыря»? На этот вопрос дают ответ литография 1912 г. /рис. 4/³⁴ и церковная литература. Древняя кровля на нем была покрыта железным куполом с шарообразным завершением и водруженным на него золоченым крестом. Появились с трех сторон притворы, фронтонам придали закругленность и снабдили их ниш-

Рис. 4. Сентинский храм и общий вид Спасо-Преображенского монастыря. Литография XIX в.

ками с иконами, увенчанными крестами. Рядом с храмом была выстроена звонница с колоколами. Несомненно, все это нарушило внешний облик древнего памятника. Он приобрел, я бы сказал, достаточно традиционный для России церковный вид. Внутри храма ремонтно-реставрационные работы продолжались до 1906 г. /велись они частично на средства Московского археологического общества/. Тогда настелили в нем деревянные полы, «всему храму дана была новая штукатурка и побелка, за исключением мест с сохранившимися фресками», в алтаре поставлен дубовый резной иконостас с иконами³⁵.

Как видно, именно реставрационные работы, проводимые малограмотными, да и просто невежественными монахинями, привели к тому, что ученые снова вспомнили о Сентинском храме и его фресках. Это явилось своевременной акцией.

537486

Здесь прежде всего следует упомянуть П. С. Уварову. В томе «Христианские древности Кавказа» она вспоминает о Сентах в связи с изучением серии церковных построек в Абхазии и Грузии. Относя Сенты, как и храмы в Архызе, в X—XI вв., П. С. Уварова замечает, что сходство их формы и строительной манеры, особенно с церковью в Лыхны, может «не только служить датой для храмов р. Зеленчука и Теберды, но и служить подтверждением того, что горные перевалы через Главный Кавказский хребет как Марух, Аданге, Ахбырц и др., были известны грекам и другим, остальным древним насельникам края»³⁶.

В 1895 г. В. М. Сысоев производил раскопки внутри храма и возле него. Внутри церкви, возле северной стены им были обнаружены «погребения в гробах из каменных плит и погребения в склепах». Дата могил неопределенна, возможно, около X в., неясны конструктивные особенности захоронений. Вне храма В. М. Сысоев раскрыл две гробницы /одна имела «конусообразную крышу»/. Их он вообще не датирует, хотя здесь были найдены кувшинчики аланского облика³⁷. Несколько позже был опубликован более полный отчет В. М. Сысоева. К сожалению, и в нем мало новых материалов. Автор пишет о деталях храма и фресках со ссылками на своих предшественников, главное внимание уделяя склепу /костнице/, стоящему рядом с церковью, и гробницам, при этом археологические находки он не описывает³⁸.

В 1886 г. Сентинский храм посетил А. Н. Дьячков-Тарасов. Он не только описал храм и его фрески, но и снял с них копии, сделав акварельные и карандашные зарисовки. Его работой широко пользовались церковники, призывавшие к посещению Спасо-Преображенского монастыря /И. Соловьянов, А. Воскресенский и др./.

Сами названия «Шоана», «Хумара», «Сенты» А. Н. Дьячков-Тарасов выводит из грузинского языка, причем «сенты» может означать «столб, колонна» /от грузинского «свети»/. Однако Сентинский храм он считает «типичным образцом византийского зодчества не позже XI века». Детально разбирая отдельные его части /апсиду, внутреннее членение, «сегментовидный купол» и проч./, автор делает предположительный вывод, что храм мог быть построен в эпоху правления «абхазо-карталинского царя» Баграта IV /1028—1072/, когда грузинское

зодчество стало носить «строго византийский характер». Интересно, что Сенты, по его мнению, могли являться резиденцией грузинского «тавада, мтавара или азнаура».

Описывая фрески в Сентах, А. Н. Дьячков-Тарасов находит, что их «писала твердая, уверенная рука, никакого отступления от схоластических образцов себе не позволявшая». Их авторами скорее всего могли быть греки. Далее, «сентинские фрески — типичные церковные изображения, образцы которых и способ исполнения не могли быть выработанными ранее второй половины IX века /в Византии/». Это дало исследователю право датировать возведение храма временем «не ранее конца IX и начала X века»³⁹.

В примечаниях к этой статье, написанных, вероятно, А. С. Собриевским, выражено сомнение о «сильном религиозном и политическом влиянии Грузии на народы, обитавшие в эпоху абхазо-грузинских царей в верховьях рек Теберды, Кубани и Зеленчуков», как утверждал А. Н. Дьячков-Тарасов. Затем приведен интересный историко-этнографический материал, которым доказывается, что местные горцы «до настоящего времени сохранили память о греках». Слово «сенты» с карачаевского можно перевести как «этот памятник» и еще раз приведены данные, взятые из литературы, о постройке Сентинского храма византийскими зодчими в XI в.⁴⁰

Несмотря на замечания, работа А. Н. Дьячкова-Тарасова является важной вехой в изучении древнего памятника на р. Теберде, а сделанные им зарисовки и описание фресок и сейчас могут помочь в реконструкции внутреннего храмового облика. А. Н. Дьячков-Тарасов и в дальнейшем неоднократно обращался к описанию Сентов⁴¹.

Следует здесь вспомнить известного знатока Кубанского края Е. Д. Фелицына. В 1883 г. он показывал церковные памятники генерал-адъютанту С. А. Шереметьеву, стремясь привлечь к ним внимание высокого начальства. Е. Д. Фелицыным не было написано специального труда о Сентах, но его фотографии украшают многие издания, посвященные храму и возникшему возле него монастырю⁴².

По поручению Археологической комиссии в 1899 г. в Сенты приехал художник И. А. Владимиров. Он должен был описать храм и «снять на кальку остатки прежней стеной росписи». Выполнил он это успешно. Помимо того

раскопал он несколько погребений в окрестностях церкви ⁴³. Его отчет был опубликован в «Известиях Археологической комиссии», а рукопись отчета хранится в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР.

Будучи отличным художником, И. А. Владимиров сумел сделать масляными красками несколько фресковых копий, которые дают ясное представление о мастерстве древних живописцев /рис. 5/. В отчете им приведено описание 18 фресок и их фрагментов, которые иллюстрируются фотокопиями исполненных им «калек». Кроме уже упоминавшихся сюжетов росписей, И. А. Владимиров указывает на «Въезд Господен в Иерусалим» /западная стена южного рукава/, «Преображение Господне» и «Воскресение Лазаря» /южная стена в том же рукаве/ и на «Рождество Христово» /северная стена/. Как пишет автор, изученная им живопись находит аналогии в Софии Константинопольской и в «некоторых древних церквах Малой Азии».

Рис. 5. «Святители», фрески в сентинском храме. Копии художника И. А. Владимирова, 1899 г.

Описанию храма И. А. Владимиров предпосылает чертежи — план и разрезы его. Здесь интересна подмеченная им деталь. Притворы, примыкающие к рукавам храма, по мнению художника, сделаны в позднее время, и они являются особенностью грузинской архитектуры. Это позволило И. А. Владимирову говорить о наличии в Сентах уже в позднее время «грузинского духовенства»⁴⁵.

Отчет И. А. Владимирова явился последней работой, написанной в XIX в. За долгие годы исследования храма в нем были найдены некоторые предметы, которые могут быть увязаны с первыми десятилетиями его существования. Это «извлеченные из одного каменного гроба остатки древней парчи, металлические позвонки, составляющие обыкновенно принадлежность архиерейского облачения, мелкие камни, наподобие янтарных, которые легко могли быть остатками митры и, наконец, малая золотая монета» византийского чекана, датируемая X в. /эпохи Константина и Василия/. Она была найдена в северной части церкви в одной из «каменных гробниц, помещавшихся одна над другою». Известны также менее древние находки — серебряная лжица для причастия, кадильница с цепью, обломок стеклянной чаши. Что касается упоминавшейся митры, то Д. М. Павлов считает, что она была украшена «фальшивыми камнями»⁴⁶.

Итак, к концу XIX в. Сентинский храм был основательно описан, довольно подробно изучены его фрески, установлена ориентировочная дата постройки — X—XI вв. собран кое-какой археологический материал. Однако остались почти не затронутыми изучением вопросы исторической ситуации, в которой он мог возникнуть, не выяснены хронологические соотношения окрестных могильников с храмом, а самое главное, — храм все еще не изучался специалистом-археологом.

В 1906 г. вышла работа Г. Н. Прозрителева, в которой даны характеристики ранне-христианских памятников Северного Кавказа⁴⁷. В 1913 г. появилась новая работа В. М. Сысоева, в которой не только упоминается Сентинский храм, но и дано краткое его описание, упомянуты все сохранившиеся фрагменты фресок и греческих надписей, в том числе имена Георгия и Варвары. Им же были найдены два камня с петроглифическими узорами «в виде зигзагов и треугольников»⁴⁸. Из работ этого же времени «оригинально» звучит заметка А. С. Федоров-

ского. Он сам не был в Сентах и упоминает храм «по указаниям», датируя его VI в. Вспоминает он и каменный крест «6521 года от сотворения мира», перенося его находку из Архыза на Теберду⁴⁹. В том же 1913 г. был издан «Путеводитель» В. Н. Смирнова. В нем значительное место уделено пересказу уже известных сведений о Спасо-Преображенском монастыре и его древнем храме⁵⁰.

После Великой Октябрьской революции монастырь в Сентах стал мало популярным, многие монахини ушли из него /значительная часть их переехала жить в ст. Передовую/⁵¹. В 1924 г. по указанию органов Советской власти Карачаево-Черкесии монастырь был закрыт. Однако интерес к Сентинскому храму как к историко-архитектурному памятнику не исчез.

В 1926 г. вышла в свет большая статья Д. М. Павлова. Она носит исторический характер. Вместе с тем, в ней описано 76 различных памятников Карачая. Среди них не последнее место уделено древностям Сентов и его окрестностей /упоминаются гробницы, разрушенные часовни, каменный крест, могильники и т.д./⁵². Эта работа интересна и для современного исследователя.

В 1927 г. А. Н. Дьячков-Тарасов в интересной публикации снова вспоминает древнюю постройку. Он пишет об уже известной золотой монете X в., датируя и храм этим же временем, упоминает он и серию ранее неизвестных находок — бусы, свинцовый византийский крест, медный набалдашник посоха в виде пятиконечной звезды и черные глиняные кувшинчики⁵³.

В 30-е годы появляются новые путеводители по Карачаю, но они ничем не обогащают изучающих Сентинский храм⁵⁴.

В 1939 г. Ставропольский краевой музей планирует ряд научных экспедиций, которые должна была возглавить известный археолог-кавказовед Т. М. Минаева. Они были задуманы широко и захватывали район Сентинского храма /аула Нижняя Теберда/. Параллельно, с 1940 г. начали проводиться изыскания местного научно-исследовательского института и Карачаевского педагогического института под руководством К. М. Петрелевича⁵⁵. К сожалению, война прервала эти работы.

После окончания Великой Отечественной войны возобновились археологические исследования, оживился инте-

рес и к Сентинскому храму. Здесь снова следует вспомнить Т. М. Минаеву, которую всегда интересовали древности аланского времени, т.е. времени создания храмов в бассейне р.Кубани. Ей присущ широкий исторический взгляд. Сопоставляя все известные к 1965 г. данные, она пишет об Архызских храмах византийской постройки, как о реальных остатках некогда бывшего здесь религиозного центра Алании, а в связи с этим рассматривает и Сентинский комплекс как показатель связей местных жителей с Византией. Именно через район Сентов, по р.Теберде проходила «перевальная дорога», которая вела из степей и ущелий Северного Кавказа к восточному побережью Черного моря. Вот почему, как думает исследовательница, на ней и был поставлен христианский храм — проводник экономических и политических интересов Византии⁵⁶. Изучение погребальных памятников близ храма она связывала с проблемными вопросами становления культуры местного населения аланского времени⁵⁷.

В течение многих лет древности Карачаево-Черкесии изучает Е. П. Алексеева. Ею написаны работы, посвященные как отдельным памятникам, так и сложным вопросам этногенеза местных народов. Не прошла она мимо и интересующей нас тематики. Анализируя археологический материал и письменные источники, Е. П. Алексеева приходит к выводу, что лишь с X в. Византия начинает делать попытки приобщить население верховьев Кубани к христианскому вероучению. Именно с таких позиций ею рассматриваются храмы Архыза, Шоана и Сенты. Интересно и другое. С конца XI в. Е. П. Алексеева прослеживает здесь следы тюркского /кыпчакского/ населения. Таким образом, местные народы /племена/ — ираноязычные и тюркоязычные — могли быть приобщены к христианству теми миссионерами, которые жили в Архызе — центре Аланской епархии, в Шоане и Сентах. С XII в. здесь, по ее мнению, могли появиться и первые грузинские проповедники⁵⁸.

Третьим исследователем, интересы которого здесь всегда были сопряжены не только с вопросами средневековой истории Северного Кавказа, но и памятниками искусства и архитектуры, является В. А. Кузнецов. В отличие от храмов Архыза, Сентинской церкви он не посвящал специальной статьи, но она довольно детально описана в монографии «Зодчество феодальной Алании». В. А.

Кузнецов стремится не только дать представление о Сентинском храме, но и восстановить его первоначальный облик, пользуясь литературой и личными наблюдениями. Это ему вполне удалось, за исключением некоторых деталей. Так, изучаемая церковь, вопреки его утверждениям, не имеет «трехступенчатого цоколя» по всему периметру. В кладке ее был использован кирпич и даже установлены его размеры /31×21 см при высоте от 4,2 до 3 см/. Особенно заметно чередование плит сероватого известняка в подпружных арках.

В. А. Кузнецов датирует Сентинский храм X в., ставя его «в прямую хронологическую связь» с постройками верховьев Кубани. Анализ фресок позволяет говорить ему о наличии «ощутимой грузинской струи» в их живописной манере, хотя он не отрицает и византийские черты в их исполнении. Здесь, заключает исследователь, «могли скреститься византийские и грузинские художественные традиции»⁵⁹. Свое исследование Сентов В. А. Кузнецов завершает описанием и интерпретацией мавзолея, стоящего возле храма /стр. 80—84/.

Работы всех трех названных авторов позволяют говорить о новом этапе в изучении Сентинского комплекса.

В 1976—1977 гг. археологические работы в районе храма проводила Горнокавказская экспедиция Института археологии АН СССР⁶⁰. Ею планировалось как изучение самого храма с раскопками внутри него, так и исследование прилегающей к нему территории.

В эти два полевых сезона мною был снят детальный план храма, были зарисованы все его стороны и сверены с оригиналом «разрезы», выполненные еще в 1899 г. И. А. Владимировым, и его детали были описаны по рекомендациям, предложенным еще Археологическим обществом для подобных объектов⁶¹ /к сожалению, более современные аналогичные издания я не знаю/.

Сентинский храм, несомненно, построен на месте еще более древнего языческого святилища, так как в его кладке найдены каменные блоки с петроглифическими изображениями змей и геометрических узоров. Подобные факты известны: многие христианские церкви ставились на месте античных «капищ» или перестраивались из них /Вифлеем в Палестине, Джвари в Грузии и т.д./.

В ходе наших раскопок внутри храма обнаружены

не только следы монастырского строительства XIX в., но и обломки древних черепиц, каменных строительных блоков, плитф, меловой штукатурки, верхняя поверхность которой имеет плотную подготовку для письма фресок. Интересна находка прочных красноватых керамических плиток. Сверху они заглажены до блеска, снизу сохраняют следы цемента /раствора/. Ими, очевидно, в древности был облицован пол храма.

Раскопками установлено также, что пол алтаря был несколько приподнят и выдавался в интерьер храма полукруглой солеей. По стене апсиды проходила дугообразная ступенька — седалище /синтрон/. На нем во время богослужений могло восседать высшее духовенство. Кстати, синтрон имеется и на разрезе храма, сделанном И. А. Владимировым. Алтарная преграда или хотя бы части ее нами найдены не были. В западном рукаве храма обнаружена скальная могильная яма, в северном притворе два бедных захоронения.

Полной неожиданностью явилось открытие гробницы под полом храма в его южной, почетной части /«одесную престола», т.е. у правого клироса/ — в южном рукаве. Гробница была перекрыта двумя плитами и узким «замковым» камнем между ними. Каменно-земляной завал над ними содержал битые облицовочные плитки пола, 14 железных наконечников стрел XIII—XIV веков, обломки миски с люстровым узором /XIV в./ и прочий археологический материал.

В гробнице находился гроб, оббитый медными листами. Из него оказались выброшенными почти все кости умершей ⁶², инвентарь разбросан. Наряду с предметами раннего облика /X—XI вв/ здесь же были сделаны отдельные более поздние находки: второй обломок той же люстровой чаши, наконечники стрел, аналогичные найденным. Можно думать, что эти поздние предметы принадлежали воинам Тамерлана, проходившим в 1396 г. к верховьям Кубани и к Эльбрусу. Храм мог быть тогда ограблен, разорена и эта гробница, из-за чего произошла целая битва.

Несмотря на потревоженность данного захоронения, в гробнице удалось найти 15 предметов из золота: четыре витых браслета, мелкие бляшки и застёжки, крупный колт, некогда унизанный жемчугом /он распался/, с изображением птицы, выполненном в технике перегородчатой

эмали. Помимо золотых вещей обнаружено еще более ста предметов /серебряные бляхи, пуговицы-бубенчики, вставки-жуковины из цветных камней и фаянса и проч./. Все они имеют огромное научное значение /рис. 6/. Удалось собрать также остатки ткани типа муслина с золотым

Рис. 6. Предметы из гробницы, обнаруженной в Сентинском храме /раскопки В. И. Марковина/.
1—5 — золото, 6 — серебро.

шитьем в виде птиц, зверей и сложно переплетенного орнамента⁶³.

Вокруг храма располагалось христианское кладбище. Могильные ямы были выбиты даже в скале, на которой стоит церковь. Вещевые находки незначительны — обломки глиняной посуды, кремни для высекания огня и проч. Здесь же раскрыты отдельные парные захоронения. В них кости ранее умерших отодвинуты в сторону, чтобы совершить новые похороны. Эта особенность характерна почти для всех частей Северного Кавказа в средние века.

За алтарной частью храма обнаружены остатки жилых построек, а у входа в него расчищена площадка, довольно аккуратно вымощенная камнями. Собранные экспедицией материалы и сделанные наблюдения позволили выступить в печати с первыми публикациями, в которых более полно рассказывается как о самом храме, так и о двух, связанных с ним находках — колте и золотошитой ткани⁶⁴.

После работ Горнокавказской экспедиции долгое время мало кто из ученых интересовался Сентинским храмом. Только в 1983 г. В. Б. Бесолов выступил в литературе с новым описанием ансамбля «Сентинского монастыря средневековой Алании», взявшись за «всесторонний анализ монастырского храма, освященного во имя Богоматери», т.е. за изучение Сентинского храма. В дальнейшем изложении, очень интересном и важном для осмысления интересующего нас памятника, автор не уточняет, почему же он называет Сенты средневековым монастырем и по каким признакам дает храму наименование «во имя Богоматери». Об этом не мешало бы сказать подробно.

Однако не это определяет характер исследования В. Б. Бесолова. Помимо описания храма и его деталей, в работе интересны предложенная им датировка, — он мог быть построен «скорее всего в третьей четверти IX в.», так и интерпретация его стилистических особенностей. Здесь автор говорит о Сентах как о вполне «самостоятельном историко-архитектурном явлении», возникшем не без влияния византийского зодчества Малой Азии и воздействия закавказской архитектуры смежных с Аланией стран — Абхазии и Грузии⁶⁵. Несмотря на интересное осмысление памятника, в построениях В. Б. Бесолова поражает определенный скепсис к выводам своих коллег, уже

изучавших этот храм, и слабое знание той обширной литературы, которая посвящена Сентинскому комплексу.

В 1986 г. историк архитектуры К. Н. Афанасьев также обратил внимание на храмы в бассейне р. Кубани. Церковь Сентов он рассматривает, «несмотря на отсутствие прямых аналогий», как постройку, близкую «абхазской архитектурной школе», хотя и обособляет ее архитектуру. По его мнению, типологические черты Сентинского храма отличаются от памятников Кавказского Причерноморья, несколько напоминая постройки Херсонеса в Крыму^{65а}

Работами В. Б. Бесолова и К. Н. Афанасьева как бы завершается круг исследований о Сентах. Несомненно, необходима полная публикация всех материалов, добытых Горнокавказской экспедицией и тех «случайных» находок, которые изредка попадают в музеи из Нижней Теберды^{6б}. Необходимо и дальнейшее изучение его архитектурных особенностей. Сентинский храм является немым свидетелем далекого прошлого не только ираноязычных алан, но карачаевцев и черкесов. В определенной степени он, как и Шоана, отражает меру их вкуса, иначе не сохранился бы до наших дней. В связи с этим возникает также масса различных вопросов /соотношение язычества и христианства, понятие красоты в мировоззрении местных горцев, табуирование местностей и предметов и проч./, решение которых зависит прежде всего от сохранности данного памятника в первоизданном виде⁶⁷. Лучшей формой его охраны было бы создание в нем небольшого музея. Предложенный мною литературный обзор, история создания вокруг храма русского монастыря, попытки христианизации местного населения /о чем я сказал лишь мельком/ показывает, насколько полной и богатой могла бы быть его экспозиция, плюс к этому археологический материал, добытый в нем и его окрестностях, и тщательная подача посетителям архитектуры самого храма. Вероятно, об этом стоит подумать.

¹ Reineggs Jacob. Allgemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus. B. I. St-Ptb, 1796, S. 279; B. II, Hildesheim und St-Ptb., 1797, Karte.

² Güldenstädt Johann Anton. Reisen durch Russland und im caucasischen Gebürge. Teil I, St-Ptb, 1787, Karte; Teil II, St-Ptb., 1791, S. 27.

³ Potocki Jean. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive. T. II, Paris, 1829, p. 148, annotation.

⁴ Klaproth H.-J. Sur les anciennes egeises chretiennes dans le Caucase au de la du Kouban. // *Nouveau Journal asiatique*, T. V, Paris, 1830, p. 375—390.

⁵ Минаева Т. М. Из истории археологических обследований верховьев реки Кубани. // Ученые записки Ставропольского гос. педагогического института, т. VII, Ставрополь, 1951, с. 212, 213.

⁶ Бутков П. Г. О древнегреческих церквях в верховьях р. Больш. Зеленчука, осмотренных в 1802 г. майором Потемкиным. // Библиографические листы Кеплена, № 30, СПб., 1825, с. 430—435; *Nouveau Journal Asiatique*. Paris, 1830, T. V, p. 378—382; *Летопись Русского археологического общества*. // *Известия РАО*, т. VII, вып. 2, СПб., 1876, с. 194.

⁷ Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая. // *СМОМПК*, вып. 45, Махачкала, 1926, с. 233.

⁸ Бернардацци И. Христианские древности за Кубанью /отрывок из партикулярного письма/. // *Журнал МВД*, ч. III, кн. 4, СПб., 1830, с. 188—190.

⁹ *Летопись Русского археологического общества*... с. 194, 195.

¹⁰ Список с рапорта командиру Отдельного Кавказского корпуса г-ну генералу от инфантерии, генерал-адъютанту и кавалеру барону Розену... от 17 марта 1833 года за № 237. Гос. архив Ставропольского края, ф. 79, оп. 1, дело 1308.

¹¹ Павлов Д. М. Искусство и старина..., с. 234, 235.

¹² Хицунов П. Об остатках древних памятников христианства на северной стороне Кавказа. // *Сборник газеты «Кавказ»*. Второе полугодие 1847 года. Тифлис, 1848, с. 117—119.

¹³ Фиркович Авр. Археологические разведки на Кавказе. // *Труды Восточного отделения АО*, ч. III, СПб., 1858, с. 120.

¹⁴ Павлов Д. М. Искусство и старина..., с. 237.

¹⁵ Токарев Г. Поездка на снеговой хребет северо-западной цепи Кавказа. // *Современник*, т. XXVIII, СПб., 1851, с. 7—11.

¹⁶ *Bulletin historique-philologique de l'Academie de St. - Peterburg*, V II, № 15, 1859, p. 238.

¹⁷ *Известия РАО*, т. IX, СПб., 1857, с. 385; Архипов А. О древнем христианском храме, находящемся близ слияния рек Теберды и Кубани, на границе Большой Кабарды. // *«Ставропольские губернские ведомости»*, № 12, 1851; см. также газ. «Кавказ», № 24, 1852.

¹⁸ Gille. Flor. Lettes sur le Caucase et la Crimée. Paris, 1859.

¹⁹ Отчет Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. // *Известия РАО*, т. VIII, вып. 4, СПб., 1877, с. 355—359.

²⁰ *Известия РАО*, т. VII, вып. 2, СПб., 1876, с. 194, 195.

²¹ Каменев Н. Л. Развалины церкви св. Георгия, открытой на р. Белой. // *«Кубанские войсковые ведомости»*, №№ 36 и 37, 1869.

²² Кондаков Н. П. Древняя архитектура Грузии. // *Древности*, т. VI, вып. III, М., 1876, с. 222.

²³ Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, с. 8, 9.

²⁴ Бентковский И В. Древние христианские церкви за Кубанью, близ Хумары. // *«Ставропольские губернские ведомости»*, № 43, 1876; Епископ Владимир. Священные достопримечательности по рекам Теберде, Кубани и Большому Зеленчуку. *Ставропольские епархиальные ведомости*, № 23, 1888.

²⁵ Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886. // *Русский архив*, № 4, 1904, с. 664—684.

²⁶ Рапорт Евгения, епископа Ставропольского и Екатеринодарского. Гос. архив Ставропольского края, ф. 135, оп. 49, ед. 85, лист 337, оборот.

²⁷ Об отпуске оружия. Гос. архив Ставропольского края, ф. 135, оп. 57, 58, дело 72.

²⁸ Газ. «Северный Кавказ», № 65 (1206) от 14 августа 1897 г.

²⁹ Древне-христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь, в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта. М., 1892, с. 7 и сл.; Имеется второе издание: Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь, в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта. Одесса, 1896, с. 24—26. См. также Шепинский И. А. Зеленчукская пустынь. «Кубанские областные ведомости», №№ 4—6, 1892.

³⁰ Воскресенский А. Святой Фавор Северного Кавказа — Спасо-Преображенский женский монастырь на р. Теберде в Кубанской области. Одесса, 1910, с. 12—18; Никольский С. Высокопреосвященный Агафадор, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский. // «Ставропольские епархиальные ведомости», №11, 17 марта 1913, с. 364.

³¹ Инокнии в горных дебрях. Спасо-Преображенская женская обитель в горах Кавказа. М., 1906; Соловьянов И. Спасо-Преображенский женский монастырь в дебрях Кавказа и Сентинский древний храм и его фрески. // «Монастырь», № 6, с. 45—47; № 10, с. 48, Нижний Новгород, 1908.

³² Павловский А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907, с. 632; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской Империи. М., 1908, с. 343, 344.

³³ «Ставропольские епархиальные ведомости», № 1, 1 января 1900, с. 47; Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1899 год. Ставрополь, 1901, с. 31.

³⁴ Хромофотография Е. И. Фесенко. Одесса, 1912. Хранится в Ставропольском краевом музее им. Г. К. Праве.

³⁵ Соловьянов И. Спасо-Преображенский женский монастырь... // «Монастырь», № 9, с. 32, 36; Воскресенский А. Святой Фавор..., с. 34—37.

³⁶ Уварова П. С. Христианские памятники. // МАК, т. IV, М., 1894, с. 16.

³⁷ Археологические известия и заметки, №№ 5—6, М., 1896, с. 169, 170 /заседание МАО от 8 мая 1896 г./.

³⁸ Сырое в В. М. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду, летом 1895 года. // МАК, т. VII, М., 1898, с. 128—130, рис. 30, табл. XVII /фотография Е. Д. Фелицына/.

Дьячков-Тарасов А. Н. Сентинский храм и его фрески. // Кубанский сборник, т. V, Екатеринодар, 1899, с. 3—8, рис. 1—21.

⁴⁰ Дополнительная заметка к статье А. Н. Дьячкова-Тарасова. // Кубанский сборник, т. V, Екатеринодар, с. 1—7.

⁴¹ Дьячков-Тарасов А. Н. В горах Большого и Малого Карачая. // СМОМПК, вып. 28, Тифлис, 1900; его же. Древние храмы в Кубанской области и в Черноморской губернии. // Весь Кавказ. вып. 1, Тифлис, 1903, с. 12.

⁴² Дополнительная заметка..., с. 2, 7; Фелицын Е. Д. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии. Екатеринодар, 1899, с. 114 /№1855/; Минаева Т. М. Из Истории археологических обследований..., с. 219.

⁴³ ОАК за 1899 год. СПб., 1902, с. 52—55.

⁴⁴ Владимиров И. А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области. //ИАК, вып. 4, СПб., 1902, с. 1—14.

⁴⁵ Отчет художника Ивана Алексеевича Владимирова о работах в Кубанской и Терской областях. //Архив ЛОИА АН СССР. ф. 1, дело № 102 за 1899 г., листы 17—85.

⁴⁶ Воскресенский А. Святой Фавор..., с. 39. См. также: Павлов Д. М. Искусство и старина..., с. 258; Лайпанов Х. О. Золотая монета Константина IV. //«Пятигорская правда» от 15 июня 1941 г.

⁴⁷ Прозрителев Г. Н. Древние христианские памятники Северного Кавказа. Ставрополь, 1906.

⁴⁸ Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. //СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, с. 95—105.

⁴⁹ Федоровский А. С. Археологические заметки о Кубанской области. //ИАК, вып. 47, СПб., 1913, с. 157.

⁵⁰ Смирнов В. Н. Путеводитель по волшебной Теберде. Ростов-на-Дону, 1913, с. 23—26.

⁵¹ Сведения получены от М. Н. Ложкина. Им же были мне присланы фотокопии Филиппова С. К. с некоторых монастырских материалов. Им моя глубокая благодарность.

⁵² Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая, с. 233—245, 250, 255—259.

⁵³ Дьячков-Тарасов А. Н. Археологические разведки в Карачае в 1927 году. // Бюллетень С. К. Горского НИИ Института. №№ 2—4, Ростов-на-Дону, 1927, с. 83.

⁵⁴ Попов С. Н. Пешком по Карачаю. //Северный Кавказ. Ростов-на-Дону, 1931; Теберда /путеводитель/. Под ред. В. М. Броннера. М., 1934.

⁵⁵ Минаева Т. М. Из истории археологических обследований верховьев реки Кубани, 227—232.

⁵⁶ Минаева Т. М. Могильник в устье реки Теберды. // МИСК. вып. 7, Ставрополь, 1955, с. 278; ее же. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965, с. 64, 65.

⁵⁷ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 94. В этой книге интересен также библиографический обзор.

⁵⁸ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 147—149, рис. 10, 11.

⁵⁹ Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 74—79. См. также его: В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977, с. 58—64.

⁶⁰ В работах экспедиции принимали участие: В. И. Марковин, М. И. Каленкина, Н.-Ф. Г. Полихрониди, И. В. Отюцкий, С. Н. Алексеев, И. А. Аймасов, Н. А. Багровников, Т. В. Большакова, Г. Я. Вилков, И. Н. Давыдов, Н. А. Ежова, Г. А. Лебедева, А. И. Лопатин, Г. О. Ледовский, Е. Ю. Макарова, Г. И. Назимова, Е. Г. Орлова, М. Н. Полихрониди, И. Г. Сиволапова. Всем им моя благодарность.

⁶¹ Программа для исследования древностей Кавказа /церкви и монастыри/. //Древности, т. 13, вып. 71, М., 1889; Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851, с. 16—57.

⁶² Они принадлежали девушке лет 14-ти, грацильного телосложения. Осматривались антропологом Абдурашидом Гаджиевичем Гаджиевым. Ему моя благодарность.

⁶³ Золотые предметы сданы в Ставропольский краевой краеведческий музей им. Г. К. Праве /акт от 15 августа 1977 г./ Там же хранятся все остальные коллекционные материалы за исключением ткани с золотым шитьем, сумочки, украшенной бронзовыми бляшками и фрагментов кожаной обуви. Они сданы в ГИМ /акт от 10 окт. 1977 г./.

⁶⁴ Марковин В. И. Сентинский храм. // Газ. «Ставропольская правда» от 20 января 1977 г., №16/15500/; его же. Раскопки в Сентинском храме. //АО 1976 года, М., 1977, с. 110, 111; Марковин В. И., Полихрониди, Отюцкий И. В., Лопатин А. И. Исследование Сентинского храма. //АО 1977 года, М., 1978, с. 129, 130; Макарова Т. И., Марковин В. И. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма. //СА, №3, 1981, с. 268—274; Марковин В. И. Сентинский храм. //Литературная Грузия, №6, Тбилиси, 1981, с. 200—211; его же. Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма. //Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, с. 67—76. См. также: Алексеева Е. П. Археологические раскопки и разведки на территории Карачаево-Черкесии 1975—1980 гг. В той же кн. «Проблемы...», с. 86, 87; Землякова И. Ф. Поиски, встречи, находки. Ставрополь, 1978, с. 38.

⁶⁵ Бесолов В. Б. Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятниками христианского Востока и Византии. //IV Международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 1983, с. 1—19.

^{65a} Афанасьев К. И. Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа. //«Новые материалы по археологии Центрального Кавказа». Орджоникидзе, 1986, с. 111—113.

⁶⁶ В Ставропольский краевой краеведческий музей им. Г. К. Праве в 1963 г. поступила серия вещей, якобы «случайно» найденных в Нижней Теберде. Несомненно, они происходят из окрестностей храма /инв. №14464/.

⁶⁷ В архиве Т. М. Минаевой /краевой музей Ставрополя/ имеется акт от 14 июня 1965 г. с фиксацией состояния храма. Известно заключение о его сохранности, присланное художником-реставратором В. Филатовым и Краевой Отдел культуры 17 декабря 1974 г. Эти документы свидетельствуют об исчезновении фресок под вульгарными рисунками и надписями. В них говорится и о разрушении самой постройки. В 1977 г. под рук. С. Т. Амбарцумяна были приняты реставрационные работы в храме.

Х. Х. БИДЖИЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Разработка данной проблемы имеет большое значение для развития науки, ибо позволяет объективно определить то, что достигнуто и что предстоит сделать. По-

мимо того, историографическое осмысление накопленного опыта в деле изучения темы важно и вообще для истории науки, так как до сих пор нет ни одной специальной работы, охватывающей весь регион. Исключением является книга М. Г. Магомедова «Образование хазарского каганата» (М.: Наука, 1983), где обстоятельно проанализирована литература и археологические раскопки на территории Дагестанской АССР.

В изучении истории тюркских народов Северного Кавказа в СССР можно наметить условно три главных периода¹. Первый период, связанный с экспедициями Российской Академии наук, начинается в XVIII в. и продолжается до Великой Октябрьской социалистической революции. Второй период охватывает с 1917 по 1960 годы. Третий период начинается с 1960-х годов и длится до наших дней².

Как известно, по сведениям письменных источников, различные тюркские племена в эпоху раннего средневековья широко расселились в степных просторах изучаемого региона, вступили в тесные социально-экономические, военно-политические и этнокультурные контакты с народами Кавказа, Византии, Передней Азии. Наиболее крупными среди них были племенные объединения гуннов, басил, савир, авар, болгар, хазар, печенегов, половцев и т. д. В настоящей работе предпринята попытка подвести некоторые итоги изучения истории и археологии названных племен и народов на территории Северного Кавказа.

В дореволюционной и советской историографии до 1960-х г. работ, специально посвященных им, почти нет. Большинство авторов писали о тюркских народах Юго-Восточной Европы вообще, а не конкретно о населении изучаемого региона. Тем не менее, их труды имеют значительную ценность для нас, так как авторы в той или иной степени касались и населения рассматриваемого региона. Это вполне естественно, если учесть, что Северный Кавказ являлся важнейшей частью территории расселения различных объединений раннесредневековых тюркских племен, т. е. речь идет о близкородственной этнокультурной среде. Помимо того, «пути большинства, если не всех великих передвижений алтайскоязычных народов из Азии в Европу, проходили через Кавказские горы или близ них»³. Поэтому авторы, писавшие о тюркских народах Юго-Восточной Европы, касались населения и Северного

Кавказа. В связи с тем, что работы дореволюционных и советских авторов до 1960-х г. о тюркских народах Юго-Восточной Европы анализировались нашими предшественниками⁴, я откажусь от подробного анализа их и буду акцентировать свое внимание на узловых проблемах историографии 1960—1980 гг.

Можно только отметить, что в дореволюционный период специальные работы об этих народах написали В. В. Григорьев⁵, Д. Языков⁶, Б. Дорн⁷, А. Я. Гаркави⁸, П. В. Голубовский⁹, В. Г. Васильевский¹⁰, П. Ковцов¹¹, Я. Д. Лазарев¹², Н. А. Аристов¹³. Значительный интерес представляет для нас также обобщающая работа Н. Я. Харузина о развитии жилищ кочевников, написанная по этнографическим материалам¹⁴. Отдельными вопросами истории раннесредневековых тюркских народов занимались или касались их в своих работах К. Патканов¹⁵, Д. И. Иловайский¹⁶, В. К. Радлов¹⁷, Ф. Вестберг¹⁸, Ю. Кулаковский¹⁹, В. Ф. Миллер²⁰ и др.

Итак, рассматриваемый период был начальным этапом в изучении истории названных народов. Работы дореволюционных авторов были написаны по данным отрывочных письменных источников и освещают некоторые аспекты военной и политической истории изучаемых народов. Они в силу классовой ограниченности, не могли глубоко и всесторонне изучить историю названных народов. Одни из них (В. В. Григорьев, В. О. Ключевский) чрезмерно идеализировали их, другие (Д. И. Иловайский) рассматривали их как кочевников, не способных создавать культурные ценности.

Коренной перелом в изучении истории народов нашей страны наступил после Великой Октябрьской социалистической революции, когда открылись широкие возможности для разностороннего и целенаправленного развития науки.

Советские ученые, продолжая лучшие традиции русского дореволюционного востоковедения, приступили к активному изучению истории названных народов. Об этом красноречиво свидетельствует то, что изучением их истории занимались известные ученые. Так, специальные работы о хазарах, болгарях и половцах были написаны В. В. Бартольдом²¹, М. И. Артамоновым²², Д. И. Пономаревым²³, К. В. Кудряшовым²⁴, Н. Я. Мерпертом²⁵ и др. Их работы представляют ценный вклад в историогра-

фию и сохраняют научную значимость до сих пор. Особое внимание в историографии этого периода уделяется, как и раньше, истории хазар. Так, вопросам хазарской культуры, русско-хазарским отношениям посвящены работы Ю. Готье²⁷, В. А. Пархоменко²⁸, А. Ю. Якубовского²⁹, В. В. Бартольда³⁰.

Много сделали для изучения гуннов К. А. Иностранцев³¹ и А. Н. Бернштам³². Заслуживают высокой оценки суждения А. Н. Бернштама по проблеме происхождения гуннов и их этнических связей с хуннами китайских источников. Но его попытка рассмотреть походы гуннов, как явление прогрессивное в истории Азии и Европы, в советской науке признания не получила и подвергнута справедливой критике.

Отдельные вопросы истории тюркских народов разрабатывали или касались их Н. Я. Марр³³, С. Т. Еремян³⁴, Н. В. Пигулевская³⁵, Е. Ч. Скржинская³⁶, Л. М. Меликсет-бек³⁷, А. Самойлович³⁸, А. П. Смирнов³⁹, Г. А. Меликишвили⁴⁰, В. Ф. Минорский⁴¹, С. Ш. Гаджиева, Л. И. Лавров⁴³, В. Ф. Генинг⁴⁴, А. Х. Халнков⁴⁵, А. Крымский⁴⁶, В. К. Гарданов⁴⁷, З. М. Буниатов⁴⁸, Н. Я. Половой⁴⁹.

Вопросами нашей темы занимались и археологи. Но следует отметить, что и после Великой Октябрьской социалистической революции памятники археологии не сразу стали объектом широких раскопок, поэтому большинство работ указанного периода также были написаны по данным отрывочных и противоречивых письменных источников. Вследствие этого авторы, изучавшие историю некоторых народов, пришли к самым различным и противоположным, а порой взаимоисключающим выводам. Об этом свидетельствует острая дискуссия, развернувшаяся в начале 1950-х гг. о роли хазар и Хазарского каганата в истории народов Восточной Европы. В частности, одни авторы (М. Н. Покровский, Н. Я. Марр, М. И. Артамонов и др.) в своих работах говорили о важной роли их в истории народов Восточной Европы, о большой территории Хазарского каганата и т.д. Н. Я. Марр хазар вообще рассматривал как автохтонов Кавказа. Другие авторы Хазарский каганат рассматривали как небольшое примитивное государственное образование и подчеркивали недопустимость преувеличения роли их в истории славян и других народов Восточ-

ной Европы⁵⁰. В частности, Н. Я. Мерперт резко, но справедливо критикует некоторых дореволюционных (В. В. Григорьева, В. О. Ключевского) и советских (Н. М. Покровского, Н. Я. Марра, М. И. Артамонова) ученых за идеализацию истории хазар. Он прав также, когда пишет, что в создании хазарской культуры большую роль сыграли славяне и народы Кавказа. Трудно не согласиться с его выводами о том, что «для правильного разрешения хазарской проблемы необходимо решительное отрешение от «автохтонизма» хазар⁵¹. Однако Н. Я. Мерперт, выступая против идеализации хазарской культуры, сам впал в другую крайность — недооценку роли их в истории народов Восточной Европы. По его словам, они не имели «ни единой экономической базы, ни единой культуры»⁵². Такая оценка их роли господствовала до 1960-х гг. и оказала определенное отрицательное влияние на ход изучения истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. Конкретный материал, добытый и проанализированный советскими археологами (М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, С. А. Плетнева, М. Г. Магомедов и др.), позволил преодолеть названные выше противоречия в оценке роли хазар в истории народов Восточной Европы. По словам С. А. Плетневой «Экономической базой каганата являлось развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство, повсеместно развитые ремесла, широкая внутренняя торговля, в которой экспорт и импорт играли по существу почти равную роль, наконец, пошлины и дани, взимавшиеся с торговых караванов, проходивших по землям каганата и с соседних, более слабых народов»⁵³.

Особенно плодотворным для историографии ранне-средневековых тюркских народов оказался период с 1960-х гг. по настоящее время. Прочную основу этого этапа в историографии изучаемых народов заложил М. И. Артамонов и, прежде всего, капитальным исследованием «Истории хазар» (Л., 1962). Она отличается широким проблемным и хронологическим диапазоном; в ней автор на основе умелого и всестороннего анализа письменных и частично археологических источников освещает историю не только хазар, но и других народов Восточной Европы эпохи средневековья.

В центре внимания автора — вопросы социально-экономических отношений в Хазарии, развитие ремесла, го-

родской жизни, внешней и внутренней торговли, военно-политические связи со странами Востока и Запада. Достойное место занимает в работе этногеография, локализация территории отдельных родоплеменных групп и военно-политических центров. В целом в работе реализован большой опыт и эрудиция ученого и книга заслуженно признана специалистами энциклопедическим исследованием истории тюркских народов Восточной Европы. По мере накопления нового материала и повышения методов исследования, отдельные положения М. И. Артамонова корректируются⁵⁴. Тем не менее, до сих пор его книга остается лучшей работой по изучаемой теме, наряду с трудами С. А. Плетневой, к рассмотрению которых мы переходим.

Непосредственным продолжателем исследований М. И. Артамонова в области истории и археологии тюркских народов является С. А. Плетнева; она автор многочисленных статей и серий капитальных трудов по указанным народам. Прекрасный знаток археолого-этнографических и письменных источников, она открыла новые страницы в изучении истории хазар, болгар, печенегов, половцев и других народов⁵⁵.

Большим достижением советской историографии явилась ее книга «От кочевий к городам» (М., 1967), в которой она во всей полноте изучила закономерности постепенного перехода тюркских народов «от кочевий к городам». Ее труды отличаются стремлением разработать кардинальные обобщающие проблемы и максимально мобилизовать материалы, критической оценкой источников, строгостью и тщательностью в решении той или иной проблемы, возникающей в процессе исследования. Несомненной заслугой С. А. Плетневой является и то, что в ее трудах впервые для освещения истории тюркских народов, наряду с письменными сведениями, в качестве важного источника широко и умело использованы археологические материалы. Она обычно разрабатывает актуальные и обобщающие проблемы. Интерес ее к обобщающим проблемам особенно ярко проявился в монографии «Кочевники средневековья» (М., 1982), где она на фоне широкого сравнительного материала изучает законы социально-экономических отношений кочевников, возникновение кочевнических государств и культур, взаимоотношение их с земледельческими народами и т.д.

Книга имеет исключительную ценность для изучения не только тюркских, но и других кочевых народов, ибо в ней обобщены материалы многих контингентов.

В 1970—1980-х гг. центральные и местные научные силы приступили к более углубленному изучению письменных источников и серьезному осмыслению этнографических данных. Но наиболее важной особенностью этого периода надо считать то, что в течение последних трех десятилетий широко развернулось изучение раннесредневековых археологических памятников региона. Правда, первые попытки изучения или историко-культурного осмысления их применительно к истории тюркских народов были сделаны еще авторами дореволюционного периода. Так, Н. А. Нарышкин в 1870 г. и А. Н. Грен в 1904 г. провели небольшие археологические работы в Северном Дагестане и сопоставляли известное Анрейаульское городище со столицей хазар Семендером⁵⁶. Известный русский археолог В. А. Городцов в 1907 г. провел первые серьезные раскопки на развалинах г. Маджар⁵⁷, возникновение которого многие дореволюционные авторы (Н. А. Караулов, Ю. П. Проценко, В. Ф. Миллер, Г. Н. Прозрителев и др.) относили к хазарскому времени, а Н. А. Караулов сопоставлял его с хазарским городом Беленджером⁵⁸. В. М. Сысоевым, А. Н. Дьячковым-Тарасовым, Е. Д. Фелицыным, Г. Н. Прозрителевым⁶⁰ и др. были выявлены и частично опубликованы каменные изваяния VII—XIII вв. н. э.—памятники монументальной скульптуры этих народов. Еще раньше половецкие курганные могильники под Анапой⁶⁰ были исследованы В. В. Сизовым и Н. И. Веселовским.

Значительные археологические работы были проведены и в 1930—1960 гг. В частности, А. П. Кругловым, Е. И. Крупновым, К. Ф. Смирновым, М. И. Пикуль, Н. Д. Путинцевой были исследованы погребальные памятники изучаемых народов в Дагестане и в Кабардино-Балкарии⁶¹. Еще раньше на Кубани был исследован Пашковский могильник⁶². В 1940—1950 гг. разведками Н. В. Анфилова и Т. М. Минаевой были открыты болгарские поселения VIII—X вв. в степной зоне изучаемого региона⁶³. В 1959 г. В. А. Кузнецовым были проведены разведки по изучению памятников раннего средневековья в районе г. Кисловодска. Он на основе тщательного анализа керамического материала этих поселений пришел к

выводу о расселении в этом районе в VIII—IX вв. значительного болгарского населения⁶⁴.

Но работы 1960—1980 гг. отличаются большей масштабностью, более высоким и качественным уровнем интерпретации добытого материала. Этому этапу характерен не только широкий размах археологических изысканий, но и другая направленность. В частности, если в предыдущие годы усилия археологов были сосредоточены на изучении погребальных памятников, главным образом ираноязычных алан, то в названный период вместе с ними активно изучались поселения, принадлежащие изучаемым народам. Важно отметить, что в этот период под руководством Е. И. Крупнова, С. А. Плетневой, К. Ф. Смирнова, Р. М. Мунчаева и других крупных ученых в институте археологии АН СССР, в МГУ им. М. И. Ломоносова, в научных центрах Тбилиси была подготовлена большая группа археологов, которые, наряду с центральными археологическими экспедициями, активно включились в изучение памятников региона.

Для историографии тюркских народов, особенно плодотворными оказались результаты археологических работ на территории Дагестанской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области. В указанный период в Дагестанской АССР проводится систематическое исследование раннесредневековых памятников, имеющих прямое отношение к изучаемым народам. В начале 1960-х гг. большие раскопки были проведены под руководством В. Г. Котовича на Урцекском городище, отождествляемым со столицей гуннов Варачаном⁶⁵. В это же время археологические работы в Дагестане проводил известный историк и археолог Л. Н. Гумилев, который Щелковское городище сопоставил с Семендером. В 1966—1967 гг. значительные раскопки были проведены в нижнем течении р. Сулак Г. С. Федоровым⁶⁷. В эти же годы А. В. Гадло проводил раскопки городища Хазар-кала⁶⁸.

В 1967 г. группа дагестанских археологов приступила к изучению Андреяульского городища, прерванного вследствие безвременной кончины Д. М. Атаева⁶⁹. С 1970 г. по настоящее время в Терско-Сулакском междуречье проводятся раскопки под руководством М. Г. Магомедова. Их результаты особенно плодотворны. Этим исследователем были изучены многочисленные поселения

и могильники, «которые дают возможность разобраться во многих спорных вопросах истории хазар»⁷⁰.

Исключительно важное значение для нашей темы имеет изучение Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии, являющегося одним из крупнейших среди средневековых памятников Северного Кавказа. Оно стало привлекать к себе внимание путешественников и археологов сразу же после включения Карачая в состав Российского государства. Во второй половине XIX — начале XX вв. им интересовались известные кавказоведы А. Фиркович, Е. Д. Фелицын, В. М. Сысоев, Н. Е. Талицкий, А. Н. Дьячков-Тарасов, но, как правило, городище изучалось и описывалось только в сочетании с другими памятниками верховьев Кубани. В 1960 году в процессе разборки местным совхозом великолепного строительного камня из крепостных сооружений городища случайно были найдены высеченные на каменных блоках древнетюркские рунические надписи. В этой связи в 1960—1962 гг. изучением городища занимался В. А. Кузнецов. Его статья, опубликованная в журнале «Советская археология», фактически является первой серьезной работой, посвященной памятнику. Он первым на современном научном уровне определил значение Хумаринского городища как выдающегося археологического памятника периода становления феодализма на юге нашей страны. Он высказал предположение о тюркском характере рунических надписей, найденных на городище, и дал обстоятельное описание памятника, датировав его X—XI вв. Однако раскопки на городище В. А. Кузнецов не вел⁷¹.

Впервые археологические раскопки на городище были проведены экспедицией КЧНИИ, возглавляемой Е. П. Алексеевой. Она в 1963—1964 гг. исследовала ряд участков внутри укрепленной части городища и за его пределами. Ею было установлено, что у подножия цитадели со стороны балки Шугара средневековые культурные отложения подстилает пласт, оставленный населением VIII—VI вв. до н.э. Е. П. Алексеевой еще раньше, т.е. в 1960—1961 гг., были проведены раскопки Кызыл-Калинского поселения и Римгорского городища. Материалы, полученные при раскопках этих памятников, она использовала при написании книг «Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа» (Черкесск, 1963) и «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии» (М., 1971)⁷².

С 1974 г. археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского НИИ, возглавляемая автором, приступила к систематическому и планомерному исследованию городища. Памятник раскапывался в течение 1974, 1975, 1977, 1979, 1980, 1983 полевых сезонов. В 1974—1975 гг. городище раскапывалось объединенной экспедицией КЧНИИ и ЛГУ (Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло). Нашими исследованиями на городище открыты крепостные, жилые, хозяйственные, культовые и погребальные сооружения, собран большой археологический материал, состоящий из разнообразной керамики, предметов быта, надписей знаков, рисунков, позволяющих изучать вопросы развития материальной и духовной культуры, внешних связей, этнический состав, другие вопросы жизни обитателей памятника. Особую ценность представляют тюркские рунические надписи, обнаруженные на городище, свидетельствующие о высокой культуре населения региона для того времени, ибо «письменность является одним из наиболее полезных достижений цивилизации»⁷³. Важно отметить, что благодаря систематическим раскопкам, удалось определить стратиграфию памятника, которая по материалу хорошо расчленяется на три исторические эпохи: VII—VI вв. до н.э.; II—VII вв. н.э.; VIII—X вв. н.э. Изучение городища способствует выяснению стратиграфии и других крупных городищ раннегородского типа, определявших культурное и экономическое развитие области, помогает проследить генезис и особенности становления феодализма на Северном Кавказе, многие аспекты которого до сих пор остаются спорными⁷⁴.

Такие же серьезные раскопки были проведены В. Б. Ковалевской на городище Указатель в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкессии в течение нескольких лет⁷⁵.

Важной отличительной особенностью этого периода является еще то, что были проведены большие работы также в степной зоне района, которая долгое время оставалась неисследованной. И тут, прежде всего следует отметить работы А. В. Гадло. Он в течение нескольких лет проводил разведки по выявлению и изучению средневековых памятников Ставропольской возвышенности и им была открыта большая группа болгарских поселений⁷⁶. Но он на них раскопки не производил.

В 1982—1983 и 1985 гг. археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского НИИ под руководством автора проводила широкие работы в Ставропольском и Краснодарском краях по выявлению и изучению болгарских памятников VIII—X вв. н.э. Нами были проведены первые раскопки на этих поселениях и собран большой материал. В частности, были проведены раскопки в поселениях Кизиловая Балка, Черная Балка, Камнебродская⁷⁷.

Археологи (Н. В. Анфимов, А. В. Гадло и др.), изучавшие памятники Ставропольской возвышенности до нас, писали о наличии здесь болгарских селищ VIII—X вв. н.э. Нами установлено наличие в регионе, наряду с селищами, и укрепленных городищ (Кизиловая Балка, Лесные Ключи и др.). На некоторых из них проведены значительные раскопки. Особенно интересными представляются раскопки на городище Кизиловая Балка под г. Армавиром, где открыты жилые, хозяйственные, крепостные сооружения, собран богатый и разнообразный керамический материал. Замечательный памятник находится у с. Пелагиада под г. Ставрополем. Я имею в виду городище Лесные Ключи, расположенное на окраине села, около правления зверосовхоза.

В 1970—1980 гг. к изучению памятников степной зоны активно подключились археологи гг. Ставрополя, Новороссийска, Краснодара. Так, в 1974 г. А. В. Дмитриевым близ г. Новороссийска исследован могильник Дюрсо, состоящий из погребений гуннов V—VII вв. и болгар VIII—IX вв.⁷⁸.

Богатые гуннские захоронения исследованы Р. Ж. Бетровым⁷⁹, Н. А. Охонько и И. В. Отыцким⁸⁰ в Кабардино-Балкарии; в окрестности г. Зеленокумска в Ставропольском крае.

В 1972 г. Н. В. Анфимов раскопал грунтовый болгарский могильник VII—IX вв. у аула Казазово в Адыгее⁸¹. Здесь же в 1985 г. открыт новый памятник с трупосожжением VIII—IX вв. Он имеет по погребальному обряду и инвентарю близкие аналогии с могильниками Дюрсо, Молдавановка. Видимо, эти памятники принадлежали какой-то тюркской группе в составе болгарских племен VII—IX вв. н. э.⁸².

В свете новых археологических открытий можно твердо сказать, что после распада Великой Болгарии Кубрата, болгарские родоплеменные группы широко расселились

в Степном Предкавказье, в частности в Ставропольской возвышенности, в районе Кавказских Минеральных Вод, в Карачаево-Черкесии и сопредельных районах Кабардино-Балкарии. Возможно, эти районы являлись составной частью Великой Болгарии Кубрата, хотя из-за недостатка материала трудно твердо утверждать это. Помимо того, видимо, под Гипийскими горами, откуда Аспарух ушел на Запад, Ананий Широкаци подразумевает Ставропольскую возвышенность.

В целом третий этап, охватывающий последние три десятилетия, характеризуется большим фронтом целенаправленных и систематических археологических исследований во многих районах Северного Кавказа, которые позволили собрать обширный материал по истории рассматриваемых народов. И накопленный яркий и ценный материал позволил перейти к критической проверке источников, работ предшественников, разобраться во многих спорных вопросах и приступить к более углубленной разработке различных аспектов истории изучаемых народов. О больших масштабах исследовательских работ красноречиво свидетельствует то, что на основе археологического материала были написаны начальные главы «Очерков истории Карачаево-Черкесии» (1967), «Истории Дагестана» (1967) и «Истории Кабардино-Балкарской АССР» (1967).

О размахе работ по изучению истории названных народов красноречиво свидетельствует и то, что в этот период вышли из печати серии трудов по различным вопросам истории этих народов. Так, гуннам и савирам посвящены статьи В. Г. Котовича, Ю. Р. Джафарова, Г. В. Хауссига, М. А. Сейдова⁸³. В последнее время историю гуннов особенно плодотворно изучает Л. Б. Гмыря. Она в кандидатской диссертации и в статьях освещает военно-политическую историю, происхождение, расселение, экономику, социальное устройство, религиозные верования их⁸⁴.

Еще раньше историей гуннов вообще и гуннов Северного Кавказа в частности, занимались Н. В. Пигулевская⁸⁵ и др. Из последних работ, имеющих отношение к гуннам, следует отметить книгу В. Б. Ковалевской, где имеется ряд ценных выводов о них. В частности, по ее мнению, гунны задолго до IV в. «находились на Кавказе»⁸⁶.

Малоразработанной проблеме истории гуннов — об-

щественному строю — посвящена статья И. Е. Ермоловой, которая на основе анализа письменных источников говорит о наличии у гуннов родовой аристократии, к которой принадлежали предки Аттилы. Она на основе анализа источников доказывает наличие у них рабства.⁸⁷

Большое значение для изучения истории гуннов имеют также труды Г. В. Цулая. Представляется логичным его вывод о том, что в повествовании об овсах в хронике «Жизни Вахтанга Горгасала» речь идет не об аланах, как это принято в литературе, а о гуннском союзе племен Северного Кавказа⁸⁸.

По И. М. Мизиеву «если верить источникам Мровели, то овсы — тюркоязычные племена хазарского происхождения, они занимают земли от Терека до западных пределов Кавказских гор...»⁸⁹.

Следует заметить, что вопрос об этнической принадлежности средневековых оссов-ассов волнует специалистов смежных дисциплин и они приходят в своих работах к противоположным выводам.

Одни исследователи полагают, что ассы тождественны аланам и являются ираноязычными племенами⁹⁰. Другие считают, что ассы отличались от алан и были тюркоязычными. Аргументы авторов о ираноязычности оссов обобщены в названных работах Ю. С. Гаглойти, Т. М. Минаевой и др. Поэтому я на них останавливаться не буду. Аргументы авторов, отрицающих тождество алан и оссов и о тюркоязычности последних, сводятся в основном к следующему. Среди средневековых и современных тюркских народов прочно бытуют родоплеменные группы под названием ас-аз. Народ аз (чередование з-с — закон в тюркских языках) неоднократно упоминается в древнетюркских рунических надписях (памятники в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука, Бильгя-Кагана, надпись из Баян-кола и др.). Многие средневековые разноязычные авторы оссов причисляют к тюркским народам⁹¹.

Применительно к Северному Кавказу этноним ас-аз (в форме «аштигор») впервые употребляется в «Армянской географии» VII в. и хронологически совпадает с возвышением тюркских племен региона (Великая Болгария, Хазарский каганат). Помимо того, автор отличает алан от осов. Начиная с рубежа VII—VIII вв. на территории расселения оссов (Карачаево-Черкесия, Кисловодская котловина и прилегающие районы Кабардино-Балкарии)

появляются памятники с чертами, характерными для хазаро-болгарских племен (глиняные котлы, тюркские рунические надписи Хумары и Нижне-Архызского городища, поминальные храмы и святилища в окрестности г. Кисловодска, тюркские каменные изваяния VII—XIII вв., наскальные погребения). Указанные элементы культуры не характерны для памятников Северной Осетии, где жили аланы и продолжают жить их потомки — осетины⁹².

Важно отметить, что в VIII—X вв. в названном регионе функционировали болгаро-хазарские поселения (Хумара, Указатель, Римгора и т.д.).

Наконец, важным аргументом их является то, что осетины называют балкарцев ассами и Балкарию Ассиией. Последнее обстоятельство сторонники ираноязычности ассов объясняют тем, что «соседние народы продолжали рассматривать позднейшее население Карачая и Балкарии как потомков алано-асского населения»⁹³. Но это мнение, на наш взгляд, не убедительно, так как «это делают не какие-то далекие письменные источники, не какие-то несведущие соседи, а сами осетины своими устами, своим именем называют другой народ»⁹⁴.

Итак, можно высказать несколько предположений по существу дела. Возможно, в древности независимо друг от друга существовали ираноязычные и тюркоязычные племена, покрытые этнонимом ас-аз, как полагает Б. А. Алборов⁹⁵, Р. Г. Кузеев⁹⁶, Е. П. Алексеева и др. Хотя не исключено, что часть сармато-аланских племен были тюркизированы еще в составе империи хуннов, как полагает Н. А. Баскаков⁹⁷, или в средние века в условиях Восточной Европы и Северного Кавказа.

В пользу последнего, применительно к аланам салтовомаяцкой культуры аргументированно высказались М. И. Артамонов и С. А. Плетнева. Так, по М. И. Артамонову, аланы «к хазарскому времени могли быть уже отюречены и говорили не на аланском, а тюркском языке»⁹⁸. С. А. Плетнева отсутствие литературных сведений об аланах Подонья объясняет тем, что они «слились с основным населением Хазарского каганата — болгарами и вошли в состав этого государства», где официальным языком «и у аланов, и у болгар был тюркский»⁹⁹. Поэтому гипотезу о том, что «аланы и асы различались между собой и представляли два разных племени»¹⁰⁰, надо считать не лишней

основания, ибо об этом, помимо многих средневековых авторов, говорит хазарский царь Иосиф. По словам последнего, хазары в союзе с аланами воевали против асов¹⁰¹. Следовательно аланы и асы отличались не только этнически, но и военно-политически. Т. М. Минаева этих ассов отождествляет с донскими асами и считает, что «факт столкновения между северокавказскими аланами и донскими асами в эпоху раннего средневековья, богатую междоусобными войнами, едва ли может служить доказательством этнического отличия алан и асов»¹⁰². Но отождествление ассов хазарских документов с донскими асами не исключает тюркоязычность их, ибо имеются и другие серьезные аргументы в пользу этого. Благодаря усилиям И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой салтовомаяцкая культура хорошо изучена. Она состоит из двух локальных вариантов. Первую группу составляют памятники лесостепной зоны, оставленные аланами или асами. Вторая группа памятников оставлена болгарами и в основном они находятся в степных районах Подонья. Для нас важно то, что в памятниках, относимых к ираноязычным аланам, найдены в большом количестве древнетюркские рунические надписи, знаки и рисунки. Я имею в виду надписи Маяцкого городища¹⁰³.

Наличие тюркских надписей в зоне распространения этих памятников говорит не в пользу ираноязычности этих племен. Возможно, памятники Подонья оставлены асами, говорящими по-тюркски, переселившихся туда из верховьев Кубани и района Кисловодска. Поэтому археологическая культура этих двух районов (поселения, строительная техника, керамика, тюркские рунические надписи и т.д.) очень близки между собой и даже идентичны.

В 1970—1980 гг. историю названных народов активно изучали Я. А. и Г. С. Федоровы, которые болгарам, хазарам и половцам посвятили ряд статей и публикаций. Г. С. Федоров защитил диссертацию, посвященную культуре населения Дагестана изучаемого периода. Их книга «Ранние тюрки на Северном Кавказе» (М., 1978) — первая специальная монография о изучаемых народах¹⁰⁴.

Ряд статей и книгу посвятил хазарам известный специалист по истории древних тюрков Л. Н. Гумилев¹⁰⁵. По словам Л. Н. Гумилева, «К началу VIII в. Хазария превратилась в мощную державу», остановившую арабов и объединившую всю Юго-Восточную Европу»¹⁰⁶.

Большой вклад в изучение истории этих народов вносят труды А. В. Гадло. Его монография «Этническая история Северного Кавказа в IV—X вв. н.э.» (Л., 1979) — первая большая работа, специально посвященная этнической истории региона. В книге, вслед за М. И. Артамоновым, тщательно изучены разноязычные письменные источники IV—X вв. и создана довольно стройная картина этнической истории края. Автор на основе тщательного анализа источников приходит к выводу о том, что значительная роль в изучаемый период в истории Северного Кавказа принадлежала тюркам¹⁰⁷.

В этой книге и в других работах он изучает кардинальные вопросы истории народов Северного Кавказа. Большую ценность представляет собой также его локализация отдельных тюркских племен, родоплеменных групп и военно-политических центров, суждения о социально-политической истории, религиозных верованиях и т. д.¹⁰⁸

Большое значение для историографии хазар имеют труды М. Г. Магомедова. Его работы отличаются умелым, комплексным использованием письменных и археологических источников. В многочисленных статьях и в книге «Образование Хазарского каганата» он основательно освещает основные кардинальные проблемы истории и культуры Хазарии в начальном этапе ее существования: им освещены военно-политическая история, этнокультурные связи, хозяйство, развитие ремесла, вопросы внешней и внутренней торговли, образование городов и развитие культуры¹⁰⁹. В целом Хазария в его работах «предстает перед нами как раннефеодальное государственное образование, в котором, взаимно восполняя друг друга, переплелись оседло-земледельческие традиции местных народов с культурой кочевников, с их мобильностью и военно-политической активностью»¹¹⁰. Важнейшее значение для изучения темы, в частности для историографии хазар, имеют труды известного историка А. П. Новосельцева¹¹⁰.

Итак, огромная работа, проведенная советскими археологами в 1960—1980-х гг., позволила создать объективную картину возникновения, возвышения и гибели Хазарского каганата, сумевшего «на протяжении почти двух веков противостоять крупнейшим государствам того времени — Византийской империи и Арабскому халифату»¹¹¹. Этот вывод археологов совпадает с мнением

ученых других специальностей. Так, по словам ведущего тюрколога СССР Н. А. Баскакова «Хазарское царство в эпоху своего могущества (VIII—IX вв.) занимало вместе с подчиненными ему народами огромное пространство, охватывающее весь юго-восток Европы и почти всю европейскую территорию современной России»¹¹².

Весомый вклад в историографию тюркских народов внесли и вносят труды В. А. Кузнецова, Е. П. Алексеевой, В. Б. Ковалевской и др. В. А. Кузнецов, пожалуй, один из первых среди кавказоведов занялся изучением памятников тюркских народов. Ему принадлежат первые статьи о культуре болгар Северного Кавказа¹¹³. Он первым предпринял попытку выделить тюркские элементы в раннесредневековой археологической культуре Северного Кавказа¹¹⁴. Многие вопросы истории тюркских народов, в частности, такие важные аспекты, как тюрко-аланские, тюрко-кавказские связи, этногеография и ряд других проблем им изучаются также в последующих работах и монографиях¹¹⁵.

В связи с изучением этногенеза карачаевцев и ногайцев, историей изучаемых народов занималась и Е. П. Алексеева. В ее книгах, посвященных народам области, имеются специальные и обстоятельные очерки о болгарях и кипчаках¹¹⁶.

Специальные и содержательные статьи о кипчаках и болгарях написали Т. М. Минаева¹¹⁷, З. В. Анчабадзе¹¹⁸, В. Б. Ковалевская¹¹⁹, В. М. Батчаев¹²⁰. Они касаются также в своих книгах и других публикациях различных вопросов истории этих народов¹²¹. Большое внимание истории раннесредневековых тюрков уделяет в своих работах также В. Б. Виноградов. Предельно актуальным и своевременным звучит его призыв о необходимости «составления и издания новой этнополитической карты Северного Кавказа, на которой, кроме алан, должны занять подобающее им место и тюркоязычные этносы и группы»¹²². Книгу, ряд статей и публикаций посвятил истории и археологии изучаемых народов также автор этих строк¹²³.

Из опубликованных в последнее время крупных работ следует отметить книгу И. М. Мизиева, где автор изучает кардинальные вопросы истории названных народов, начиная от вопроса времени появления на Северном Кавказе до роли их в истории региона¹²⁴. Помимо того, ему принадлежит целая серия статей и этюдов, где изучаются

различные вопросы истории и археологии этих народов ¹²⁵.

Большое значение для нашей темы имеют также труды известного специалиста по истории и культуре древних тюрков С. Г. Кляшторного. Его перу принадлежит ряд статей и публикаций, посвященных мифологии и религиозным верованиям изучаемых народов ¹²⁶. Касались истории изучаемых народов К. В. Тревер ¹²⁷, А. Р. Шихсаидов ¹²⁸, Б. Малачиханов ¹²⁹, И. М. Чеченов ¹³⁰, И. М. Шаманов ¹³¹, В. С. Флеров ¹³², В. Л. Гукасян ¹³³, А. Н. Кирсанов ¹³⁴ и т. д.

Важную ценность для историографии изучаемых народов имеют труды тюркологов-языковедов, работающих в центральных и местных научных учреждениях. Не имея возможности сколько-нибудь подробно остановиться на этих работах, отметим среди авторов: Н. А. Баскакова ¹³⁵, А. М. Щербака ¹³⁶, К. М. Мусаева ¹³⁷, М. А. Хабичева ¹³⁸, М. З. Закиева ¹³⁹, Ш. Х. Акбаева ¹⁴⁰, Х. Хаджилаева ¹⁴¹, С. Я. Байчорова ¹⁴², а также ираниста В. И. Абаева ¹⁴³ и кавказоведа Н. С. Джидалаева ¹⁴⁴.

Наконец, несравненно большую ценность представляют для историографии изучаемых народов переводы и исследования разноязычных источников, проделанные и дореволюционными и советскими авторами (Н. О. Эмином ¹⁴⁵, К. Паткановым ¹⁴⁶, Н. А. Карауловым ¹⁴⁷, П. К. Коковцовым ¹⁴⁸, Н. В. Пигулевской ¹⁴⁹, В. Ф. Минорским ¹⁵⁰, Б. Н. Заходером ¹⁵¹, Ф. Вестбергом ¹⁵², Е. Ч. Скржинской ¹⁵³, С. П. Кондратьевым ¹⁵⁴, И. С. Чичуровым ¹⁵⁵, З. М. Буниятовым ¹⁵⁶, М. Джанашвили ¹⁵⁷, М. В. Левченко ¹⁵⁸, Д. А. Хвольсоном ¹⁵⁹, Г. В. Цулая ¹⁶⁰).

Антропологией тюркских народов занимались Г. Ф. Дебец ¹⁶¹, В. В. Гинзбург ¹⁶², Т. С. Кондукторова ¹⁶³, О. Исмагулов ¹⁶⁴, А. Г. Гаджиев ¹⁶⁵. Особенно много сделал в изучении антропологии народов Кавказа, в том числе тюркских, известный советский антрополог В. П. Алексеев ¹⁶⁶.

Несмотря на широкий размах историко-археологических исследований, ряд проблем остается мало изученным и спорным. Так, до сих пор остается не выясненным этногенез северокавказских гуннов, сабир, хазар, болгар и других племен. Думается, что они, как и многие народы средневековья, имели сложный и смешанный этнический состав. В их состав в процессе продвижения с востока к западу влился значительный угорский и ираноязычный элемент. В условиях Северного Кавказа

тюркские племена не только испытали влияние высокой культуры местных племен, но и инкорпорировали в свой состав значительный сармато-аланский и кавказский компонент. Нерешенным остается также вопрос о хазарах и о колыбели их культуры, о границе Хазарского каганата и территории расселения болгар. Нет устоявшегося мнения по вопросу локализации военно-политических центров хазар и других племен раннего средневековья. И хотя в этом направлении в последние годы проделана большая работа, благодаря усилиям С. А. Плетневой, В. Г. Котовича, А. В. Гадло, М. Г. Магомедова, И. М. Мизиева и др., требует своего решения кардинальный вопрос кавказоведения — вопрос взаимоотношений и связей пришлого (кочевого) и местного (оседлого) населения. В разработке этой проблемы значительных успехов достигли лингвисты. Исследования последних говорят о тесных связях названных народов между собой¹⁶⁷. Речь должна идти о тесных территориальных контактах, об обитании в смежной территории, о инфильтрации некоторых тюркских родоплеменных групп в горные районы и т.д. Но из-за неразработанности этнической интерпретации, в некоторых районах региона не удается выделить их памятники от объектов кавказоязычных и ираноязычных племен. В частности, самые тесные связи и контакты имели с изучаемыми народами аланы — предки современных осетин¹⁶⁸. Топонимисты зафиксировали в Северной Осетии множество тюркских топонимов, восходящих к тюркской этонимике и теонимике¹⁶⁹. По словам известного осетинского топонимиста А. Дз. Цагаевой, «наличие значительного тюрко-монгольского пласта в топонимии Осетии объясняется длительным пребыванием на данной территории этих народов»¹⁷⁰. Интересно, что высокогорное Дигорское ущелье раньше носило название одного из многочисленных и могущественных племенных объединений II—VI вв. н.э. Северного Кавказа — Савир («Савирком»). В Северной Осетии и по настоящее время высится гора, носящая имя верховного бога тюрков — Тенгри («Тенгирцау» — «Тенгритау») ¹⁷¹. Прокопий прямо указывает, что Дарьяльским проходом в V — начале VI в. владели гунны во главе с Амбазуком ¹⁷².

Приведенные материалы не оставляют сомнения в том, что в этом районе в определенный период средневековья бытовало тюркское население. Тем не менее до

настоящего времени нет ни одного памятника интерпретируемого как памятник этих народов. Такая ситуация сложилась относительно памятников Карачаево-Черкесии и других районов региона. Допустим на мгновение, как это принято в некоторых работах, что тюркские племена были вечно кочующими отсталыми кочевниками (хотя по словам известного специалиста по истории тюркских народов С. Г. Кляшторного, «обыденные представления об общем консерватизме степных культур, их неспособности к развитию, ... оказывается несостоятельным») ¹⁷³, которые не создавали культурных ценностей. Но они, как и другие народы, были смертными, умирали, имели кладбище, где хоронили покойников. Следовательно, среди множества погребальных памятников мы вправе искать и объекты, оставленные ими, так как выше отмеченную топонимику принесли туда живые люди.

Одной из важных и нерешенных проблем надо признать вопрос о времени появления тюркских племен в Восточной Европе и на Северном Кавказе. Как известно, это обыкновенно связывается с движением гуннов в IV в. Но по мнению многих дореволюционных и современных ученых, тюркские племена появились на Северном Кавказе и в Причерноморье еще в составе скифов ¹⁷⁴. По мнению В. Радлова под прикаспийскими скифами I в. н.э. скрывались хунны ¹⁷⁵. По Н. А. Баскакову, они были еще в составе прикаспийских скифов, и на юге России появились еще до II в. до н.э. ¹⁷⁶. О проникновении болгаро-хазарских племен в Восточную Европу и Северный Кавказ задолго до появления основных отрядов гуннов в IV в. говорят многие авторы ¹⁷⁷. Об этом красноречиво свидетельствуют и письменные источники. Так, по данным Иордана, гунны после переправы через Дон (или Азовское море) покоряли тюркоязычные племена — алпидзуров, алкилдзуров, итимаров, тункарсов и баисков ¹⁷⁸. Следовательно, они были здесь еще до гуннов Аттилы IV в. О пребывании их в более раннее время, чем гунны Аттилы, в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе говорит также византийский хронист ¹⁷⁹, если даже считать анахронизмом сообщение армянских авторов о появлении болгар, хазар, басил во II в. до н.э.— II в. н.э. ¹⁸⁰. Если к этому добавить то, что Помпоний Мела, Дионисий Перизетт, Плиний Старший, Птоломей отмечают их в первом и втором веках ¹⁸¹, то видимо, правы

авторы, допускающие более раннее пребывание их на Северном Кавказе, чем принято в литературе. Это, прежде всего, относится к болгарам, хазарам, басилам. Возможно, они проникли в изучаемый регион еще в составе скифо-сарматских племен, если учесть, что многие современные авторы пишут о сложном этническом составе скифских племен, отрицая сплошную ираноязычность их. Так, по К.М. Менгесу «Более чем сомнительно рассматривать скифов как иранцев, как это обычно допускается в согласии с утверждением Геродота. Преобладание иранских собственных имен не является достаточным доказательством»¹⁸². По Н.С. Кадыраджиеву, «предположение о тюркском происхождении части скифских племен правомерно не только в лингвистическом аспекте, но и в культурно-историческом»¹⁸³.

Это предположение оправдано в связи с тем, что исследователи отмечают множество скифо-тюркских параллелей. Так, по словам Л. А. Ельницкого, «Пережитки скифской культуры долго и упорно удерживались в культуре тюркомонгольских (а в несколько меньшей мере — славянских финно-угорских) народностей»¹⁸⁴. М. И. Боргояков говорит «о сохранении древнейших мифологических сюжетов скифо-сарматской эпохи (VII—III вв. до н.э.) во многих произведениях хакасского эпоса»¹⁸⁵.

По И. М. Мизиеву, «масса специфических черт культуры скифов сохранилась только у тюркских племен... и считается их этнографической особенностью»¹⁸⁶. Важно отметить, что племя аргиппей (по Геродоту) и причерноморские скифы (по Гиппократу) имели монголоидный тип¹⁸⁷. Более того, по Г. В. Хауссигу «аргиппей говорили на языке, родственном тюркскому»¹⁸⁸. Наконец, некоторые скифские имена, титулы, племенные названия повторяются в антропонимике и этнонимике тюркских племен раннего средневековья¹⁸⁹. Следует добавить, что часть из них ученые этимологизируют на основе тюркских языков¹⁹⁰.

Наконец, до конца еще не решенным остается вопрос о роли их (тюркских племен) в этногенезе современных тюркских народностей края. Она была и остается одной из узловых проблем тюркологии и кавказоведения, требующей неотложного решения. Ею занимались многие ученые. Большинство из них полагают, что эти народы обра-

зовались в результате синтеза нескольких компонентов, что представляется справедливым, ибо «никогда нельзя безоговорочно сближать ни один современный народ ни с одним древним»¹⁹¹. Между тем, многие авторы, изучающие этногенез народов Северного Кавказа, как справедливо отмечает Л. И. Лавров, «пытаются видеть в каждом народе аборигенов данной территории»¹⁹². Этим самым отрицается роль пришлых племен. Этногенез — самый важный и самый сложный аспект истории народа. Он у каждого народа имеет свои особенности, специфику, и необходимо учитывать роль как автохтонных, так и пришлых племен.

Более того, накопленный к настоящему времени археолого-этнографический материал и особенно данные языка не оставляют сомнения в том, что древнейшее ядро балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев составили племена болгаро-хазарских и кипчакских объединений.

Таким образом, в изучении истории и археологии тюркских народов, как и других народов Северного Кавказа, достигнуты большие успехи. Переломным моментом в ее развитии стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Наука за советские годы развивалась наступательно и быстрыми темпами. Естественно, таких больших успехов можно было добиться только при советской действительности, благодаря мудрой заботе КПСС об экономическом и культурном развитии бывших национальных окраин России. Выдающуюся роль в развитии науки на Северном Кавказе сыграли русские ученые, научные силы Москвы, Ленинграда и других городов СССР. Работы советских ученых привели к важным открытиям, выводам и заключениям. Так, советскими учеными доказано, что «кочевнические племена были не только грабителями, но и стимуляторами технического и культурного развития. Целые периоды в истории Евразии определяются в свете взаимосвязи кочевнического и оседлого быта»¹⁹³.

Вышеперечисленные работы не исчерпывают всех проблем истории изучаемых народов. Необходимо усилить изучение разноязычных письменных источников, ономастику. Надо мобилизовать данные этнографии и фольклора.

Важно продолжить и расширить фронт изучения археологических памятников, ибо накопленный в результате

раскопок богатый археологический материал показал, что для истории народов Северного Кавказа основным источником является археологический, так как письменные источники фрагментарны и использование их имеет свою специфику и трудности.

¹ В обзоре не затронута зарубежная историография; это тема специального исследования.

² Подробнее см.: Лавров Л. И. К 250-летию Академического кавказоведения в России. // КЭС, VI, М., 1976.

³ Мусатов К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975, с. 13.

⁴ Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962; Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: 1957; Сиротенко В. П. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV—VII вв. // УЗПГУ им. А. М. Горького. Пермь, 1961. Т. XX, вып. 4; Геннинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник). М.: Наука, 1964; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. // МИА, 1958, № 62.

⁵ О двойственности верховной власти у хазаров. // ЖМНП, 1834, ч. III; Обзор политической истории хазаров. // Северный архив, 1835, т. XI, XIII.

⁶ Опыт о истории хазаров. // Труды императорской Российской академии, ч. I, СПб., 1840.

⁷ Известия о хазарах восточного историка Табари. // ЖМНП, 1844, ч. XI, III.

⁸ Существовали ли у хазар столицы под названием Баланджер // Известия РАО, т. IX, СПб., 1880.

⁹ Болгары и хазары — восточные соседи Руси при Владимире Святом. // Киевская старина, 1888, т. XXII, 7 (июль); его же. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. // Университетские известия. Киев, 1880, № 1.

¹⁰ Византия и печенеги. // Труды, СПб., 1908, т. I.

¹¹ Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-византийских отношениях в X в. // ЖМНП, 1913, ноябрь.

¹² О гуннах Дагестана. // газ. «Кавказ», 1859, № 34, 36, 38.

¹³ Аристов Н. А. О земле половецкой. Киев, 1877; его же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. // Живая старина, 1896, вып. III, IV.

¹⁴ История жилища у тюркских и монгольских народов. // Этнографическое обозрение, 1883, кн. XXXVIII.

¹⁵ Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. // ЖМНП. Ч. ССХХV. СПб., 1883.

¹⁶ Разыскания о начале Руси. СПб., 1876.

¹⁷ К вопросу об уйгурах. // Зап. Академии наук. СПб., 1893, т. XII, Прил.

¹⁸ К анализу восточных источников о Восточной Европе. // ЖМНП, XIII, XIV, 1908, февраль, март.

¹⁹ Христианство у алан. // ВВ, V, 1898; его же. К истории готской епархии в Крыму в VII в. // ЖМНП, 1898, кн. 2.

- ²⁰ Осетинские этюды. М., ч. 3, 1887.
- ²¹ Кипчаки. // Соч. М., 1968, т. V.
- ²² Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- ²³ Куманы-половцы. // ВДИ, 1940, № 3,4.
- ²⁴ Половецкая степь. М., 1948.
- ²⁵ К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: 1957; его же. Древнейшие болгарские племена Причерноморья. // Очерки истории СССР. III—IX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- ²⁶ Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV—VII вв. // УЗПГУ им. А. М. Горького, т. XX, вып. 4.— Пермь, 1961.
- ²⁷ Хазарская культура. //Новый Восток, № 8—9. М., 1925; его же. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.
- ²⁸ У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924.
- ²⁹ О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках. //ИАН СССР, серия истории и философии, 1946, № 5.
- ³⁰ О письменности хазар. //Культура и письменность Востока, IV. Баку, 1929.
- ³¹ Хунны и гунны. Л., 1926.
- ³² Очерки истории гуннов. Л., 1951, с. 4, 256.
- ³³ Избр. раб., т. V, 1935, с. 43.
- ³⁴ Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вораз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. //Зап. ИВАН, СССР, 1939, вып. VII.
- ³⁵ Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941; ее же. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н.э. Сирийская хроника Иешу Силита как исторический источник. //Труды ин-та востоковедения. М.—Л., 1940, т. 31.
- ³⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
- ³⁷ Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского. //Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика И. А. Орбели. Изд. АН СССР. М.—Л., 1960; его же. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье. //ДАН Аз. ССР, т. XIII, № 6, 1957.
- ³⁸ К вопросу о наследниках хазар и их культуры. //Еврейская старина. Л., т. XI, 1924.
- ³⁹ Волжские болгары. М., 1951; Кочевники IV—VII вв. н.э. // История СССР, т. I. М., 1966.
- ⁴⁰ К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- ⁴¹ История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
- ⁴² Кумыки. М.: Наука, 1961.
- ⁴³ Тарки до VIII века. // УЗИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1958.
- ⁴⁴ Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). //Сб. ст. С. Ф. Ольденбургу. Л.: 1934.
- ⁴⁷ Исторический очерк. // Народы Кавказа. Этнографические очерки. М., 1960.
- ⁴⁸ О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв. //Изд. АН Азерб. ССР, серия общественных наук, №10.— Баку, 1961; О деятельности католикаса Албании Виро (596—630). //Ближний и

- Средний Восток. М.—Л., 1962; Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.
- ⁴⁹ О маршрутах русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. //ВВ, 1961, т. XX.
- ⁵⁰ Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии). //Сборник статей ко дню семидесятилетия академика Б. Д. Грекова. М., 1952; его же. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. //СА, 1953, XVIII; Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы. //Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953; Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы, с. 166—189, 51.
- ⁵¹ Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы... с. 189.
- ⁵² Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы... с. 180—189.
- ⁵³ Плетнева С. А. Хазары, с. 56.
- ⁵⁴ Плетнева С. А. //СА, 1963, № 3, рец. на кн.: М. И. Артамонов. История хазар. Л.; Изд. гос. Эрмитажа, 1962; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 93; Этническая общность Барсилы. //Историческая этнография: Проблемы археологии и этнографии, вып. 2, Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 81. Джафаров Ю. Р. К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье. //ВДИ, 1979, № 9, с. 163—173; Буниятов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку: Наука, 1965; Гадло А. В. Отражение социальной борьбы внутри хазарского племенного объединения VII в. в памятниках «еврейско-хазарской переписки». //Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., вып. 9, 1985, с. 18—27.
- ⁵⁵ Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. МИА, 1958, №62; Древности Черных Клобуков. //САИ, 1973, Е1—19; Половецкие каменные изваяния. //САИ, 1974, Е4—2; Хазары. М.: Наука, 1976; Древние болгары. //Плиска-Преслав.—София, 1981; Кочевые народы VIII—XIII вв. //История СССР. т. I. М., 1966; Восточно-европейские степи во второй половине VIII—X в. //Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.
- ⁵⁶ Подробно см.: Мунчаев Р. М. К истории археологического изучения Дагестана. //Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 9—20; Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (Итоги и проблемы). УЗНИЯЛ. Махачкала, 1960, т. VIII, с. 358—363.
- ⁵⁷ Городцов В. А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. //Труды XI АС в Чернигове, т. III.—М., 1911, с. 169—207.
- ⁵⁸ Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. //СМОМПК, вып. XXXVIII. Тифлис, 1908, с. 20—21.
- ⁵⁹ МАК, вып. VII, 1898, с. 140—142; Сысоев В. М. Древности по верхнему течению Кубани. //МАК. Вып. IX, М., 1904, с. 150—165; Прозрителев Г. Н. Древнехристианские памятники на Северном Кавказе. //СССК. Ставрополь, т. I, 1906, с. 10.
- ⁶⁰ МАК, вып. II, М., 1889, с. 98—101; Веселовский Н. И. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. в Таврической губ. и Кубанской обл. //ОАК за 1894 г.
- ⁶¹ Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кав-

казе. //КСИИМК, 1940, вып. V; Крупнов Е. И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. //УЗКНИИ. Нальчик, т. IV, 1948; Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. //КСИИМК, 1951, вып. XXXVIII; Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке в 1955 г. //МАД. т. I, Махачкала, 1959; Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение). //МАД. Том II, Махачкала, 1961.

⁶² Покровский М. В. Пашковский могильник. //СА, 1936, №1.

⁶³ Анфимов Н. В. Средневековые селища Правобережья р. Кубани (Ставропольское плато) //Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982, с. 63—64; Минаева Т. М. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности. //Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1949, вып. I, с. 127—147.

⁶⁴ Кузнецов В. А. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска //Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, вып. 9, 1961, его же. Глиняные котлы Северного Кавказа. //КСИА, вып. 99, 1964.

⁶⁵ Котлович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу //Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 181.

⁶⁶ Гумилев Л. И. Открытие Хазарии. М., 1966; его же. Где же тогда Семендер? //История СССР, 1969, №3, с. 242.

⁶⁷ Федоров Г. С. Раскопки в Северном Дагестане. //АО, 1967. М., 1968, с. 92; его же. Погребальные сооружения и обряды погребений Верхнечирюртовских могильников и их этническая интерпретация. //Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974, вып. 5, с. 204.

⁶⁸ Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. //Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

⁶⁹ Атаев Д. М., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Мамаев М. М. Раскопки Андреяульского городища. //АО, 1967. М., с. 33.

⁷⁰ Магомедов М. Г. Образование хазарского каганата. М.: Наука, 1983, с. 20.

⁷¹ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища. //СА, 1960, №1.

⁷² Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.

⁷³ Клосон Дж. Происхождение тюркского «рунического» письма. //Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. I, с. 135.

⁷⁴ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1983.

⁷⁵ Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии. //АО, 1985. М., 1976; О работах Средневекового отряда Ставропольской экспедиции. //АО, 1976. М., 1977.

⁷⁶ Гадло А. В. Археолого-этнографические исследования 1972 года в западных районах Ставропольского края. //МИСК. Ставрополь, вып. 14, 1976; его же. Салтово-маяцкие (прото-болгарские) памятники в восточной части Ставропольского края. //X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980 и др.

⁷⁷ Биджиев Х. Х. Исследование болгарских поселений Степного Предкавказья в 1982—1983 гг. //Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985.

⁷⁸ Дмитриев А. В. Раннесредневековый могильник на реке

Дюрсо близ Новороссийска. //Новейшие открытия советских археологов (Тезисы докладов конференции). Киев. Вып. III, 1975; его же. Могильники эпохи переселения народов на реке Дюрсо. //КСИА, 1979, №158; его же. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. //СА, 1979, №4; его же. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. //Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. Советско-венгерский сборник. М., 1982.

⁷⁹ Бетров Р. Ж. Захоронение вождя гунского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии //Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

⁸⁰ Охонько Н. А., Отуцкий И. В. Богатое захоронение гунского времени у г. Зеленокумска. //СА, 1982, №4.

⁸¹ Тарабанов В. А. Средневековый могильник у аула Казазово. //Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Л., вып. II, 1983.

⁸² Пьянков А. В. Новый средневековый могильник у аула Казазово. //XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов). Орджоникидзе, 1986.

⁸³ Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана. //Пятое Крупновское чтение по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 97; Джафаров Ю. Р. К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье. //ВДИ, 1979, №3; его же. К вопросу о происхождении европейских гунов. //Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности. М., 1986; Хаусиг Г. В. К вопросу о происхождении гунов. //ВВ, т. 38.

⁸⁴ Гмыря Л. Б. Царство гунов (савир) в Дагестане (IV—VII вв. н.э.): автореф. дисс. канд. истор. н.: Институт археологии АН СССР. М., 1980; Некоторые сведения о гунах в Дагестане. //Материалы по археологии Дагестана, 1980, т. 9.

⁸⁵ Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., часть II. Хроника Иешу Стилита. М.—Л., 1940, с. 130.

⁸⁶ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984, с. 96.

⁸⁷ Общественный строй гунов последней четверти IV — начала V в. //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 г. М., 1984, с. 229—237.

⁸⁸ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей, извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод, предисловие и комментарии Г. В. Сулая. М., 1979, с. 91.

⁸⁹ Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986, с. 66.

⁹⁰ Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881—1887; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, 1. М.—Л., 1949; Гаглойти Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников. //Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967; Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по данным археологии. Ставрополь, 1971.

⁹¹ См. об этом: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974, с. 228—230; Хабичев М. А. Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов. //Актуальные проблемы карачаево-балкарского и но-

- гайского языков. Ставрополь, 1981, с. 31—42; Байчоров С. Я. Руническая эпитафия у стены Зеленчукского (северного) храма // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 68—69; его же: Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореферат дис...канд. филол. наук.—М., 1977, с. 24; его же: Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982, с. 53; его же: Карачаево-балкарский арабический памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982, с. 132—138; его же: Термины «Къарачай и «ас» в карачаево-балкарской этнонимии // Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987 (в производстве); Биджиев Х. Х. К вопросу об этническом составе населения Карачаево-Черкесии в раннем средневековье. // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975; его же. Хумаринское городище. Черкесск, 1983, с. 105; Кызласов Л. Р. История Тувы в середине века. М., 1969, с. 50, 187 и сноски 284; Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, с. 66—93; Байрамкулов А. М. Алано-асские этнические названия, фамилии и имена. /Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981, с. 76—87.
- ⁹² Биджиев Х. Х. Хумаринское городище, с. 60; Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, с. 152—156.
- ⁹³ Гаглойти Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников. // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, с. 85.
- ⁹⁴ Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, с. 94.
- ⁹⁵ Алборов Б. А. Почему осетины называют балкарцев «асы». // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, с. 112.
- ⁹⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 230.
- ⁹⁷ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985, с. 15.
- ⁹⁸ Артамонов М. И. История хазар, с. 313.
- ⁹⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967, с. 186.
- ¹⁰⁰ Артамонов М. И. История хазар, с. 359.
- ¹⁰¹ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932, с. 116—117.
- ¹⁰² Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 193.
- ¹⁰³ Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища. // Маяцкое городище. М., 1984, с. 57—94.
- ¹⁰⁴ Федоров Я. А., Федоров Г. С. Прикаспийский Дагестан в первые века н.э. // УЗИИЯЛДФ АН СССР. Махачкала, т. XIX, 1969; их же. Ранние болгары на Северном Кавказе. // ТКЧНИИ. Т. VI, Ставрополь, 1968; Федоров Г. С. Северный Дагестан в раннем средневековье. Автореф. дис. канд. М., 1970; Федоров Я. А., Федоров Г. С. К вопросу о южной границе Хазарии. // ВМГУ. 1970. № 3; Федоров Я. А. Хазария и Дагестан. // КЭС. М., 1972, V.; Их же. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978.
- ¹⁰⁵ Гумилев Л. Н. Хазария и Терек. // ВЛУ, 1964, № 24, вып. 4; Где же тогда Семендер? // История СССР, 1969, № 3.
- ¹⁰⁶ Открытие Хазарии. М., 1966, с. 106.

¹⁰⁷ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 9—11

¹⁰⁸ Гадло А. В. Этническая общность барсилы. //Историческая этнография: Проблемы археологии и этнографии. Л., вып. 2, 1983; Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья. //ВЛУ, история языкознания, литературоведение, серия 2, вып. 1. Л., 1986; Отражение социальной борьбы внутри хазарского племенного объединения VII в. в памятниках «европейско-хазарской переписки». // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985 и др.

¹⁰⁹ Магомедов М. Г. Верхнечирюртовское городище. //УЗИИЯЛ Махачкала, 1969, т. XIX; его же Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника. //СА, 1975, № 1; его же. Хазарские поселения в Дагестане. //СА, 1975, № 2; его же. Древние политические центры Хазарии. //СА, 1975, № 3; его же. Верхнечирюртовский курганный могильник. //Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977; его же. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника. Там же; его же. Крепостные сооружения Хазарии. //Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

¹¹⁰ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983, с. 193.

^{110a} Новосельцев А. П., Пашуто В. Г., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972; Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. //История СССР, 1982, № 4; Новосельцев А. П. Хазария в системе международных отношений VII—IX веков. //Вопросы истории, 1987, № 2.

¹¹¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 190; ее же. Хазары..., с. 51.

¹¹² Баскаков И. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985, с. 16.

¹¹³ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища. //СА, 1963, № 1; его же. Глиняные котлы Северного Кавказа. //КСИА, 1964, № 99.

¹¹⁴ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа М.: Наука, 1962 (МИА 106).

¹¹⁵ Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971; Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980; В верховьях Большого Зеленчука. М., 1976; Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984 и др.

¹¹⁶ Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.

¹¹⁷ К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК, XI. Ставрополь, 1964.

¹¹⁸ Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. //О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

¹¹⁹ Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе. //Плииска-Преслав. София, 1981.

¹²⁰ Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии. //Археология и вопросы истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, вып. 1, 1980.

¹²¹ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего прикубанья по

археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 173—227; Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984; ее же. Северокавказские древности. //Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981; ее же. Древние болгары на Северном Кавказе. //Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975; Батчаев В. М. К этнической истории балкарцев и карачаевцев. //VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978; его же. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986; Батчаев В. М., Вайнштейн С. И. К проблеме кочевнического комплекса в традиционной культуре горцев Кавказа (балкарцев и карачаевцев). //Этнография и современность. Нальчик, 1984.

¹²² Виноградов В. Б. Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа //Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, вып. 2, 1980, с. 23.

¹²³ Хумаринское городище. Черкесск, 1983; К вопросу об этническом составе населения Карачаево-Черкесии в раннем средневековье. //Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975; О тюркском элементе в этническом составе населения Северного Кавказа в средние века. //Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов сообщений. Алма-Ата, 1976; Исследование средневековых памятников Карачаево-Черкесии и об этнической принадлежности некоторых из них, //IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979; Хумаринское городище (VIII—X). //Сборник в память на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984; Северо-Кавказско-Сибирские связи (Каменные изваяния Карачаево-Черкесии). //Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984; Тюркские каменные изваяния Северного Кавказа. //Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку, 1, 1985; Исследование болгарских поселений Степного Предкавказья в 1982—1983 гг. //Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985.

¹²⁴ Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.

¹²⁵ Несколько замечаний по этнической истории и культуре адыгов. //Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985; Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев. //Этнография и современность, 1984; Балкарско-карачаевские и древнетюркские фольклорные параллели в свете этнической истории. //Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1985 и др.

¹²⁶ Протоболгарский Тангра и древнетюркский пантеон. //Сборник в память на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984; Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии. //Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981.

¹²⁷ Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л.: Наука, 1959, с. 191—193.

¹²⁸ Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), Махачкала, 1969.

¹²⁹ К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. //Ученые записки ИИЯЛ, т. XIV, серия историческая. Махачкала, 1965.

¹³⁰ Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1968; Об этнокультурных связях племен Центрального Кавказа с кочевниками в древности и в средние века. //XIV Крупновские чтения по

археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов), Орджоникидзе, 1986

¹³¹ Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.

¹³² О хронологии салтово-маяцкой культуры. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

¹³³ Тюркизмы в «истории албан» Моисея Утийского. // Структура и история тюркских языков. М., 1971; его же. Историко-культурные контакты народностей Кавказской Албании и Хазарского каганата в VI—VIII вв. // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986 (Тезисы докладов) и др.

¹³⁴ Тюрко-аланские связи. // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986.

¹³⁵ Введение в изучение тюркских языков. М.: Наука, 1969; Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979; Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985.

¹³⁶ Названия домашних и диких животных в тюркских языках. // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

¹³⁷ Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975; Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.

¹³⁸ Карачаево-балкарское именное словообразование.— Черкесск, 1971; К вопросу о карачаево-балкарских и чувашских лексических сходениях. // К вопросу русской и национальной филологий (лингвистика). Ставрополь, вып. VII, 1975; О словах нарт и нартах.— Там же; Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов. // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981 и др.

¹³⁹ Об истоках языка основных компонентов казанских татар (к этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья). // Вопросы татарского языкознания. Казань, 1978; Об изучении древних тюрков и их языков. // Тюркское языкознание. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1985 и др.

¹⁴⁰ Возможности экстралингвистической информативности лексических элементов языка. // Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1984 и др.

¹⁴¹ Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970 и др.

¹⁴² О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани. // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978; Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты. // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.

¹⁴³ Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949; Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. // МНС. Нальчик, 1960;

¹⁴⁴ О диахронии тюрко-дагестанских языковых контактов. // СТ, 1970, № 3; К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа. // СТ, 1971, № 5; Об одном ряде болгарских слов в лакском языке. // СТ, 1970, № 2.

¹⁴⁵ История Армении (русский перевод Н. О. Эмина). М., 1983.

¹⁴⁶ Каланкатульский Моисей. История агван (пер. К. Патканова). СПб., 1861.

¹⁴⁷ Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. // СМОМПК, 1903, вып. XXXII.

- ¹⁴⁸ Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- ¹⁴⁹ Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л. 1941.
- ¹⁵⁰ История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963.
- ¹⁵¹ Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
- ¹⁵² К анализу восточных источников о Восточной Европе. // ЖМНП, 1908, XIII, XIV (февраль, март) и др.
- ¹⁵³ Вступительная статья, перевод и комментарий к книге Иордана о происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- ¹⁵⁴ Феофилакт Симокатта. История. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957.
- ¹⁵⁵ Эскурс Феофана о протоболгарах. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
- ¹⁵⁶ Ахмад Ибн А. сам Ал-Куфи. Книга завоеваний (извлечение по истории Азербайджана VII—IX вв.). Перевод с арабского языка акад. З. М. Буниятова. Баку, 1981 и др.
- ¹⁵⁷ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. // СМОМПК, 1897, вып. 22, Тифлис.
- ¹⁵⁸ Агафий. О царствовании Юстиниана (перевод В. М. Левченко). М.—Л., 1953.
- ¹⁵⁹ Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста. СПб., 1869.
- ¹⁶⁰ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана (перевод, предисловие и комментарий Г. В. Цулая). М., 1979.
- ¹⁶¹ Палеонтология СССР. М., 1948.
- ¹⁶² Антропологические материалы к проблеме происхождения населения хазарского каганата. // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР, 1951, т. XIII.
- ¹⁶³ Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирютовского могильника в Дагестане. // Вопросы антропологии, 1967, вып. 25, с. 128.
- ¹⁶⁴ Антропологический состав тюркских народов. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. // ТИИАЭ. Алма-Ата, т. 12, 1961.
- ¹⁶⁵ Древнее население Дагестана. М.: Наука, 1975, с. 71.
- ¹⁶⁶ Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа. // Современная антропология. М.: Наука, 1964; Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974; Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
- ¹⁶⁷ Абаев В. И. ИЭСОЯ, 1. М.: Наука, 1958, с. 319, 397—399; Джанашиа Р. С. Имя числительное в абхазо-адыгских языках. Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тбилиси, 1977, с. 7; Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977; его же. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962; Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963; Джидалаев Н. С. Актуальные проблемы предмета тюркско-дагестанских этноязыковых контактов. // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения Махачкала, 1985, с. 3—26.
- ¹⁶⁸ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., I, 1949, с. 34; Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980, с. 82—115; его же. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984, с. 113—116.
- ¹⁶⁹ Цагаева А. Д. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе,

часть 1, 1971, с. 145—155; Байчоров С. Я. Протобулгарский субстрат в топонимике Балкарии и Дигории. //Тюркское языкознание. Ташкент, 1985.

¹⁷⁰ Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии, с. 147.

¹⁷¹ Цагаева А. Дз. Топонимия... Северной Осетии, с. 148, 151.

¹⁷² Кесарийский Прокопий. История войн римлян с персами. СПб., 1876, кн. 1, с. 115—116.

¹⁷³ Кляшторный С. Г. Генетические корни древнетюркской культуры. //Историко-культурные контакты алтайской языковой общности. М., 1986, с. 38.

¹⁷⁴ Эйхвальд Э. Н. О древнейших обиталищах племен (славянских, турецких и монгольских) в Южной России по Геродоту. //Библиотека для чтения, кн. 27, от. 3. СПб., 1838; Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности. //Живая старина, вып. III, IV, год шестой. СПб., 1896; Ратцел Фридрих. Народоведение. СПб., 1903, т. 2; Ямпольский З. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана. //УЗАГУ, серия языка и литературы, №2, 1966; его же. О тюрках V века до н.э. //УЗ АГУ, язык и литература. Баку, 1970, №5—6; Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986; Закиев М. З. Об изучении древних тюрков и их языков. //Тюркское языкознание. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1985.

¹⁷⁵ К вопросу об уйгурах. //Записки Академии наук. СПб., 1893, т. 22.

¹⁷⁶ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985, с. 12—14.

¹⁷⁷ Зифельд — Симумяги А. Р. К вопросу о языке хазар. // Известия Азербайджанского филиала АН СССР, вып. II. Баку, 1937, с. 50; Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, с. 7; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978, с. 53 и др.

¹⁷⁸ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 91, 273, 274, 280.

¹⁷⁹ Димитър Димитров. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987, с. 31.

¹⁸⁰ Хоренский Моисей. История Армении. Перевод Н. Эмина. М., 1893, с. 55—56.

¹⁸¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1893, с. 186, 231—232.

¹⁸² Менгес К. М. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 29.

¹⁸³ Кадыраджиев К. С. Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения //Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984, с. 141.

¹⁸⁴ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977, с. 244.

¹⁸⁵ Боргояков М. И. Скифско-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели. //Народы Азии и Африки. М., 1975, №6.—с. 120.

¹⁸⁶ Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986, с. 55.

¹⁸⁷ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии

- и Кавказе. //Вестник древней истории, 1947, №3, с. 263—296.
- ¹⁸⁸ Хауссиг. Г. В. К вопросу о происхождении гуннов. //ВВ, т. 38, с. 62.
- ¹⁸⁹ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977, с. 93, 234; Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, с. 43—49.
- ¹⁹⁰ Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, с. 35—50; Закиев М. З. Об изучении древних тюрков и их языков. //Тюркское языкознание. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1985, с. 26; Кадыраджиев К. С. Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения, с. 141—142.
- ¹⁹¹ Токарев С. А. К постановке проблемы этногенеза. //СЭ, 1947, №3, с. 13.
- ¹⁹² Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, с. 34.
- ¹⁹³ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: 1977, с. 5.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ /XVIII в.—1985 г./

Историей археологического изучения территории Карачаево-Черкесии занимались Д. М. Павлов и Т. М. Минаева. Перу этих исследователей принадлежат специальные работы по данному вопросу¹.

Памятники верховьев Кубани — особенно храмы, башни, каменные статуи и кресты — издавна привлекали внимание ученых и путешественников.

Начало археологических обследований территории Карачаево-Черкесии было положено еще в XVIII в.

Во второй половине XVIII в. Российской Академией наук была организована экспедиция по изучению Кавказа. В состав этой экспедиции вошел действительный член Академии И.-А. Гюльденштедт. Гюльденштедт в 1769 г. посетил, очевидно, северо-восточную часть Карачаево-Черкесии. В числе других сведений он сообщает и о женской каменной статуе гигантских размеров, называемой Альтеркач или Эльтаркач². Как полагает Т. М. Минаева, речь идет о половецкой каменной бабе³. Статуя находилась на правом берегу р. Дзегуты.

Член этой экспедиции П.-С. Паллас побывал на Рим-Горе (1793 г.) и оставил ее чертежи и описание⁴.

Я. Рейнеггс (1783), скорее всего, со слов других людей указывал, что на р. Инджик (Зеленчук) находятся развалины древнего монастыря, а между Кубанью и Лабой есть две каменные церкви, именуемые Хома и Семите⁵. Надо думать, речь идет о Сентинском и Шоанинском храмах⁶.

В 1802 г. майор Потемкин побывал в Закубанье и, в частности, на Большом Зеленчуке. Потемкин сделал карту и описание регионов, расположенных за Кубанью, осмотрел Зеленчукские храмы, сделал их зарисовки⁷.

Академик Российской Академии наук, языковед-ориенталист Юлиус Клапрот в 1807 — 1808 гг. совершил путешествие по Северному Кавказу и Грузии. В верховьях Кубани, по-видимому, он не был. Очевидно, со слов других Клапрот писал о храмах Верхней Кубани, причем строителями этих храмов он считал алан-осетин⁸.

В 1828 г. состоялся поход генерала Емануеля в Карачай. Емануеля интересовали природные богатства и археологические памятники Карачая. В 1829 г. он совершает экспедицию на Эльбрус вместе с академиками Купффером, Ленцем и Мейером. М. Купффер оставил описание своего путешествия, в котором, в частности, он отмечает, что в долине Кубани встречаются камни с изображением крестов, каменные плиты с арабскими надписями. Там же находится церковь Хумара. Он видел саблю с надписью «Гепоа», найденную в районе Каменного Моста (у нынешнего Карачаевска)⁹.

В 1829 г. по поручению генерала Емануеля в верховья Кубани был направлен архитектор И. Бернардацци (Бернадацци) для снятия планов и фасадов верхнекубанских храмов. И. Бернардацци с этим поручением справился успешно. Он осмотрел Зеленчукские, Шоанинский и Сентинский храмы, сделал планы, зарисовки. В своем отчетном письме к генералу Емануелю он упоминает и о других, осмотренных им памятниках: гробницах в долине Хумары, о «развалинах древней постройки, называемой Акбилек» (то есть Адиюх.— Е. А.)¹⁰.

В первой половине XIX в. на Рим-Горе побывал известный швейцарский путешественник и ученый Дюбуаде Монпере¹¹.

В 1840 и 1848 гг. совершил путешествие по Кавказу А. Фиркович. Второе путешествие — 1848 г. во время

которого А. Фиркович посетил и верховья Кубани, он предпринял, руководствуясь инструкциями, данными ему Одесским обществом любителей истории и древностей. Свои впечатления он изложил в монографии.

А. Фиркович упоминает о башне, находящейся в верховьях реки Джегуты (Кызыл-Калинская башня), о плитах с греческими надписями в районе Хумары, о древнем кладбище Байтал-Чапкан, о Сентинском храме и о других памятниках верховьев Кубани. Работа А. Фирковича интересна для археолога и в настоящее время.

В 1849 г. верховья Кубани посетил чиновник Г. Токарев. В числе прочих памятников он осмотрел гробницы на Индыше-Мардже, кладбище у Карт-Джурта и другие. В числе других памятников он упоминает также об одном хорошо сохранившемся «византийской стройки» монастыре с фресками и надписями, то есть, очевидно, о Сентинском храме¹³.

К. Сталь в своем очерке, законченном в 1849 г., отметил между Верхней Кубанью и Лабой шесть христианских храмов: 1. В вершине Теберды с фресками (Сентинский храм); 2. На Хумаринской горе (Шоанинская церковь); 3. На Малом Зеленчуке церковь в развалинах. Ногайцы называют ее Ак-Билек (речь идет о небольшом христианском храме, раскопанном Т. Минаевой в 1951 г. на городище Адиух или Ак-Билек); 4. На Большом Зеленчуке Зеленчукские храмы (на Нижне-Архызском городище); 5. Развалины церкви в верховьях Кяфара в 6 верстах от бывшего аула Сидова; 6. Против бывшего аула Сидова. Развалины церкви, крепости и остатки «колонии». Между Верхней Кубанью и Верхней Лабой — каменные кресты с греческими надписями, плиты, каменные статуи¹⁴.

Автор «Очерка горских народов» также отмечал археологические памятники на Кяфаре у укрепления Надеждинского (аула Сидова) — колонию, то есть городище, кресты, гробницы. В месте слияния Кяфара и Бижгона — городище, статуи, укрепления. Аул Сидов располагался недалеко от устья реки Кривой, правого притока Кяфара. Очевидно, этот автор упоминает и о Кяфарском городище (городище Шпиль). В этом же очерке находим упоминание о городище и храмах на Большом Зеленчуке, о Шоанинском храме, о развалинах церкви и мо-

гильника между аулами Абатова и Трамова (очевидно, речь идет об Адихской церкви) ¹⁵.

В 1867 г. по Кавказу «с археологической целью» совершили путешествие братья Нарышкины. В своем отчете ¹⁶ Нарышкины упоминают о Байтал-Чапканском кладбище, Каракентском и Хумаринском городищах, Сентинском храме и других памятниках. В Северном Зеленчукском и Шоанинском храмах были произведены небольшие раскопки. В работе Нарышкиных имеются рисунки и планы храмов, рисунки найденных в Северном Зеленчукском храме вещей и другие иллюстрации. Работа Нарышкиных, так же, как и статья Фирковича, не утратила своего интереса для археологов и в настоящее время.

В 70-х годах XIX в. была опубликована статья И. Бентковского, посвященная древним храмам Верхней Кубани ¹⁷.

Пятый Археологический съезд в Тифлисе в 1881 г. привел к оживлению археологических изысканий на Кавказе. Памятники верховьев Кубани и Зеленчуков по-прежнему интересовали ученых. Здесь следует отметить эпиграфические работы, в которых отмечались и памятники Верхней Кубани ¹⁸.

В 1882 г. была издана карта археологических памятников Кубанской области, составленная Е. Д. Фелицыным. На ней обозначены курганы в районах Баталпашинской, Джеганаса, Усть-Джегутинской, Джегутинского, Георгиевско-Осетинского. У Лоовско-Кубанского — земляной или каменный вал; у Верхне-Николаевского — каменные кресты. Севернее Хумары — укрепления и городища, к востоку от нее — башня; у Хумары — «погребальные пещеры», то есть, очевидно, катакомбы. У Карт-Джурта, по обоим берегам Кубани показаны каменные гробницы, каменная статуя, над аулом Хурзук — башня ¹⁹.

В 1885 — 1886 гг. несколько могильников — аула Ха-саут раскопал М. М. Ковалевский ²⁰. В конце 80-х годов — начале 90-х годов XIX в. в Карачае побывали и осмотрели его археологические памятники Р. Эркерт и С. Сомье. Р. Эркерт упоминает о могильниках и каменных бабах в разных местах Карачая, а также памятниках на реках Теплой и Урупе ²¹. С. Сомье пишет о дольменнообразных гробницах в долине Кубани вниз от Учкулана ²².

С конца 80-х годов XIX в. изучение археологических памятников Верхней Кубани проводит Московское Археологическое общество. По его поручению здесь вели обследования Д. М. Струков, Г. И. Куликовский и В. М. Сысоев.

Д. М. Струков — художник, действительный член Московского Археологического общества. В рукописном архиве ЛОИА хранится альбом зарисовок, сделанный во время поездки Д. М. Струкова в верховья Зеленчука в 1888 г. В альбоме имеется план того места, где найдена Зеленчукская плита с надписью; зарисовка плит с надписями, рисунки различных предметов раннесредневекового времени из Зеленчукского ущелья и другие иллюстрации²². Самой интересной находкой Д. М. Струкова была Зеленчукская плита с надписью греческими буквами. Рисунок этой плиты Д. М. Струков отправил В. Ф. Миллеру. Этот последний, как известно, прочел надпись исходя из аланского (осетинского) языка. В 1892 г. плита с надписью вторично была осмотрена Г. И. Куликовским²⁴. Д. М. Струков побывал также на Нижне-Архызском городище и сделал рисунки его археологических памятников в своем альбоме.

Г. И. Куликовским были зафиксированы кресты, каменные статуи, другие памятники верховьев Кубани. Им были сделаны планы кяфарских церквей²⁵.

Прежде, чем перейти к работам В. М. Сысоева, упомянем о трех публикациях, увидевших свет в 1892 г. — брошюра о памятниках Зеленчукского ущелья, статья В. Тепцова о курганах Карачая и небольшая публикация местного учителя И. Хурумова об индышских гробницах с рисунком²⁶.

В. М. Сысоев — известный археолог и историк Прикубанья, в частности — Карачая, один из основателей Общества любителей изучения Кубанской области. Работал преподавателем древних языков в Екатеринодарской гимназии. Археологические исследования В. М. Сысоев вел у Хумары, на р. Теберде, на р. Индыш, у аулов Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук, в Уллу-Камском ущелье и в других местах. В статье, опубликованной в МАК VII, помещены планы и фотографии храмов — Зеленчукских, Шоанинского и Сентинского. Отчеты о раскопках В. М. Сысоева публиковались в МАК VII, МАК IX, ОАК 1895, 1896, 1898. Специальные разделы, посвящен-

ные археологическим памятникам, имеются в его сводной работе «Карачай»²⁷.

В 1897 г. памятники Зеленчукского ущелья — храмы и другие — осмотрел член Археологической комиссии Н. И. Веселовский. Отчет об этой поездке хранится в Архиве ЛОИА²⁸.

В 1898 г. в верховьях Кубани побывала экскурсия учеников Екатеринодарской гимназии, возглавляемая В. М. Сысоевым. В этой поездке принимал участие И. Н. Дьячков-Тарасов. Это был видный краевед, археолог и этнограф родом с Кавказа. Образование получил в Московском университете, где был учеником профессора В. Ф. Миллера. Позже, будучи преподавателем в кавказских учебных заведениях, постоянно вел краеведческую работу, вовлекая в нее учащихся. А. Н. Дьячков-Тарасов тщательно обследовал Сентинский храм²⁹. Археологические исследования в верховьях Кубани А. Н. Дьячков-Тарасов продолжал и после 1917 г.

В 1899 г. раскопки погребений вокруг Сентинского храма провел И. А. Владимиров, художник и археолог, работавший по поручению Археологической комиссии, которая была создана в С. Петербурге еще в 1859 г. И. А. Владимиров в своей статье дает хорошее описание Сентинского храма и историю его изучения. Были исследованы также развалины христианского храма на речке Амгате, близ впадения ее в Теберду³⁰.

О храмах в верховьях Кубани упоминает в своем труде Г. Мерцбахер³¹.

В 1901 — 1902 гг. председатель Археологической комиссии Н. И. Веселовский произвел раскопки двух курганов эпохи бронзы у ст. Усть-Джегутинской. Работы были незакончены³².

В 1907 г. Н. И. Воробьев обследовал могильник в Мошевой Балке на Большой Лабе. Возможно, в Мошевой Балке был и Н. И. Веселовский³³.

Описание Хумаринского городища мы находим в статье Н. И. Талицкого, посетившего с экскурсией учителей верховья Кубани в 1908 г.³⁴.

В 1908 г. небольшие раскопки могильников у аула Хахандуковского (Алибердуковского), у ст. Зеленчукской и в других местах провел по поручению Московского Археологического общества В. Тимофеев³⁵.

В 1909 г. заведующий Музеем Северного Кавказа

(Ставрополь) Г. Н. Прозрителев побывал в долине Теберды, в частности, в Гоначхирском ущелье и провел там некоторые обследования³⁶. Перу Г. Н. Прозрителева принадлежит ряд статей, посвященных археологическим памятникам Верхней Кубани. В одной из них он пишет о памятниках, находящихся около Александро-Афонского монастыря³⁷, в другой описывает каменные кресты и плиты с греческими христианскими надписями, а также каменные статуи воинов — «христианских рыцарей»³⁸. В этой статье, в частности, Г. Н. Прозрителев приводит материалы, заимствованные им из спасенной от гибели «топографической карты рек Кяфара и Бежгона Кубанской области», составленной неизвестным автором 40-х годов XIX в. и снабженной комментариями. Карта представляет ущелье рек Кяфара и Бижгона, при слиянии которых стояло укрепление Надеждинское. Ныне на этом участке находится станица Сторожевая. Близ устья реки Кривой находился аул Сидов. На карте у Сидова показаны развалины поселка с каменными строениями, церковью и христианским кладбищем; на р. Бижгоне статуи двух «рыцарей» с изображением крестов, два укрепленных лагеря, камень с арабской надписью, крест с греческой надписью. Все эти предметы были воспроизведены автором, так же были скопированы надписи, уцелевшие на статуях, крестах, каменных плитах³⁹.

В начале XX в. собирал археологические материалы и передавал их в музей (в Кубанский и Московский Исторический) проживавший в Баталпашинском отделе врач А. Атманских, оказывавший помощь приезжим археологам, в частности — Г. Н. Прозрителю⁴⁰.

В 1912 г. Черкесию и Карачай посетил А. С. Федоровский, командированный сюда Обществом испытателей природы при Харьковском университете.

В заметке А. С. Федоровского есть сообщения о Зеленчукском монастыре, о памятниках около сел. Георгиевско-Осетинского (ныне Коста Хетагурова), а также о некоторых памятниках Черкесии — башне Адиух, курганах в долине Малого Зеленчука, каменных ящиках у аула Докшутинского (Вако — Жиле) и в других местах в долинах Большого и Малого Зеленчуков⁴¹.

В 1916 г. в «Старом Жилище» в долине Большого Зеленчука побывала экскурсия под руководством врача А. М. Лысенко. В его статье имеются упоминания о не-

которых археологических памятниках, находящихся в долине Большого Зеленчука — в районах трех Зеленчукских храмов, урочища «Старое Жилище» и в других местах⁴². Статья написана неспециалистом и особого интереса для археолога не представляет. Упоминаем здесь о ней, как о последней дореволюционной работе, в которой содержатся сведения об археологических памятниках территории Карачаево-Черкесии.

Итак, с начала археологических обследований в верховьях Кубани, Зеленчуков, на Теберде и Подкумке исследователей привлекали, главным образом, христианские храмы. Однако в 80-х и 90-х годах XIX в. стали раскапываться и раннесредневековые могильники и их было исследовано довольно много. Позднесредневековые могильники почти не раскапывались (кроме раскопанных В. М. Сысоевым в Большом Карачае). Иногда посещались городища — Хумаринское, Рим-Горское и некоторые другие.

Исследованиям подвергалась, главным образом, территория Карачая. О памятниках Черкесии (башне Адиух, церкви Адиух и некоторых других) имеются лишь отдельные беглые упоминания.

Интерес к изучению археологических памятников верховьев Кубани и, в частности, Карачая, не угас и в послереволюционные годы. Напротив, с самого начала 20-х гг. в Пятигорске, а затем и в Ростове возник целый ряд обществ, организаций и учреждений, которые в программу своих археологических исследований включали и верховья Кубани и Зеленчуков⁴³.

Так, в 1921 г. при содействии Российской Академии истории материальной культуры в Пятигорске была создана «Пятигорская этнолого-археологическая комиссия». Эта комиссия приступила к составлению археологической карты Карачая. Но карта эта закончена не была, так как комиссия очень скоро прекратила свое существование. Некоторая работа по систематизации уже известного археологического материала по Карачаю проводилась (до 1923 г.) в Кабинете кавказоведения Горского политехнического института, откуда вышел очерк Д. М. Павлова «Искусство и старина Карачая», состоящий из двух частей: Истории археологического обследования Карачая и перечня археологических памятников Карачая, составленного в алфавитном порядке⁴⁴.

Во второй половине 20-х годов к археологическому изучению верховьев Кубани приступил Северокавказский Горский научно-исследовательский институт краеведения (Ростов). В 1927 г. заведующий отделом социальной культуры института А. Н. Дьячков-Тарасов провел экспедицию в Карачае, целью которой был сбор этнографического материала и археологические исследования. В числе обследованных памятников были и раннесредневековые (в бассейне р. Амгаты, близ Сентинского храма, в ущелье р. Мары и др.)⁴⁵.

В это же время провел свои обследования на Рим-Горе В. Ф. Смолин⁴⁶.

После этих работ археологических экспедиций на территории Карачаево-Черкесии долгое время не было. Однако сбор и накопление материала не прекращались. В городах Черкесске и Микоян-Шахаре (Карачаевске) были организованы музеи, в которые стали поступать археологические находки.

Летом 1930 г. группа участников лингвистической экспедиции Института языка и мышления АН СССР посетила верховья Кубани. Членов экспедиции, в частности, занимали вопросы «о прежнем расселении осетин в связи с аланской проблемой». Экспедиция работала в аулах Учкулан, Хурзук, совершила поездку к Махарскому перевалу. Экспедиция дала некоторые материалы для археологического изучения верховьев Кубани⁴⁷.

В 1933 — 1934 гг. в Черкесской автономной области работала геологическая экспедиция под руководством П. Н. Шишкина. Попутно с геологическими работами экспедиция собирала материал для составления археологической карты области. Некоторые из найденных вещей были переданы в Черкесский областной музей⁴⁸. П. Н. Шишкиным были представлены материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Автор упоминает о «стоянке» на левом берегу Кяфара при впадении в него Бижгона, о селище в урочище Теплом, о курганах в ст. Сторожевой, о развалинах крепости в верховьях р. Кяфара на Лохматом бугре, об остатках крепости в устье балки Башкирки близ хутора Новоисправненского, о селище к востоку от аула Эльбурган и о других памятниках. Подобно описываются исследования на Дружбинском втором городище (на-

против Черкесска), приводятся данные о поселениях у Псыжа и Алибердуковского⁴⁹.

Неоднократно посещавший Черкессию Л. И. Лавров (Ленинград) в своей статье, посвященной башне Адиух, упоминает и о некоторых других памятниках (каменные бабы у Исправной, развалины у аула Кубина и др.).

В предвоенные годы значительную археологическую работу в Карачае проводил Карачаевский учительский (позднее — педагогический) институт, Карачаевский научно-исследовательский Институт и Карачаевский краеведческий музей. Возглавлял работу преподаватель учительского (педагогического) института К. М. Петрелевич.

К. М. Петрелевича интересовали памятники различного времени и различных типов. Ему удалось выявить значительное число городищ, могильников, каменных плит с различными знаками и изображениями и другие. Археологические памятники были важны К. М. Петрелевичу не только сами по себе, но и как материал для решения различных исторических проблем, в частности, проблем социальных и идеологических. К сожалению, работы К. М. Петрелевича не были изданы и так и остались в рукописях⁵¹.

В 1940 г. в Карачае состоялась историко-археологическая экспедиция. Руководителем ее был К. М. Петрелевич, участниками Х. О. Лайпанов и Л. А. Сердобольская (преподаватель учительского института, специально занимавшаяся средневековыми памятниками Карачая). Экспедиция обследовала ряд интереснейших памятников в истоках Кубани, на Большом Зеленчуке, на Марухе, Аксауте и Теберде. Одной из задач экспедиции было выявление памятников древнего земледелия. Выдающейся находкой был комплекс драгоценных предметов, обнаруженный в Северном Зеленчукском храме (так называемый «Зеленчукский клад»). Помимо золотых украшений в комплекс входила и альмандиновая печать с арабской надписью армянского царя Ашота, IX в.⁵²

С 1939 г. археологическую работу в верховьях Кубани самоотверженно и целеустремленно проводила преподаватель Ставропольского государственного педагогического института Т. М. Минаева. В довоенные годы раскопки велись на средства Ставропольского краеведческого музея. В этих экспедициях принимал участие

Карачаевский музей краеведения. В 1939 г. Т. М. Минаевой была обследована долина Большого Зеленчука (в частности, «Старое Жилище»), долина Теберды, в том числе поселения и жилища в районе г. Микоян-Шахара (Карачаевска), поселения и могильники по рекам Учкулану, Хурзуку и ряд других памятников. В 1939 г. были начаты также раскопки интереснейшего раннесредневекового памятника в местности Гиляч — поселения и могильники. В 1940 г. археологические исследования памятников, в частности, гилячских, были продолжены. В 1941 г. были начаты раскопки катакомбного могильника Байтал-Чапкан⁵³.

Прерванные Великой Отечественной войной работы возобновились в 1948 — 1949 гг.

Экспедиции Ставропольского краевого музея и Ставропольского гос. педагогического института под руководством Т. М. Минаевой проводились не только в высокогорных районах (на территории Карачая), но и в предгорьях и в степях — в Черкесии. В экспедициях по обследованию Черкесии принимал участие и Черкесский областной музей краеведения. Его директор — А. Е. Дайгородова сопровождала Т. М. Минаеву в ее походах.

В 1948 г. Т. М. Минаева обследовала ущелье р. Марухи от села Маруха вплоть до перевала. Здесь обнаружены остатки древних кошей, в местности Ретыщик и Карабек зафиксированы остатки выплавки железной руды очевидно средневекового времени⁵⁴. К северу от аула Адыге-Хабль были исследованы два кургана II тыс. до н. э.⁵⁵

В 1949 г. было продолжено обследование территории Черкесии. Были выявлены основные археологические памятники по течению Кубани и Зеленчуков, составлена археологическая карта области. Отмечено много городищ, в частности, два городища на южной окраине хутора Дружба⁵⁶.

В 1949 и 1953 гг. продолжались раскопки катакомбного могильника конца IV—V вв. в местности Байтал — Чапкан⁵⁷.

В 1950 — 1951 гг. Т. М. Минаева исследует бескурганый могильник XIII—XIV вв. у аула Ново-Кувинского на р. Большой Зеленчук, пока единственный памятник

ник такого рода, известный на территории Карачаево-Черкесии⁵⁸.

Продолжается планомерное многолетнее исследование городищ. Так, в 1951—1955 гг. проводятся раскопки городища Адиух⁵⁹. В 1951, 1956, 1959 гг. исследуется городище Кубина. На Кубинском городище открыты памятники разного времени и различной этнической принадлежности. Кроме раннесредневековых памятников, исследованы кипчакские курганы XII в., адыгские курганы XIV—XVI вв., ногайский могильник XVI—XVIII вв.⁶⁰. Адыгские курганы обследовались Т. М. Минаевой в устье речки Карабегжонки (недалеко от Зеленчукской) и в верховьях речки Байтал-Чапкан⁶¹.

В 1956, 1958 и 1959 гг. Т. М. Минаевой исследовались поселение и могильник в устье реки Узун-Кол, в верховьях Уллу-Кама. Материал относится ко времени от III—IV вв. до начала VIII в. Поселение интересно как образец сезонного, хорошо укрепленного коша⁶².

Интересна публикация Т. М. Минаевой о находке в Преградной вещи VI—VII вв.⁶³. Находки этого времени и подобного типа на территории Карачаево-Черкесии не столь часты. Имеется публикация Т. М. Минаевой об остатках мавзолея золотоордынского времени, обнаруженного в 1960 г. на строительстве Большого Ставропольского канала близ Головного сооружения⁶⁴.

В 1960 г. Т. М. Минаева возобновила раскопки городища Гиляч. Раскопки на этом объекте велись в 1962, 1968 гг. и в другие годы⁶⁵.

В 1967 г. были начаты исследования городища в ущелье Инджур-Гата, на пятом километре от аула Кумыш по трассе на Кардоник. Раскапывалось также городское кладбище. Датируются памятники IX—XI вв.⁶⁶.

Во второй половине 60-х годов и в начале 70-х годов, до своей кончины (1973 г.) Т. М. Минаева работала над изучением скальных катакомбных могильников Северного Кавказа, в частности — Карачаево-Черкесии⁶⁷.

Итогом многолетних изысканий Т. М. Минаевой является ее книга «К истории алан». В книге рассматриваются различные виды археологических памятников верховьев Кубани, но особенно подробно автор описывает скальные могильники. Автор датирует их VI—XII вв. считает, что они оставлены аланами.

Кроме Т. М. Минаевой, от Ставропольского краевого музея археологические исследования в верховьях Кубани проводились и другими лицами. Так, в 1955 г. Л. Н. Глушковым были осмотрены памятники кобанского и аланского времени. Обследовались средневековые памятники у Хурзука и на р. Муху около города Теберда⁶⁸.

В 1955 — 1956 гг. состоялась совместная экспедиция ЛОИА АН СССР и Ставропольского краевого музея под руководством В. П. Любина. Впервые открыты памятники каменного века в Кардонике, Зеленчукском ущелье, на Джеганасе, в Яворе, на р. Овечке и в других местах. Исследован курган скифского времени в окрестностях Карабашева, средневековое городище у Важного⁶⁹.

В 60-х годах от Ставропольского краевого музея раскопки проводила А. Л. Нечитайло. Она сопровождала Т. М. Минаеву во многих экспедициях. В 1963 г. А. Л. Нечитайло продолжила раскопки Кубинского городища, начатые Т. М. Минаевой. В 1963—1964 гг. А. Л. Нечитайло раскапывала курганы майкопской, северокавказской и предкавказской культур III — II тыс. до н. э. у Усть-Джегуты на р. Овечке и у Холоднородниковского. У Усть-Джегуты выявлено поселение майкопской культуры и захоронения сарматского времени⁷⁰.

В 1946 и 1949 гг. Е. Г. Пчелина (Гос. Эрмитаж) и С. С. Куссаева (СОНИИ) посетили «Старое Жилище». Зеленчукскую плиту, которую они искали, они не нашли, но открыли ряд других интересных памятников⁷¹.

В начале 50-х годов в Прикубанье работала Кубанская экспедиция Гос. Эрмитажа. В 1951 г. был осмотрен могильник в Мощевой Балке на Большой Лабе⁷².

С 1951 г. археологические исследования на территории Карачаево-Черкесии ведет Черкесский (с 1957 года — Карачаево-Черкесский) научно-исследовательский институт. С 1952 по 1969 г. возглавляла экспедиции Е. П. Алексеева. Перед Институтом стоят большие задачи: осветить важнейшие этапы исторического развития многонационального населения Карачаево-Черкесской автономной области. Для решения вопросов древней и средневековой истории народов Карачаево-Черкесии, в прошлом бесписьменных, потребовался весьма обширный и разнообразный археологический материал. В сфере работ археологических экспедиций КЧНИИ находи-

лись памятники самых различных эпох и культур — начиная с эпохи бронзы и вплоть до позднего средневековья. В 1951 г. Е. П. Алексеева принимала участие в археологической экспедиции Т. М. Минаевой, обследовавшей Ново-Кувинский могильник и городище Адиюх. В 1952 — 1954 гг. Е. П. Алексеевой исследовались памятники у аула Жако и в Тамгацикской балке, к северу от Жако. В числе их следует назвать поселение и могильники VIII—VI вв. до н. э., поселение и могильник IV—V вв., могильник X в., курганный могильник XIV—XVI вв., башня Калез и другие⁷³. В 1956 — 1957 гг. раскапывался могильник VIII—VII вв. до н. э. у сел. Инжиччукун, курганный могильник XIV—XVI вв. у аула Бесленей.

С 1958 г. археологические экспедиции КЧНИИ приступили к исследованию памятников Карачая. В 1958 г. в районе Карт-Джурта были исследованы поселение IV—V вв., карачаевский могильник с погребениями XVII—XVIII вв. на южной окраине аула. Между Учкуланом и Хурзуком раскапывалось поселение кобанского, сарматского и аланского времен. Там же находились могильники кобанской и сарматской эпох. В 1959 г. работы велись на Сентинской горе, где были открыты погребения IX—X вв. Обследовались участки поселения. В том же году произведены раскопки Каракентского могильника X в. и проведены обследования в районе Шоанинского храма. Совместно с КБНИИ проведена экспедиция у аула Верхний Чегем в Балкарии (для решения вопросов карачаево-балкарского этногенеза)⁷³.

В 1960 г. обследовались разновременные памятники у аула Кызыл-Кала, в 1961 г. осматривались и раскапывались памятники сарматского времени у сел. Кобу-Баши, Учкекен и Терезе. Произведены раскопки раннесредневекового поселения на Рим-Горе⁷⁶.

В 1963 — 1964 гг. Е. П. Алексеева работала на Хумаринском городище, исследуя раннесредневековые и древние слои этого памятника⁷⁷. В 1968 — 1969 гг. раскопки велись на Дружбинском городище меото-сарматского времени⁷⁸.

Результаты археологических и исторических изысканий Е. П. Алексеевой обобщены в ее монографии, изданной в Москве в 1971 г.⁷⁹.

Кроме перечисленных выше археологических экспе-

дий, руководимых Е. П. Алексеевой, следует указать экспедиции КЧНИИ, проведенные в координации с Институтом археологии АН СССР. В 1962 г. КЧНИИ принял участие в организации работ Зеленчукского отряда СКАЭ ИА, возглавляемым В. А. Кузнецовым. В 1966 г. экспедиция КЧНИИ работала под руководством И. М. Мизиева, бывшего тогда аспирантом ИА АН СССР. Исследования велись на Индыше, в районе Карт-Джурта, в окрестностях сел. Архыз и Хасаут. Наиболее интересными объектами оказались раннесредневековые гробницы в местности Сынла на Индыше и городище у сел. Архыз⁸⁰. В 1970 г. И. М. Мизиев, возглавлявший экспедицию КБНИИ, исследовал Карт-Джуртский могильник⁸¹.

В 1966 г. осмотр памятников на р. Индыш проводил Я. А. Федоров (МГУ, кафедра этнографии). Часть этих могильников Л. Г. Нечаева (ИЭ) относит к эпохе бронзы⁸². Дольменообразные склепы на р. Кривой осмотрел В. И. Марковин (ИА). Он также относит их к эпохе бронзы⁸³.

Около 30 лет вел раскопки на Рим-Горе А. П. Рунич (Пятигорск). В некоторые годы исследования велись совместно с кисловодским краеведом Н. Н. Михайловым. Раскопаны и описаны более сотни катакомб, описано Рим-Горское городище⁸⁴. А. П. Руничем исследованы также скальные погребения у аула Джага и в других местах⁸⁵. А. П. Рунич был в числе участников экспедиции 1967 г. на городище Уллу-Дорбунла, руководимой В. А. Кузнецовым⁸⁶.

В Зеленчукском ущелье и в других местах Карачаево-Черкесии много лет проводил раскопки В. А. Кузнецов. В 1952 — 1953 гг. в Зеленчукском ущелье работала экспедиция ПГПИ. Руководил экспедицией П. Г. Акритас. Большую работу в этой экспедиции проводил член ее, В. А. Кузнецов, тогда студент ПГПИ.

По рекам Большой Зеленчук, Кривая, Кяфар были выявлены и частью исследованы городища, могильники, пещерные погребения, плиты с изображениями, плиты с надписью, статуи, менгиры и т. п. Особенно интересны гробницы и дольменообразные склепы на р. Кривой, городища в районе Нижнего Архыза и Архыза (особенно «Старое Жилище») и другие памятники⁸⁷.

Позднее, будучи директором школы в Нижней Ермоловке, затем аспирантом и научным сотрудником ИА

АН СССР, В. А. Кузнецов продолжал изучение археологических памятников Зеленчукского ущелья. Результатом исследований памятников аланской культуры Северного Кавказа, в том числе Карачаево-Черкесии, является его монография, опубликованная в 1962 г.⁸⁸

В 1959 г. начались работы по реставрации Северного Зеленчукского храма, проводившиеся архитектором-реставратором В. И. Бородиным на средства Карачаево-Черкесского облисполкома. Так как возле храма были обнаружены древние погребения, то В. И. Бородин обратился в ИА с просьбой об организации охранных раскопок. Раскопки у Северного Зеленчукского храма и вообще на территории Нижне-Архызского городища начались в 1960 г. Зеленчукский отряд Северокавказской экспедиции ИА АН СССР возглавлял В. А. Кузнецов⁸⁹. Исследования на этом объекте В. А. Кузнецов производил более 20 лет⁹⁰. На Нижне-Архызском городище В. А. Кузнецовым была проведена большая и плодотворная работа. Вскрыты участки городища, храмы, могильники, железоделятельная мастерская и другие объекты⁹¹.

Зеленчукским отрядом обследованы и осмотрены и другие памятники Зеленчукского ущелья и вообще верховьев Кубани, в том числе — Хумаринское городище.⁹²

В. А. Кузнецовым (уже сотрудником СОНИИ) в 1964 г. был обследован район «Старого Жилища» с целью поисков Зеленчукской плиты с надписью. К сожалению, и на этот раз плита найдена не была, хотя в руках экспедиции был план Д. М. Струкова, на котором было обозначено местонахождение плиты⁹³. В 1966 г. В. А. Кузнецов и Б. В. Техов (ЮОНИИ) провели археологические разведки в районе будущего Богословского водохранилища в Зеленчукском ущелье.

В. А. Кузнецовым были произведены экспедиции также в районе Кисловодска — на городище Рим-Гора (1959 г.) на городище Уллу-Дорбунла (1967 г.) и в других местах⁹⁴. В. А. Кузнецов — почетный член Кисловодского краеведческого общества.

Результаты археологических исследований памятников аланской культуры Карачаево-Черкесии и всего Северного Кавказа были обобщены В. А. Кузнецовым в его монографиях, в частности в книге «Алания в X—XIII вв.», Орджоникидзе, 1971.

В конце 60-х годов в восточной части Карачаево-Черкесии работали исследователи из Москвы, Грозного и Кисловодска.

Так, в 1969 г. Н. П. Погребова (Гос. Музей искусств народов Востока) у аула Элькуш раскопала девять погребений кобанского времени⁹⁵. Погребения сарматского времени были исследованы В. Б. Виноградовым (ЧИННИ) и кисловодским краеведом Н. Н. Михайловым — в пос. Родниковском у подножья Рим-Горы и у сел. Хасаут⁹⁶.

В 1970 — 1971 гг. могильник кобанского времени и раннесредневековое поселение в окрестностях ст. Исправной раскапывал А. В. Найдено (СМК)⁹⁷.

С 1969 г. раскопки на территории Карачаево-Черкесии и в сопредельных районах ведет старший научный сотрудник КЧНИИ Х. Х. Биджиев. В 1969 г. горный отряд экспедиции КЧНИИ под руководством Х. Х. Биджиева проводил раскопки в окрестностях аулов Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук. На левобережном Карт-Джуртском могильнике XVII—XVIII вв. было вскрыто несколько погребений. Основные работы велись на правобережном Карт-Джуртском могильнике XV—XVIII вв. У аула Хурзук открыт позднесредневековый могильник и отмечены десятки полуподземных склепов. Были обследованы также позднесредневековые архитектурные сооружения: в ауле Хурзук — карачаевские срубные дома, в ауле Карт-Джурт — склепы и полусклепы на левобережном Карт-Джуртском могильнике⁹⁸.

В 1970 г. экспедиция КЧНИИ, возглавляемая Х. Х. Биджиевым, обследовала позднесредневековое поселение и три могильника у аулов Карт-Джурт и Хурзук и поселение кобанского времени в местности Шханты (у Карт-Джурта). Много вещей найдено в погребениях правобережного Карт-Джуртского могильника XV—XVIII вв.⁹⁹

В 1972 г. Х. Х. Биджиев произвел ряд раскопок, в частности, могильника у хутора Важного.

В 1973 г. основные работы экспедиции КЧНИИ проводились около хутора Важного. Здесь был раскрыт курган майкопской культуры, обследованы курганы II тыс. н. э.; сарматского времени, адыгский курганный могильник XIV—XV вв. Раскапывалось поселение XI—XIII вв., два могильника X—XII вв. могильник этого же времени у Гипсового завода¹⁰⁰.

Около аула Сары-Тюз исследовано городище VIII—IX вв. и могильник IV—VII вв.¹⁰¹. Недалеко от ст. Красногорской раскопан большой могильник эпохи бронзы. На северо-восточной окраине этой станицы обнаружено хорошо укрепленное городище IX—XI вв.¹⁰². В Тебердинском ущелье на р. Муху обследовано городище VII—IX и одновременный ему склеповый могильник¹⁰³. Между сел. Учкекен и Терезе исследованы могильники кобанской культуры¹⁰⁴.

Раскопки производились также (совместно с КЧОМК) между Новоисправненским и Исправной. Здесь доследован курган II тыс. до н. э., раскопано городище X—XII вв. и катакомбный могильник VII—XI вв. У Кызыл-Покуна Х. Х. Биджиевым отмечено поселение IV—VII вв. В 5 км к северу от Терезе зафиксирован склеповый могильник VII—IX вв. и в 20 км к юго-востоку от Терезе — пещерный могильник Юй-Орунлы. В Учкекене Х. Х. Биджиев отметил пещерные захоронения VII—IX вв. В Первомайском Х. Х. Биджиевым отмечены курган II тыс. до н. э., два городища IX—VII вв. до н. э., могильник IX—VII вв. до н. э. У Красновосточного Х. Х. Биджиев зафиксировал городище V—VII вв. и два раннесредневековых могильника. У Джегуты — поселение VI—VIII вв., в окрестностях Каменноостского — поселение XV—XIX вв. Джалан-Кол¹⁰⁵.

В 1974—1975 гг., 1977, 1979—1980, 1983 гг. Х. Х. Биджиев исследовал Хумаринское городище (в 1974—1975 гг. — совместно с А. В. Гадло — ЛГУ)¹⁰⁶. В 1976 г. Х. Х. Биджиев раскапывал курганы у сел. Кубина¹⁰⁷.

Исследованы поселения у аулов Учкекен, у х. Важного, в местности Байтал-Чапхан (Байтал-Чапкан) и в других местах. Большинство этих поселений относится к эпохе раннего средневековья¹⁰⁸.

В 1973—1978 гг. Х. Х. Биджиевым изучались поселения и могильники VII—XII вв. в верховьях Кубани, на Теберде, Куме, Подкумке, Большом Зеленчуке. В 1978 г. раскопаны кремационные захоронения по реке Теберде, в местностях Гидам и Ачитара; грунтовой могильник у сел. Джамагат, катакомбы у ст. Исправной. Зафиксирована крепость у сел. Садовое. У сел. Учкекен обнаружены поселение и скальный могильник. В Кара-чаевском районе работы велись на Каракентском горо-

дище, открыты памятники у Нового Карачая, у сел. Каменномост, на реке Теберде (Гитче-Ачитара, Гидам, Агур, Гымылдык, Аюлю), у сел. Хурзук и Уччулан¹⁰⁹.

В 1980 г. Х. Х. Биджиевым проводились работы на Каракентском городище и у ст. Исправной, где зафиксированы городище Курлукское, Клевцовское, Балашовское, в балке Абрекской, в местности Лысая Гора, в балке Башкирка¹¹⁰. В 1981 г. раскапывались курганы у сел. Бесленей и Псыж¹¹¹. Зафиксировано поселение у аула Кумыш¹¹². Ряд памятников выявлен и исследован Х. Х. Биджиевым в 1982 г. — городище в местности Байтал-Чапкан, поселение Тешик-Кая (Кольцо-Гора) между Важным и Красногорской, памятники на плато Бийчесын. Осмотрено городище Уллу-Дорбунла¹¹³. В 1985 г. Х. Х. Биджиев копал Кяфарское городище (городище Шпиль)¹¹⁴.

Свои археологические исследования на территории Карачаево-Черкесии Х. Х. Биджиев обобщил в монографии «Хумаринское городище», Черкесск, 1983.

В 1973 г. археологические исследования проводил Г. Х.-У. Текеев, бывший тогда сотрудником КЧОМК. В раскопках принимал участие Х. Х. Биджиев. Были проведены разведки в районе аула Нижняя Теберда. В ст. Исправной доследован курган эпохи бронзы. На южной окраине ст. Исправной исследовано городище Курлюк. К востоку от городища обнаружен катакомбный могильник. Городище и катакомбы датируются V—VII вв. В местности Таллык зафиксирована каменная баба.

В трех километрах от аула Красновосточного обследованы городище и могильник (каменные ящики). Эти памятники относятся к VII—VIII вв. У аула Красновосточного найдены каменные плиты, на одной из которых высечены древнетюркские рунические письмена. Интересные археологические памятники обнаружены и в других пунктах Карачаево-Черкесии (Сары-Тюз, Амгата, Индыш, Орджоникидзевский, Важный, Красногорская)¹¹⁵.

В 1976 г. Г. Х.-У. Текеев проводил раскопки на Амгатинском городище. Осмотрены петроглифы в балке Сутул в верховьях Урупа¹¹⁶. В 1977 г. этот исследователь раскапывал кабардинские могильники XIV—XVI вв. в местности Байтал-Чапкан¹¹⁷. В 1979 г. исследовались памятники у ст. Исправной¹¹⁸. В этом же году экспедиция КЧОМК под руководством Г. Х.-У. Текеева ра-

ботала на Нижне-Архызском городище и в его окрестностях ¹¹⁹. В 1982 г. ребята-кружковцы КЧОСЮТ, возглавляемые директором этой станицы Г. Х.-У. Текеевым, обследовали памятники в районах Каменномоста и Важного ¹²⁰.

В 1975—1976 гг. Средневековый отряд Ставропольской экспедиции ИА АН СССР под руководством В. Б. Ковалевской исследовал раннесредневековую крепость «Указатель» у Медового водопада (Малокарачаевский район КЧАО) ¹²¹. В 1977—1979 гг. Малокарачаевский отряд Ставропольской экспедиции ИА АН СССР исследовал поселение и могильник кобанского времени в местности Уллубаганалы. Возглавляла работы В. Б. Ковалевская, в 1978 г. В. Б. Ковалевская и В. И. Козенкова. В 1980 г. в зоне строительства Эшкаконского водохранилища исследовано поселение кобанской культуры. По течению Эшкакона выявлено много древних и средневековых памятников ¹²².

В 1977—1978 гг. кобанские погребения у сел. Терезе раскапывались В. И. Козенковой (Чечено-Ингушский и Учкеекский отряды археологической экспедиции ИА АН СССР) ¹²³.

В 1975 г. Л. Г. Нечаева (ИЭ АН СССР) осмотрела гробницы в местности Индыш-Баши ¹²⁴.

В том же 1975 г. отряд ИА АН СССР под руководством В. И. Марковина работал на городище Шпиль у сел. Лесо-Кяфар. Исследовались дольменообразные гробницы ¹²⁵. В 1976—1977 гг. В. И. Марковин возглавлял работы Горнокавказской экспедиции ИА АН СССР. Раскопки велись на территории Карачаево-Черкесии — внутри Сентинского храма и вокруг него. В сел. Кумыш и в его окрестностях раскопаны курганы и осмотрены наскальные изображения ¹²⁶.

В 1976—1977 гг. осмотрены и частично раскопаны памятники в верховьях Кубани, Индыша, Мары. Работы вели Я. А. Федоров (МГУ) и У. Ю. Эльканов (КЧОМК) ¹²⁷.

В 1977 г. у сел. Терезе открыты раннесредневековые погребения — Кисловодским отрядом экспедиции ЧИГУ под руководством С. Л. Дударева и Я. Б. Березина ¹²⁸.

В 1978 г. в КЧАО работал отряд Донской экспедиции ИА АН СССР. Руководитель экспедиции — И. С. Каменецкий. Обследованы памятники верховьев Большой

Лабы, Теберды, Аксаута¹²⁹. В 1979 г. отряд Северокавказской экспедиции ИА АН СССР провел разведки в долинах Теберды, Аксаута, Уллукама и Учкулана¹³⁰. В 1980 г. Средневековой отряд Северокавказской экспедиции ИА АН СССР работал в окрестностях сел. Кичи-Балык¹³¹.

В Мошевой Балке в 1980 г. производились раскопки Лабинским отрядом Северокавказской экспедиции ИА АН СССР. Руководитель отряда — Е. И. Савченко¹³². В 1981 и в 1982 гг. работы в Мошевой Балке продолжались. Были обследованы также другие памятники по Большой Лабе¹³³.

Памятниками Большой Лабы и других мест Урупского района с начала 80-х годов занимается сотрудник КМЗ В. Н. Каминский, ученик местного краеведа, энтузиаста-археолога Е. А. Милованова¹³⁴. В 1983 — 1984 гг. В. Н. Каминский и И. В. Каминская раскапывали Первомайское городище VII—XIII вв. на Большой Лабе. Работы велись силами Лабинской экспедиции Ставропольского объединения краеведческого музея¹³⁵.

В 1981 — 1982 гг. У. Ю. Эльканов (КЧОМК) исследовал Нижне-Архызское городище¹³⁶. В 1985 г. У. Ю. Эльканов работал на городище Шпиль¹³⁷.

В 1983—1985 гг. в окрестностях Хумаринского городища производил работы Карачаево-Черкесский отряд экспедиции ИА АН СССР. Руководила раскопками М. П. Абрамова. Было раскопано поселение кобанского времени и могильник сарматской эпохи¹³⁸.

В 1984 г. объединенный отряд Предгорно-плоскостной экспедиции ЧИГУ и Кисловодский отряд СМК исследовал Рим-Горское городище. Руководитель — С. Н. Савенко¹³⁹. В том же году окрестности сел. Кичи-Балык изучались С. Н. Кореневским — Предгорный отряд Ставропольской экспедиции ИА АН СССР¹⁴⁰.

Эпиграфическими памятниками Карачаево-Черкесии — тюркскими руническими надписями занимались В. А. Кузнецов, А. М. Щербак, М. А. Хабичев, Х. Х. Биджиев¹⁴¹.

Этот вид памятников изучает сотрудник КЧНИИ С. Я. Байчоров. Тюркские рунические надписи этот исследователь обнаружил и изучал в Ахмат-Кая, Нижнем Архызе, Уллу-Хурзуке, Инале, Токмак-Кая, у Дзегуты (Гнакызы), на Покун-Сырте, в Красновосточном и в других

местах ¹⁴². С. Я. Байчоров занимается также петроглифами Карачаево-Черкесии, в частности, наскальными рисунками балки Сутул на Урупе ¹⁴³.

Кроме специалистов-профессионалов на территории КЧАО археологическую работу вели краеведы, некоторые из которых получали Открытый лист на право археологических раскопок. Так, А. К. Кузьминов, бывший тогда учителем школы № 3 г. Карачаевска, в 1958—1960 гг. раскапывал раннесредневековый Дардонский могильник в г. Карачаевске. Один из склепов этого могильника (№22) был раскопан учеником А. К. Кузьмина К. Т. Чагаровым ¹⁴⁴.

Е. А. Милованов, работая директором школы пос. Курджиново, более 10 лет изучал могильник в Мощевой Балке. Е. А. Милованов обследовал и другие памятники Урупского района, в частности, городище VIII—X вв. с двумя церквями севернее пос. Уруп ¹⁴⁵.

Около пос. Шестая Шахта археологические разведки ведет С. Д. Мастепанов, много лет работавший преподавателем средней школы этого поселка. По изучению памятников Кисловодского района и прилегающего к нему Малокарачаевского района КЧАО много сделал Н. Н. Михайлов.

Р. Н. Шпилевой, работая учителем средней школы № 13 г. Черкесска, вместе с учащимися проводил археологические разведки на Хумаринском и Дружбинском городищах и в других местах Карачаево-Черкесии. Из других краеведов упомянем В. Лученкова, который вел работу в Малокарачаевском районе. Спелеолог Л. Б. Долечек открыл в пещере Южный Слон (в районе пос. Рожкао) следы пребывания древнего человека. Данные об археологических памятниках Карачаево-Черкесии мы находим в газетных публикациях краеведа Г. Беликова.

Итак, археологические памятники, расположенные на территории КЧАО, изучаются уже около 200 лет. За это время накоплен очень богатый и интересный материал, который позволил открыть многие страницы истории древнего и средневекового населения верховьев Кубани, Зеленчуков и Подкумка. Нашли решение и многие вопросы истории всего Северного Кавказа.

Раскопки археологических памятников Карачаево-Черкесии продолжают.

¹ Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая. // СМОМПК 45, Махачкала, 1926; отд. отт. Махачкала, 1927, с. 1 — 14; Минаева Т. М. К истории археологических обследований реки Кубани. // УЗСГПИ VII, Ставрополь, 1951, с. 211—236; ее же. Археологические памятники Черкесии. // ТЧНИИ II, Черкесск, 1954, с. 261 — 266; ее же. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 6 — 57.

² G ü l d e n t s t ä d t I. A. Reisen durch Russland* und im Kaukasischen Gebürge, r. I, St. Peterburg, 1787; r. II, St. Peterburg, 1791. О statuе — ч. II, с. 33. См. также русский перевод сочинения этого автора: Гильденштедт И. А. Путешествие. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия господина академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг. Пер. К. Германа. СПб., 1809.

³ Минаева Т. М. К истории алан..., с. 7.

⁴ Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statgalterschafften des Russischen Reichs (1793—1794), t. I, Leipzig, 1799 з 326 — 362

⁵ Reineggs S. Allgemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus, r. I, St. Peterburg, 1796; r. II. Hildesheim und Gothe und St. Peterburg, 1797.

⁶ Минаева Т. М. Из истории..., с. 11.

⁷ Бутков П. Древности. // Библиографические листы Кепена. 1825, № 30, с. 431 — 433.

⁸ Klaproth L. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin, т. I — 1812; т. II — 1814; его же. Sur les anciennes egeises chretiennes dans le Caucase an de la du Kouban. // Nouveau Journal Asiatique, tome V, Paris, 1830, s. 375 — 390.

⁹ Kupffer M. Voyage dans les Environs du mont Elbrouz dans le Caucase. St. Peterburg, 1830, с. 11, 41 — 43.

¹⁰ Бернадацци И. Христианские древности за Кубанью. // ЖМНП 1830, ч. III, кн. IV, СПб., с. 186 — 191; Бентковский И. Древние христианские церкви за Кубанью близ Хумары. // Газ. «Ставропольские губернские ведомости», 1876, № 46, с. 3 — 4.

¹¹ Труд Дюбуа де Монпере на французском языке был издан в 1839 г. Русский перевод: Дюбуа Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Том. I. Пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пушиной. АН СССР. Грузинский филиал. // Труды Института абхазской культуры. Вып. VI, Сухуми, 1937, с. 154.

¹² Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. // Записки имп. Археологического общества, т. IX, СПб., 1857, с. 371 — 405.

¹³ Токарев Г. Поездка на снеговой хребет северо-западной цепи Кавказа. // Современник, т. 28, отд. VI, СПб., 1851, с. 1 — 24.

¹⁴ Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа. // Кавказский сборник, т. XXI, Тифлис, 1900, с. 109 — 110.

¹⁵ А.-Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. // Военный сборник, т. IX, СПб., 1860, с. 289 — 290.

¹⁶ Нарышкины. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // Известия Русского археологического общества, т. VIII, СПб., 1877, с. 325 — 368.

- ¹⁷ Бентковский И. Древние христианские церкви..., с. 3—4.
- ¹⁸ Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881; Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве. // Записки имп. Русского археологического общества, новая серия, том II вып. I, СПб., 1886, с. 46, 47 и др.
- ¹⁹ Фелицын Е. Д. Археологическая карта Кубанской области. М., 1882.
- ²⁰ Ковалевский М. У подошвы Эльбруса. // Вестник Европы, 1906, т. I, с. 83—112; Указатель памятников Российского исторического музея. М., 1893, с. 389—392.
- ²¹ Erckert R. Der Kaukasus und seine Volker. Leipzig, 1887, с. 74—79, 90—91.
- ²² Sommier S. Note volanti sui Karacjai ed alcune Misure di Abasa, Kabardini e Abasekh di Stephen Sommier. // Archivio per l'antropologia e l'etnologia. V. XXXI, 1901, Firenze, с. 433—434.
- ²³ Архив ЛОИА, № 339, Таврическая губерния. Рисунки художника Д. М. Струкова.
- ²⁴ Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. // МАК III, М., 1893, с. 110—118; Кузнецов В. А. Новые данные о зеленчукской надписи X в. // ИСОНИИ XXVII, языковедение. Орджоникидзе, 1966, с. 193—199.
- ²⁵ МАК VII, М., 1898, с. 137—142.
- ²⁶ Древне-христианские храмы и свято-Александро-Афонский монастырь. М., 1892; Тепцов В. По истокам Кубани и Терека. // СМОМПК 14, Тифлис, 1892, с. 20, Хурумов И. Древние гробницы на р. Индыш. // СМОМПК 13, Тифлис, 1892, с. 20, рис. 77.
- ²⁷ Сысоев В. М. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК VII, М., 1898, с. 115—136; его же. Археологическая экскурсия по Закубанью. // МАК IX, М., 1904, с. 143—169; его же. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. // СМОМПК 43, Тифлис, 1913 с. 97—117.
- ²⁸ Архив ЛОИА, ф. I, 1896/204, лл. 141—142 об.
- ²⁹ Дьячков-Тарасов А. Н. Сентинский храм и его фрески. Екатеринбург, 1899; его же. В горах Большого и Малого Карачая. // СМОМПК 28, Тифлис, 1900 с. 1—20, 52—55.
- ³⁰ ОАК 1899, с. 52—56; Владимиров И. А. Развалины старинного храма близ речки Амгаты. // ИАК I, СПб., 1901, с. 104—106; его же. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области. // ИАК 4, СПб., с. 1—14.
- ³¹ Мерцбахер Г. К этнографии обитателей Кавказских Альп. // ИКОРГО XVIII, 1905, № 2, с. 69—130.
- ³² ОАК 1901, с. 86—89; Веселовский Н. И. Отчет о раскопках у ст. Джегутинской. // Архив ЛОИА, ф. I, 1901/103.
- ³³ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М. — Л., 1948, с. 272; Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. // СА 1967, № 2, с. 56.
- ³⁴ Галицкий Н. Е. Очерки Карачая. // СМОМПК 40, Тифлис, 1909, с. 2—7.
- ³⁵ Тимофеев В. Отчет проверочным раскопкам, проведенным в июле и августе месяцах 1908 г. в Баталпашинском отделе Кубанской области. // Древности. ТМАО, т. XXIII, вып. 2, М., 1914, с. 174—175.
- ³⁶ Прозрителев Г. Древние Тебердинские могильники. // ТСУАК V, Ставрополь, 1913, с. 3—6.

³⁷ Прозрителев Г. Археологическая находка. //ТСУАК II, Ставрополь, 1910, с. 1—3.

³⁸ Прозрителев Г. Древние памятники христианства на Северном Кавказе.// СССК I, Ставропольская губерния, 1906, с. 1—16.

³⁹ Минаева Т. М. К истории алан..., с. 14—15.

⁴⁰ Павлов Д. М. Искусство..., с. 11.

⁴¹ Федоровский А. С. Археологические заметки о Кубанской области.// ИАК 47, СПб., с. 155—158.

⁴² Лысенко А. М. Экскурсия в урочище «Старое Жилище» — будущий мировой курорт на Кавказе /Город-сад — «Казачья Швейцария на Кавказе// Долина Зеленчука/ «Старое Жилище» на Кубани./ Новая горно-климатическая станция и дачная местность на Кавказе. Пг., 1917, с. 39—46.

⁴³ Павлов Д. М. Искусство..., с. 12—13; Лунин Б. Перспективы изучения материальной культуры Северного Кавказа в 1925 г. и частные итоги работы 1920—1924 гг.// Северокавказский край, № 6, июнь, Ростов-на-Дону, 1925, с. 58—72; его же. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г.// Краеведение на Северном Кавказе. № 1—2, Ростов-на-Дону, 1928, с. 58—84. Имеется отдельный оттиск.

⁴⁴ Павлов Д. М. Искусство..., с. 1—32.

⁴⁵ Дьячков-Тарасов А. Н. Археологические разведки в Карачае в 1927 г.// БСККГНИИ, № 2—4, Ростов-на-Дону, 1927, с. 83.

⁴⁶ Смолин В. Ф. Катакомбы на Рим-горе близ Кисловодска// Краеведение на Северном Кавказе, № 1—2, Ростов-на-Дону, 1928, с. 87—90.

⁴⁷ Абаев В. И. Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Террека.// Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, с. 271 сл.; Минаева Т. М. К истории алан..., с. 31—32.

⁴⁸ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии, с. 266—267; ее же. К истории алан..., с. 32.

⁴⁹ Шишкин П. Н. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области.// Архив ЛОИА, ф. 2. оп. 2, № 1406, лл. 3—62.

⁵⁰ Лавров Л. И. Башня Адиох в Черкесии.// КСИИМК VII, М.—Л., 1940, с. 93, 100, 101.

⁵¹ Петрелевич К. М. Чудесный памятник Карачая /гл. из работы: Основные линии археологии Карачая/. // Архив ЛОИА, ф. 35, оп. I, 1940, № 16, лл. 9—63.

⁵² Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, с. 48—57; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 121, рис. 15. «Клад» хранится в ГИМ.

⁵³ Минаева Т. М. К истории археологических обследований..., с. 227—232; ее же. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.// МИА 23, М.—Л., 1951, с. 273—301; ее же. Могильник в устье Теберды.// МИСК 7, Ставрополь, 1955, с. 261—290.

⁵⁴ Минаева Т. М. К истории археологических обследований..., с. 232—233; ее же. Следы древних выработок металлических руд в ущелье реки Марухи.// КСИИМК 43, М., 1952, с. 116—119.

⁵⁵ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии, с. 276—279.

⁵⁶ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии, с. 270.

⁵⁷ Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан.// МИСК 2 — 3, 1950, с. 205 — 264; ее же. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.// СА XXVI, М., 1956, с. 236—261; ее же. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965, с. 101—102. В. Б. Ковалевская датирует Байтал-Чапканский могильник VI—VII вв. (Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984, с. 110).

⁵⁸ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии, с. 291 — 299; ее же. Очерки..., 101 — 102.

⁵⁹ Минаева Т. М. Городище на балке Адюх в Черкесии.// СТСПИ IX, Ставрополь, 1955, с. 129 — 172; ее же. Городище Адюх в Черкесии.// КСИИМК 60, М., 1955, с. 110 — 119; ее же. К истории земледелия на территории Ставрополя.// МИСК 10, Ставрополь, 1960, с. 167 — 282; ее же. Очерки..., с. 57 — 60; ее же. К истории алан..., с. 44 — 45.

⁶⁰ Минаева Т. М. Городище близ аула Кубина в Черкесии.// ИСОНИИ XXII, вып. IV, Орджоникидзе, 1960, с. 156 — 188; ее же. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным.// МИСК II, Ставрополь, 1964, с. 167 — 171; ее же. Очерки..., с. 79 — 80; ее же. К истории алан..., с. 45.

⁶¹ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии, с. 280 — 291; ее же. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае.// МИСК 6, Ставрополь, 1954, с. 287 — 305.

⁶² Минаева Т. М. Поселение в устье реки Узун-Кол.// СА, 1960, № 2, с. 193 — 207; ее же. Очерки..., с. 53 — 57.

⁶³ Минаева Т. М. Находка близ станицы Преградной на р. Урупе.// КСИИМК 68, М., 1957, с. 133 — 137.

⁶⁴ Минаева Т. М. Очерки..., с. 102 — 103; ее же. К истории алан..., с. 48.

⁶⁵ Минаева Т. М. Очерки..., с. 61 — 64; ее же. Раскопки городища Гиляч.// АО 1968 г., М., 1969, с. 123 — 124; ее же. К истории алан..., с. 37.

⁶⁶ Минаева Т. М. Раскопки городища Инджур-Гата.// АО 1967 г., М., 1968, с. 97 — 98.

⁶⁷ Минаева Т. М. Новый вид погребальных сооружений в бассейне Верхней Кубани.// МСПИАЭИ 1964 г. Баку, 1965, с. 136 — 137.

⁶⁸ Глушков Л. Н. Отчет о работе Ставропольского музея в 1955 — 1956 гг.// СА, 1957, № 4, с. 283.

⁶⁹ Любин В. П. Первая находка Нижнего палеолита на Ставрополье.// КСИИМК 73, М., 1959, с. 33 — 38; его же. Мезолитическая стоянка Явора.// КСИИМК 84, М., 1961, с. 45 — 48; его же. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии.// ТКЧНИИ IV, серия историческая, Ставрополь, 1964, с. 253 — 261; его же. Неолитическая стоянка на р. Овечка.// ТКЧНИИ V, серия историческая, Ставрополь, 1966, с. 261 — 264; Гальперина Б. Д., Любин В. П. Раннесредневековое городище Учкулъка /Карачаево-Черкесия./// ТКЧНИИ V, серия историческая, Ставрополь, 1966, с. 265—274.

⁷⁰ Мунчаев Р. М. Нечитайло А. Л. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике.// СА, 1966, № 3, с. 133 — 151; Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. АКД, Киев, 1973; ее же. Катакомбные погребения эпохи бронзы в окрестностях г. Черкесска.// МИСК 12 — 13.

Ставрополь, 1971, с. 205 — 210; ее же. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке: Наукова Думка, 1978; ее же. Погребальный обряд племен северокавказской культуры Верхнего Прикубанья. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 52 — 68.

⁷¹ Пчелина Е. Г. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. // Археографический ежегодник АН СССР за 1959 г. М., 1960, с. 298—300.

⁷² Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути»..., с. 56.

⁷³ Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. // КСИИМК 60, М., 1955, с. 73 — 79.

⁷⁴ Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960; ее же. Находки эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской автономной области. // СА, 1960, № 2, с. 236 — 241; ее же. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. // ТКЧНИИ III, серия историческая, Черкесск, 1959, с. 68 — 70.

⁷⁵ Алексеева Е. П. Археологические раскопки в районе сел. Верхний Чегем в 1959 г. // ССИКБ 9, Нальчик, 1961, с. 193 — 204.

⁷⁶ Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1964, с. 7 — 30; ее же. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. // ТКЧНИИ V, серия историческая, Ставрополь, 1966, с. 132 — 185.

⁷⁷ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971, с. 53 — 55, 132 — 135.

⁷⁸ Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск: Кар.-Черк. отд.-е Ставр. кн. изд.-ва, 1976, с. 49—52, 99—109.

⁷⁹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.

⁸⁰ Мизиев И. М. Первые раскопки в верховьях р. Индыш. // АО 1966, М., 1967, с. 85 — 86; его же. Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая / XII — XVII вв. / АКД, М., 1967; его же. Археологические разведки в верховьях р. Индыш в КЧАО. // ТКЧНИИ VI, серия историческая, Ставрополь, 1970, с. 436 — 449; его же. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая / XIII — XVIII вв. / Нальчик: Эльбрус, 1970, с. 19, 24 и др.; его же. Некоторые итоги археологических работ в верховьях реки Малки в 1966 г. // Вестник КБНИИ, вып. I, Нальчик, 1968, с. 156, 158, 160.

⁸¹ Мизиев И. М. Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. // АО 1969, М., 1970, с. 128. См. также: Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.

⁸² Федоров Я. А. Аланское городище и могильник Джашырын-Кала в верховьях Кубани. // МАДИСО II, Орджоникидзе, 1969, с. 123 — 119; Нечаева Л. Г. Предварительные итоги изучения склеповых сооружений Северного Кавказа. // ТДНСПИРИЭ АН СССР за 1966 г. Л., 1967, с. 39 — 41.

⁸³ Марковин В. И. Исследования дольменных построек по рекам Пшада, Догуаб, Адерба и Кяфар. // АО 1972, М., 1973, с. 136 — 137.

⁸⁴ Рунич А. П. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. // СА 1963, № 3, с. 241—244; его же. Катакомбы Рим-Горы. // СА 1970, № 2, с. 198—210; его же. О конской сбруе из района

Пятигорья.// СА, 1973, № 1, с. 165, 167, 169; Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Городище Бургустан или Рим-Гора.// МИСК 14, Ставрополь, 1976, с. 162 — 182.

⁸⁵ Рунич А. П. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. // СА 1971, № 2, с. 167 — 169; Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П. Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска // ВВ 32, М., 1971, с. 220.

⁸⁶ Рунич А. П., Березин Я. Б., Савенко С. Н. Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок.// Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура, вып. 2. Черкесск, 1983, с. 56 — 63.

⁸⁷ Кузнецов В. А. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края.// МИСК 6, Ставрополь, 1954, с. 345 — 351; его же. Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае.// КСИИМК 76, М., 1959, с. 83 — 89; его же. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья.// КСИА 85, М., 1961, с. 106 — 117.

⁸⁸ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.// МИА 106, М., 1962.

⁸⁹ Кузнецов В. А. Археологические исследования в верховьях Кубани. / 1960 — 1961 гг. // КСИА 96, М., 1963, с. 86 — 91; его же. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г.// КСИА 98, М., 1964, с. 107 — 115; его же. Раскопки Нижне-Архызского городища.// КСИА 120, М., 1969, с. 73 — 77; его же. Алания в X—XIII вв. Историко-археологические очерки. АДД, М., 1970, с. 28 — 32; его же. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир., 1971, с. 163 — 196; его же. Раскопки в Нижнем Архызе.// АО 1971, М., 1972, с. 165 — 166; О трех Зеленчукских храмах: Кузнецов В. А. Северный Зеленчукский храм.// СА 1964, № 4, с. 136 — 150; его же. Средний Зеленчукский храм.// СА, 1968, № 3, с. 137 — 147; его же. Южный Зеленчукский храм.// СА, 1971, № 1, с. 238 — 244. Кузнецов В. А. Раскопки в Нижнем Архызе.// АО, 1971, М., 1972, с. 165 — 167; его же. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977, с. 26 — 90; его же. Работа Зеленчукской экспедиции.// АО 1978, М., 1979, с. 133; его же. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984, с. 56, 60.

⁹⁰ Кузнецов В. А. Нижне-Архызское городище X—XII вв.— раннефеодальный город Алании / историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований.// Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986, с. 230 — 247, в частности, с. 230.

⁹¹ Кузнецов В. А. Алания..., с. 163 — 196; его же. Нижне-Архызское городище X—XII вв. с. 230 — 247.

⁹² Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища. // СА, 1963, № 1, с. 298 — 305; Кузнецов В. А. Очерки..., с. 113.

⁹³ Кузнецов В. А. Новые данные о Зеленчукской надписи X в.// ИСОНИИ XXVII, языкознание. Орджоникидзе, 1968, с. 193—199.

⁹⁴ Кузнецов В. А. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска.// ССИКБ 9, Нальчик, 1961, с. 205 — 216.

⁹⁵ Погребова М. Н. Исследования в районе Кисловодска.// АО, 1969, М., 1970, с. 107 — 108.

⁹⁶ Виноградов В. Б. Михайлов Н. Н. Новые памятники скифосарматского времени в районе города Кисловодска.// АО, 1969, М., 1970, с. 99.

⁹⁷ Найдено А. В. Раскопки в окрестностях ст. Исправной.//

АО, 1969, М., 1970, с. 107 — 108; Козенкова В. И., Найденко А. В. Кобанский могильник близ ст. Исправной.// СА, 1980, № 1, с. 145 — 210.

⁹⁸ Биджиев Х. Х. Археологические раскопки в Горном Карачае.// АО, 1969, М., 1970, с. 127 — 128; его же. Археологические раскопки у истоков Кубани.// КСИА 132, М., 1972, с. 92 — 96.

⁹⁹ Биджиев Х. Х. Шаманов И. М. Раскопки в Карачае.// АО, 1970, М., 1971, с. 131 — 132; Биджиев Х. Х. Погребальные памятники Карачая XIV — XVIII вв.// Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 63 — 145; его же. Исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии и об этнической принадлежности некоторых из них.// IX КЧ. Тезисы докладов. Элиста, 1979, с. 40 — 41; его же. Могильник Карт-Джурт.// Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 5 — 27.

¹⁰⁰ Биджиев Х. Х. О чем говорят памятники.// Газ. «Ленинское знамя», № 15 /10. 488/, 22 января 1974 г., с. 4.

¹⁰¹ Подопригора А. Научные экспедиции.// Газ. «Ленинское знамя», № 189 /10. 405/, 25 сентября 1973 г., с. 4.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Биджиев Х. Х. Некоторые итоги исследований средневековых памятников Карачаево-Черкесии.// Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура. Черкесск, 1982, с. 59 — 69; его же. Хумаринское городище. Черкесск: Кар.-Черк. отд.-е Ставроп. кн. изд.-ва, 1983, с. 107 — 149.

¹⁰⁶ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище.

¹⁰⁷ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище, с. 134 — 139; его же. Раскопки ранне-средневековых памятников Карачаево-Черкесии и Ставропольского края.// АО 1983, М., 1985, с. 109 — 110.

¹⁰⁸ Биджиев Х. Х. Раскопки Хумаринского городища.// АО, 1979, М., 1980, с. 97; его же. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии.// Северный Кавказ в древности и в средние века. М., Наука, 1980, с. 33 — 43.

¹⁰⁹ Биджиев Х. Х. Исследования средневековых памятников с. 40 — 41; его же. Некоторые итоги..., с. 59 — 83.

¹¹⁰ Биджиев Х. Х. Исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии.// АО 1980, М., 1981, с. 96 — 97; его же. Проткнувшая времен завесу. // Газ. «Ленинское знамя», № 30/12. 024/, 12 февраля 1981 г., с. 4.

¹¹¹ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище, с. 139 — 144; его же. Раскопки и разведки в Карачаево-Черкесии.// АО 1981, М., 1983, с. 110.

¹¹² Биджиев Х. Х. Хумаринское городище, с. 144.

¹¹³ Биджиев Х. Х. Некоторые итоги..., с. 59 — 83; его же. Хумаринское городище, с. 115; его же. Работы в Карачаево-Черкесии и в Краснодарском крае.// АО 1982, М., 1984, с. 110 — 111.

¹¹⁴ Биджиев Х. Х. Кяфарское городище в Карачаево-Черкесии.// XIV КЧ по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1986, с. 55 — 57.

¹¹⁵ Текеев Г. Х.-У. Археологические разведки в Карачаево-Черкесии.// Тезисы докладов IV КЧ по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 47 — 48; Текеев Г. Х.-У. Биджиев Х. Х. Экспедиция Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея.// АО 1973, М., 1974, с. 127 — 128.

¹¹⁶ Текеев Г. Х.-У. Автографы древних охотников. // Газ. «Ленинское знамя», № 177 /11. 426/, 3 сентября 1977 г., с. 4; Текеев Г. Х.-У. Раскопки в урочище Байтал-Чапкан, // VIII КЧ. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 91.

¹¹⁷ Текеев Г. Х.-У. Раскопки в урочище Батал-Чапкан, с. 90—91; его же. Могильник Байтал-Чапкан.// АО 1977, М., 1978, с. 144—145.

¹¹⁸ Федоров Я. А., Текеев Г. Х.-У., Эльканов У. Ю. Раскопки Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея.// АО 1978, М., 1979, с. 147—148.

¹¹⁹ Текеев Г. Х.-У. Новые сведения о Нижне-Архызском городище.// АО 1979, М., 1980, с. 128—129.

¹²⁰ Текеев Г. Х.-У. Раскопки в верховьях Кубани.// 1982, М., 1984, с. 135.

¹²¹ Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии.// АО 1975, М., 1976, с. 125—126; ее же. О работах средневекового отряда Ставропольской экспедиции.// АО 1976, М., 1977, с. 102—103.

¹²² Ковалевская В. Б. О работах средневекового отряда Ставропольской экспедиции. // АО 1976, М., 1977, с. 102—103; ее же. Разведки и раскопки на р. Эшакон.// АО 1977, М., 1978, с. 122; Ковалевская В. Б., Козенкова В. И., Новейшие раскопки поселения эпохи бронзы и раннего железа Уллубаганалы II.// IX КЧ. Тезисы докладов. Элиста. 1979, с. 25—26; их же. О работах Малокарачаевского отряда.// АО 1978, М., 1979, с. 128; Ковалевская В. Б. О работах Малокарачаевского отряда.// АО 1979, М., 1980, с. 111; ее же. Работы в Ставропольском и Краснодарском краях.// АО 1980, М., 1981, с. 104—105; ее же. Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии.// Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура, вып. 2, Черкесск, 1983, с. 18—34.

¹²³ Козенкова В. И. О работах Чечено-Ингушского отряда.// АО 1977, М., с. 123—124; ее же. О работах Учкеевского отряда.// АО 1978, М., 1979, с. 129—130; ее же. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа.// СА, 1982, № 3, с. 14—33.

¹²⁴ Нечаева Л. Г. и другие. Дольменообразные гробницы и составные дольмены в Карачае и Краснодарском крае.// АО 1975, М., 1976, с. 140—141.

¹²⁵ Марковин В. И. Раскопки дольменов в бассейнах рек Кыфара и Белой.// АО 1975, М., 1976, с. 138—139.

¹²⁶ Марковин В. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1978, с. 129—130; Марковин В. И. и другие. Исследования Сентинского храма.// АО 1977, М., 1978, с. 129—130; Марковин В. И. Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш.// Вопросы средневековой истории и культуры Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 146—153; его же. Византийская ткань с золотыми нитками из Сентинского храма.// Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура, вып. 2, Черкесск, 1983, с. 65—76; Макарова Т. И., Марковин В. И. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма.// СА, 1981, № 3, с. 268—273. См. также статью В. И. Марковина в настоящем сборнике.

¹²⁷ Федоров Я. А. Эльканов У. Ю. Разведки средневековых памятников в бассейне Верхней Кубани.// АО 1977, М., 1978,

с. 145 — 146; их же. Раннесредневековые памятники Верхнего Прикубанья.// Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 68 — 73.

¹²⁶ Дударев С. Л., Березин Я. Б. Работы Кисловодского отряда.// АО 1977, М., 1978, с. 119.

¹²⁹ Зельдина В. Я., Каменецкий И. С., Пушкина Т. А. Разведки в ущельях Белой и Аксаута.// АО 1978, М., 1979, с. 127; Воронов Ю. Н., Гугуев В. К., Каменецкий И. С., Науменко С. А. Разведки в ущелье Большой Лабы.// АО 1978, М., 1979, с. 119 — 120; Науменко С. А. Разведки в долинах рек Теберды и Аксаута.// АО 1979, М., 1980, с. 120.

¹³⁰ Рябова В. Я. Разведки в верховьях Кубани.// АО 1979, М., 1980, с. 125.

¹³¹ Ковалевская В. Б. Работы в Ставропольском и Краснодарском краях.// АО 1980, М., 1981, с. 104 — 105.

¹³² Савченко В. И. Исследования могильника Мощевая Балка.// АО 1980, М., 1981, с. 116 — 117.

¹³³ Савченко Е. И. Исследования могильника Мощевая Балка.// АО 1981, М., 1983, с. 131 — 132; Каменецкий И. С. Разведки и раскопки в бассейне Кубани.// АО 1982, М., 1984, с. 121 — 122.

¹³⁴ Каминский В. Н. Скальные могильники бассейна Большой Лабы и их этническая принадлежность.// XIII КЧ по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1984, с. 74 — 75.

¹³⁵ Каминская И. В., Каминский В. Н. Исследования Первомайского городища в долине Большой Лабы.// XIV КЧ по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1986, с. 54 — 55; Каминский В. Н. Раскопки Первомайского городища.// АО 1984, М., 1986, с. 74 — 75.

¹³⁶ Эльканов У. Ю. Раскопки Нижне-Архызского городища.// АО 1982, М., 1984, с. 137 — 138; его же. И слышны отзвуки веков. // Газ. «Ленинское знамя», № 14 /13.516/, 22 января 1986 г. с. 4.

¹³⁷ Эльканов У. Ю. И слышны..., с. 4.

¹³⁸ Абрамова М. П. Раскопки в Карачаево-Черкесии.// АО 1983, М., 1985, с. 104; ее же. Исследования в Карачаево-Черкесии.// АО 1984, М., 1986, с. 86; ее же. Работа Карачаево-Черкесского отряда.// АО 1985, М., 1987, с. 122 — 123.

¹³⁹ Савенко С. Н. Раскопки могильников в долине р. Подкумок.// АО 1984, М., 1986, с. 107 — 108.

¹⁴⁰ Корневский С. Н. Работы Ставропольской экспедиции.// АО 1984, М., 1986, с. 99.

¹⁴¹ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища.// СА, 1963, № 1, с. 298 — 305; Щербак А. М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе.// СТ, 1971, № 4, с. 76 — 82; Хабичев М. А. О древнетюркских надписях в аланских катакомбах.// СТ, 1970, № 2, с. 64 — 69; его же. Карачаево-балкарское именное словообразование и словоизменение. Черкесск: Кар.-Черк. кн. изд-во. 1977, с. 82 — 89; Биджиев Х. Х. Хумаринское городище, с. 92 — 83.

¹⁴² Байчоров С. Я. Надписи Хумаринского городища.// СТ, 1974, № 4; его же. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности.// АКД, М., 1977; его же. Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубано-Терского междуречья.// Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, с. 87 — 129.

¹⁴³ Байчоров С. Я. Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца. // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.

¹⁴⁴ Кузьминов А. К. Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска. // ТКЧНИИ VI, серия историческая, Ставрополь, 1970, с. 396—422; Чагаров К. Т. Средневековый склеп Дардонского могильника. // ТКЧНИИ VI, серия историческая, Ставрополь, 1970, с. 423 — 435.

¹⁴⁵ Милованов Е. А. Средневековое городище на р. Уруп. // АО 1972, М., 1973, с. 139.

С. Я. БАЙЧОРОВ

ПЕТРОГЛИФЫ БИЙЧЕСЫНА

(Разведки археолого-эпиграфической экспедиции 1985 г.)

Пред двуглавым Эльбрусом распростерлось, словно взволнованное море, плато Бийчесын, изрезанное тысячами выющихся балок и вздыбленное тысячами холмов, и от него тянется серебристыми нитями в разные стороны, к бассейнам Терека, Кумы, Кубани, множество ручьев. У истоков некоторых из этих речек разведаны археолого-эпиграфической экспедицией КЧНИИ древние скульптурные и петроглифические памятники. Они подробно описаны в отчете экспедиции, данная статья — извлечение из этого отчета.

Главными ориентирами мест расположения этих находок являются средневековые стелы Бийчесына, с которых и начнем описание и интерпретацию находок.

Бийчесын (от карач.-балк. *бийче* «княгиня» + *сын* «памятник») — стела высотой, от поверхности земли, в 2,4 м, шириной в 0,5 м, толщиной в 0,35 м, в километрах 5 к югу-востоку от масло-сырзавода, в 100 м северо-восточнее от дороги (см. Отчет, табл. VI). Стела лицевой стороной обращена к востоку.

Памятник обрабатывался способом отбивания от камня мелких кусочков каким-то острым предметом. По словам показавших нам этот памятник местных жителей, на этой стеле лет 15 тому назад еще были различимы очертания женского лица, в последнее время памятник испорчен. Современные посетители оставили на нем множество автографов. Местные жители обратили наше внимание на то, что старательно выбитые линии, имитирующие женские волосы, опускаются с темени к

спине стелы. Здесь таких стел было три, но две из них уже отсутствуют. Расстояние от одной стелы до другой было около 150 м. Места, где стояли эти памятники, до сих пор заметны.

По преданию, описанная стела поставлена в честь княгини, проживавшей здесь в средневековье. Плато получило свое наименование по названию этого памятника.

Первая стела Азнаура (Отчет, табл. VII,1) несколько приближает нас к древним памятникам, являющимся основной темой нашего исследования. Она находится в километрах 16 к югу от памятника «Бийчесын», описанного выше.

Ташлы-Сырт, где стоит стела, — хребет у северного подножия черных гор, стоящих на северной стороне Эльбруса. В центре хребта имеется возвышение Ташлы-Тёбе диаметром, приблизительно, в 1 км и высотой, относительно остальной части Ташлы-Сырты, не более 100 м. На его юго-восточном склоне стоит наклоненный в сторону коричневый четырехгранный каменный столб высотой, от поверхности земли, в 1,4 м, шириной в 0,5 м, толщиной такую же. Камень называют карачаевцы *Азнаурну сыны* «Памятник (стела) Азнаура». Азнаур — карачаево-балкарский народный герой, живший, судя по событиям, связанным с его деятельностью, в позднем средневековье. Рассказывают, что с того места, где стоит описанный памятник, выстрелили в Азнаура.

Вторая стела Азнаура (см. Отчет, табл. VII,2).

В 1 км к юго-востоку от только что описанной стелы, под горой, на ровной лужайке стоит каменный столб высотой, от поверхности земли, в 2,2 м, шириной в 0,5 м, толщиной такую же. Верхняя половина камня идет на сужение. Стороны этой части памятника отшлифованы так, что превратились в желобки. Карачаевцы называют и это *Азнаурну сыны* «Памятник (стела) Азнаура». Местные жители говорят, что пущенная с места предыдущей стелы стрела смертельно ранила спящего здесь Азнаура. В народе до сих пор поется песня «Азнаур».

Арабская эпитафия 1131 г. хиджры (≈ 1711 г.) —

вблизи второй стелы Азнаура. В километрах двух к северу от только что описанного памятника, над левой стороной поймы речки Кызыл-Кол, среди большой группы скал четыре утеса образуют обращенными друг к

другу отвесными сторонами как бы некрытое помещение размером в 5,5×3,2×2 м (см. Отчет, табл. VIII,1). Под западной стеной осевшая могила длиной в 2 м, шириной в 1 м. На стене, под боковой стороной могилы, — трехстрочная арабская надпись длиной в 1,5 м. Под текстом — дата 1121 г. В надписи — имена *Боуджынай ибн Тейри-Къул, Гъазинур, Хаджи-Даут*. По словам Крымшамхалова Назира, табунщика совхоза «Верхнекубанский», показавшего нам этот текст (см. Отчет, табл. VIII,2), могила эта считается священной. Имя *Гъазинур* дает основание предположить, что, может быть, Азнаур был похоронен здесь.

Речка Къзыл-Кол, над поймой которой находится описанный памятник, является одним из истоков реки Джалан-Кол, в ущелье которого, в километрах 20—25 к западу от только что описанного памятника, и обнаружены рассматриваемые ниже материалы.

Каменное изваяние древнего владыки, как бы контролируя все окружающее, стоит на возвышении на узком (шириной в 40—50 м) хребте между речками Джалан-Кол и Шайлык-Сырты (см. табл. 1; в Отчете — табл. 1) До этого памятника можно добираться разными путями: 1) от истока Къзыл-Кола, по правой стороне ущелья, по бездорожью переправляясь часто через поперечные ущелья (этот путь трудный); 2) от устья Джалан-Кола (от берега Кубани) на северо-восток по тропе; на машине со стороны Мары.

Если ехать на Бийчесын со стороны Мары, то на 16-м километре от шлагбаума видна, справа от дороги, группа курганов на ровном хребте, между двумя балками, протянувшимися параллельно с северо-востока на юго-запад. Этот хребет называется Оба-Сырты. На его западной окраине — скотоферма. За ней начинается другая балка, которая разделяет надвое продолжение хребта Оба-Сырты. Если ехать по правой (северо-западной) стороне балки, начинающейся у фермы, встретится, через километров пять, упомянутое изваяние.

Эта монументальная скульптура не имеет подобия в средневековой пластике, не обнаружены пока что и древние ее аналоги. Уникальный памятник лежал под землей в 400 м южнее нынешнего его места, на терраске правого склона речки Джалан-Кол, и открыт в

1985 г. случайно рабочими совхоза «Верхнекубанский»; перевезен и установлен на нынешнем месте. Эпиграфическая экспедиция КЧНИИ в этом же году осмотрела памятник.

Высота его — 4,40 м, однако 2 м высоты ныне находится в земле, ширина статуи (у основания) — 0,52 м. Древний скульптор попытался изваять своего героя так, что черты его лица индивидуальны. Тип лица восточный. Скулы широкие, подбородок короткий, нос прямой, маленький, густые широкие брови над большими глазами, широковатые щеки, кажущиеся плоскими, маленький рот с большой нижней губой. Лоб уже лица. Кажется, что персонаж без головного убора, бритоголовый, с некоторой искусственной деформацией черепа, что было характерно для алан или гуннов. Но, может быть, на его голове небольшой шлем, который автор скульптуры четко не выделил. Определить одежду также невозможно. Если персонаж не в специальной накидке, то руки и ноги не изображены. Поверхность скульптуры от верха шеи до основания монумента заполнена следами обработки камня, мелкими насечками, которые наносились так упорядоченно, что в общем просматриваются как орнамент или скрученный ворс бурки. Такая обработка и на поверхности другой антропоморфной фигуры, лежащей у дороги в 2 км западнее (см. Отчет, табл. II, 1-2). Почти то же самое и на поверхности памятника «Бийчесын». По-видимому, древние традиции скульпторов не прерывались здесь и в средние века.

Описываемый нами древний памятник, как уже упоминалось, ранее находился не здесь. Эпиграфическая экспедиция осмотрела его прежнее место на терраске правого склона Джалан-Кола. Оттуда обозревается большинство хребтов и балок верховий Джалан-Кола. Речка эта течет к Кубани с северо-востока на юго-запад. С правой стороны спускается к нему множество балок. Статуя обнаружена на терраске наклонного хребта между третьим и четвертым от упоминавшегося Оба-Сырты балками. Она лежала головой на запад, лицом вниз. Край статуи был обнаженным, так как в этом месте склон был более крутым и земля сползала. Местные животноводы (рабочие совхоза), как было упомянуто выше, вскрыли статую, поволокли по склону вверх и установили на возвышенном месте.

Пьедестал памятника представлял собой большие обработанные камни, имеющие пазы, сделанные по размерам сечения основания статуи (см. Отчет, табл. III, 1-3). Эти основные камни пьедестала были закреплены множеством битого камня и землей. Основание памятника было всажено в специальное гнездо между прикрепленными друг к другу камнями. Таким образом, статуя высотой в 4,40 м вся стояла на поверхности земли, тогда как теперь, как уже отмечалось, 2 м высоты — в земле. Судя по расположению основных камней пьедестала (по длинной оси СЮ), памятник стоял лицом на юго-восток, к Эльбусу. В том же направлении, в метрах 500 от описанного памятника, стоял менгир высотой также 4,40 м и шириной основания 0,52 м. Местные животноводы (рабочие совхоза) перевезли и этот памятник несколько лет тому назад к кошу, расположенному в двух километрах севернее. (см. Отчет, табл. IV).

В 500 метрах севернее менгира, на склоне, — могильник и две крестообразные стелы, одну из которых мы показали в упомянутом отчете (см. Отчет, табл. V). Кроме того, рядом с менгиром — камни с петроглифами.

Первый камень с петроглифами. В метрах 50 ниже упомянутого менгира, на краю ровной поляны, лежит над балкой камень длиной (по оси СВ-ЮЗ) в 4,70 м, шириной, в среднем, в 0,80 м. На узком (юго-восточном) краю камня — чашечное углубление диаметром в 0,07 м и глубиной 0,03 м (см. Отчет, табл. IX). От него начинается зигзагообразная канавка и тянется к юго-востоку, петляя, 0,47 м. Ширина линии — 0,01 м, глубина — 0,005 м. О том, что данный памятник имел ритуальное значение, свидетельствует множество подобного рода петроглифов, описываемых ниже.

Второй камень с петроглифами. В 1,10 м восточнее предыдущего памятника — камень длиной (по оси ЮС) 3,6 м, шириной 1,1 м. На нем имеются различные изображения (см. табл. II. в Отчете — табл. X, 1-4).

1. В высшей точке поверхности камня (в южной части) — чашечное углубление диаметром в 0,08 м и глубиной в 0,03 м. К востоку от него отходит прямая канавка длиной в 0,10 м. Ее конец пересекает прямая, направленная к южному краю камня. На расстоянии 0,30 м эта канавка раздваивается. Одна ветка идет к од-

ному углу южного торца камня, другая — к другому углу того же торца.

2. В 0,28 м юго-восточнее упомянутого чашечного углубления — другое такое же. От него к югу, вдоль камня, проходит зигзагообразная канава длиной в 1 м, шириной, в среднем в 0,05 м.

3. В 0,16 м севернее второго чашечного углубления, отмеченного выше, в пункте № 2, — четырехугольная впадина длиной в 0,24 м, шириной в 0,20 м. От западного угла его северного торца отходят зигзагообразные канавки таких же сечений, что и предыдущие.

4. От чашечного углубления, начинающего изображение №1 (см. выше), отходит к северу зигзагообразная канава длиной в 1 м, толщиной в 0,03 м, глубиной в 0,01 м.

В километрах двух восточнее описанных выше памятников, или через три балки вверх по правой стороне ущелья Джалан-Кол, встретилаь большая группа петроглифов, похожих на предыдущие. Однако удобный путь к этим памятникам не по прямой, а по упоминавшемуся выше хребту Оба-Сырты. Оставив ферму справа, нужно проехать по дороге километров пять до поймы Джалан-Кола, и встретится на фоне Эльбруса, на хребте, круг из множества плоских камней (см. Отчет, табл. XI, 1-7). В метрах 100 восточнее этих камней, в низине, — летний кош (см. Отчет, табл. XI, 3), в одном километре к юго-западу, над правым склоном Джалан-Кола, — также летний кош. Интересующий нас камень с петроглифами находится у этого коша (см. ниже).

Третий камень с петроглифами находится около коша, над крутым правым склоном ущелья Джалан-Кол, у слияния двух глубоких балок, окаймляющих хребет Борсуклу. Длина камня — 7 м, ширина такая же, высота — 1,5. От этого камня хорошо обозреваются все истоки и притоки речки Джалан-Кол, и все они распознаются в изображениях на поверхности камня. Длина рисунка — 3,25, ширина (в самой широкой части) — 1,45 м. (см. табл. III, в Отчете — табл. XII). Балки отмечены такими же зигзагообразными канавками, как и в описанных выше памятниках. Многие участки балок помечены чашечными (полушарообразными) углублениями.

По мнению местных животноводов — Казиева Шурумбия Сюлеменовича, рождения 1927 г., живущего здесь

на кошу два десятка летних сезонов, и Бесленеева Ха-мида Исмаиловича, рождения 1930 г., табунщика совхоза «Верхнекубанский», карта точно отражает местность и чашечные углубления на най обозначают стойла животных. Описываемый памятник определяет назначение рассматриваемых здесь подобного рода петроглифов.

Четвертый камень с петроглифами. В метрах 500 северо-восточнее предыдущего памятника — камень неправильной формы с изображениями (см. табл. IV; в Отчете — табл. XIII, 1-3). Открыт из-под дерна. Длина камня — 3,55 м, ширина — 1,50 м. На юго-западной части своей поверхности имеет изображения, основные из которых напоминают предыдущий рисунок.

1. От чашечного углубления начинается и проходит 1,5 м с севера на юг зигзагообразная канавка шириной в 0,03 м, глубиной в 0,01 м.

2. С восточной стороны описанной фигуры смотрит на нас розетка с семью лепестками, восьмой (нижний) лепесток как бы заслонен описанной зигзагообразной канавкой. Похоже на то, что солнце восходит за рекой (ущельем). Длина рисунка — 0,35 м, ширина — 0,25 м. Длина лепестка — 0,85 м, глубина — 0,03 м, средняя глубина линии — 0,02 м.

3. На западной стороне «ущелья» (зигзагообразной канавки, описанной в пункте №1), на 1 м юго-западнее предыдущего рисунка, — тот же символ солнца (розетка). Его часть (нижний лепесток) как бы уже скрыта за горизонтом.

Длина рисунка — 0,22 м, ширина — 0,12 м. Изображены на рисунке 5 лепестков. Диаметр центрального чашечного углубления — 0,04 м, глубина — 0,015 м. Длина лепестка, в среднем, — 0,03 м, ширина — 0,02 м, глубина — 0,015 м.

Изображения восхода и захода солнца отражают здесь короткое время светового дня, так как символ заходящего солнца смещен на 35° вправо.

Пятый камень с петроглифами. В 25 м северо-западнее предыдущего памятника открыт из-под дерна камень неправильной формы длиной в 1 м, шириной в 0,90 м (см. табл. V, в Отчете — табл. XIV, 1-2). На камне — сложная геометрическая фигура, в основе которой —

параллелограмм. Узловые точки отмечены чашечными углублениями. Длина рисунка — 0,90 м, высота — 0,70 м, средняя ширина канавки — 0,02 м, глубина канавки — 0,01 м.

Шестой камень с петроглифами. В 500 м к северу от предыдущего памятника — камень длиной, по оси З-В, в 2,90 м, шириной в 2,90 м, имеет такие же зигзагообразные канавки с чашечными углублениями. Всего 6 петляющих линий (см. табл. VI; в Отчете — табл. XV, 1-2). Ширина рисунка с северной стороны — 0,60 м, с западной — 1,30 м, длина — 1 м. Ширина канавки — 0,05, глубина — 0,01 м.

Седьмой камень с петроглифами — на 2,45 м севернее предыдущего памятника (см. табл. VII; в Отчете — табл. XVI, 1-2). Длина, по оси СВ-ЮЗ, — 3,5 м, ширина, по центру, — 2,40 м. С северо-запада на юго-восток проходит по центру камня знакомая по описанным выше памятникам зигзагообразная канавка длиной в 1,9 м. От начала этой линии на юг проходит такая же канавка длиной в 1,60 м. Средняя ширина канавки — 0,05 м, глубина — 0,01 м. Камень, как и предыдущие памятники, имеет чашечные углубления.

Восьмой камень с петроглифами — 2,5 м северо-восточнее предыдущего. Имеет форму трапеции. Боковые стороны по 2,40 м, длинная сторона — 2,85 м, противоположная параллельная — 2,60 м. Высота от поверхности земли, с западной стороны, — 0,50 м, с восточной — 0,30 м. На камне изображены следующие фигуры (см. табл. VIII; в Отчете — табл. XVII, 1-2).

1. Круг с большим чашечным углублением в центре и с пятью мелкими чашечными углублениями вокруг последнего. От этой фигуры отходит зигзагообразная канавка.

2. Два круга с центральными чашечными углублениями, соединенные между собой прямой канавкой. От одного из этих кругов отходит зигзагообразная линия.

3. Отдельно вырезанный круг с чашечными углублениями в центре.

4. Четыре зигзагообразных канавки.

5. Отдельные чашечные углубления.

Девятый камень с петроглифами — в 3,2 м западнее предыдущего. Длина — 1,5 м, ширина такая же (табл. IX;

в Отчете — табл. XVIII, 1—2). Имеет выпуклую поверхность. На поверхности — двойной круг, внутри которого — углубление естественного образования. Диаметр внешнего круга — 0,70 м.

Десятый камень с петроглифами — в 8 м северо-восточнее предыдущего. Длина — 2,10 м, ширина в одном месте — 2,10 м, в другом — 0,80 м (см. табл. X; в Отчете — табл. XIX). Имеет зигзагообразную канавку длиной в 0,75 м, шириной в 0,05, глубиной в 0,01 м.

Одиннадцатый камень с петроглифами — в 0,35 м западнее предыдущего. Неправильной формы. Длина (по восточной стороне) — 2,80 м, ширина (по северной стороне) — 2,70 м (табл. XI; в Отчете — табл. XX). На северном краю поверхности имеет две зигзагообразные линии и чашечные углубления.

Двенадцатый камень с петроглифами — в 5,10 м к востоку от десятого памятника. Длина — 4,60 м, ширина — 1,30 м. На поверхности имеет различные изображения (см. табл. XII; в Отчете — табл. XXI, 1-6).

1. Круг с плохо сохранившейся розеткой внутри. Диаметр круга — 0,20 м по оси С-Ю и 0,15 по оси В-З.

2. Круг с розеткой внутри. Рисунок плохо сохранился. Диаметр круга — 0,31 м.

3. Круг с углублениями (розеткой?) внутри. Диаметр круга — 0,17, вписывается в другой круг диаметром в 0,30 м.

4. Правая часть розетки вместе с центральным чашечным углублением.

5. Лесенка с четырьмя ступеньками отделяется от последующей фигуры (лесенки) вертикальной линией.

6. Лесенка с четырнадцатью ступеньками. Вверху — выдолбленная плоскодонная фигура. Все это отделяется от последующей фигуры (лесенки) вертикальной линией.

7. Лесенка узкая с шестнадцатью ступеньками. Вверху выдолбленная плоскодонная фигура такая же, какую мы видели в предыдущем рисунке. Все это напоминает груди и туловище сидящей женщины, изображения ног — рисунок на следующем камне, когда-то составлявшем одно целое с первым.

8. Спиралеобразная фигура (с пятью витками) вплотную примыкает к предыдущему рисунку. Высота фигуры — 0,55 м, ширина такая же. Ширина линии — 0,03 м, глубина — 0,015 м.

9. На 0,10 м ниже спирали — левая нижняя четверть розетки.

10. На 0,6 м правее (севернее) — нижняя левая четверть розетки.

11. На 0,10 м правее (севернее) описанной спиралеобразной фигуры (№ 8) — другая почти такая же спиралеобразная фигура; конец спирали уходит вниз, образуя крутые зигзаги. Высота рисунка — 0,80 м, ширина — 0,60 м. Толщина линии — 0,40 м, глубина линии — 0,01 м.

12. Справа от только что описанной фигуры — розетка с центральным чашечным углублением и с пятью лепестками. Длина каждого лепестка — 0,10 м, ширина — 0,05 м, глубина — 0,02 м. Общая высота рисунка — 0,33 м, ширина такая же. Глубина центрального чашечного углубления — 0,03 м, диаметр его — 0,06 м;

13. Знак «угол» и горизонтальная линия под ним. Высота рисунка в целом — 0,25 м, ширина — 0,19 м.

14. На 0,20 м ниже предыдущего рисунка — чашечное углубление диаметром в 0,05 м, глубиной в 0,01 м.

15. На северо-западном краю камня — розетка с центральным чашечным углублением и с двумя сохранившимися лепестками. Высота рисунка — 0,15 м, ширина — 0,10 м.

Тринадцатый камень с петроглифами (продолжение только что описанного памятника) (см. табл. XII, нижнюю часть; в Отчете — табл. XXI, нижнюю часть, а также табл. XXII) — обломок от предыдущего камня лежит в 0,20 м восточнее. Плита треснула вдоль, а со временем обломки отошли друг от друга, образовалась щель шириной в 0,20 м. Описываемый обломок имеет почти треугольную форму. На камне — следующие изображения:

1. По юго-западному краю камня — лесенка с 11 ступеньками. Ширина рисунка, в среднем, — 0,12 м, высота — 0,65 м. Это продолжение рисунков № 6 и № 7 предыдущего камня.

2. По левой стороне только что описанного рисунка проходит зигзагообразная канавка длиной в 1,20 м, шириной в 0,05 м, глубиной в 0,03 м.

3. Правее этой канавки — другая такая же длиной в 0,40 м, она внизу сливается с первой.

4. Сразу за рисунком «лесенкой» (№ 1) — другая лесенка с семнадцатью ступеньками. Высота ее — 1 м,

ширина — 0,65 м. Нижнюю часть лесенки, на расстоянии 0,45 м от верха, пересекает канавка, идущая с северо-запада по наклонной линии. Все линии рисунка однообразны. Ширина канавки — 0,04 м, глубина — 0,15 м.

5. Справа от описанного рисунка касающиеся друг друга специальные углубления с плоскими донцами. Общая длина этих изображений — 0,35 м, диаметр первого — 0,18 м, диаметр второго такой же. От левого углубления отходит вниз, к шестой ступеньке лесенки канавка. Длина — 0,08 м. От правого углубления также отходит вниз канавка. Ее длина — 0,37 м. С этой канавкой в ее верхней части соединяются слева 3 коротких, справа 2 длинных канавки.

6. В 0,7 м правее только что описанного рисунка — чашечное углубление. От него отходит вниз прямая канавка длиной в 0,32 м, шириной в 0,04 м, глубиной в 0,02 м.

7. Правее только что описанного рисунка — розетка с центральным чашечным углублением и с пятью лепестками вкруг него. Высота рисунка — 0,33 м, ширина — 0,35 м.

Четырнадцатый камень с петроглифами — в 0,50 м юго-западнее предыдущего памятника. Камень неправильной формы, близкой к треугольнику. Длина — 3 м, ширина максимальная — 2,5 м. Памятник имеет наклон к востоку. Восточная часть идет на резкое снижение. На западной части поверхности камня — различные изображения (табл. XIII; в Отчете — табл. XXIII, 1—2):

1. Зигзагообразная канавка длиной в 0,30 м, шириной в 0,05 м, глубиной в 0,01 м.

2. В 0,10 м правее (севернее) предыдущей фигуры — розетка с восемью лепестками и с центральным чашечным углублением. Высота рисунка — 0,25 м, ширина такая же. Диаметр центрального чашечного углубления — 0,05 м, ширина лепестка — 0,05 м, глубина — 0,01 м.

3. Сразу под только что описанной розеткой — другая такая же, но с шестью лепестками таких же размеров. Высота рисунка — 0,20 м, ширина такая же. Диаметр центрального чашечного углубления — 0,05 м.

4. На 0,25 м ниже только что описанного рисунка — специально вырезанная ступенька длиной в 0,60 м, высотой прореза — 0,25 м.

5. На 0,5 м правее (севернее) предыдущей фигуры и на 0,10 м ниже фигуры № 3 — чашечное углубление диаметром в 0,05 м и глубиной в 0,015 м. От него проходит вниз канавка длиной в 0,37 м, шириной в 0,015 м, глубиной в 0,05 м;

6. На 0,20 м правее (севернее) предыдущего рисунка — канавка, расположенная в виде продолговатой спирали. Длина рисунка в целом 0,55 м, ширина канавки — 0,02 м, глубина ее — 0,01 м;

7. На 0,75 м правее (севернее) первой розетки (см. № 2) — фигура, похожая на предыдущую. Длина рисунка — 0,46 м, максимальная ширина — 0,25 м;

8. На 0,05 м ниже только что описанной фигуры — сильно плетущаяся канавка. Высота рисунка — 0,63 м, максимальная ширина — 0,65 м. Плетущаяся канавка имеет чашечные углубления диаметром в 0,07 м, глубиной в 0,03 м. Ширина канавки — 0,03 м, глубина — 0,01 м.

Пятнадцатый камень с петроглифами — в 0,03 м южнее предыдущего памятника. Длина — 2,3 м, ширина узкого торца — 1,6 м. На поверхности камня, имеющего наклон к востоку, сохранились различные изображения (табл. XIV; в Отчете — табл. XXIV, 1—2):

1. В юго-западном углу — круг с чашечным углублением в центре.

2. Под только что упомянутой фигурой — зигзагообразная канавка длиной в 0,80 м, шириной в 0,02 м, глубиной в 0,01 м.

3. На 0,20 м ниже предыдущего рисунка и на 0,45 м правее (севернее) южного края камня — розетка с чашечным углублением в центре. Сохранились лишь четыре лепестка розетки. Длина каждого верхнего лепестка — 0,05 м, ширина — 0,04 м. Длина единственного нижнего лепестка — 0,08 м. Диаметр центрального чашечного углубления — 0,07 м.

4. На 0,4 м ниже только что описанной фигуры — следы выветрившейся розетки с центральным чашечным углублением.

5. Правее (севернее) предыдущей фигуры проходит по центру камня сверху вниз зигзагообразная канавка. Слева к ней присоединяется другая такая же, как приток к основной реке. При рисунке имеются чашечные углубления. Ширина канавки — 0,05 м, глубина — 0,02 м.

6. На 0,45 м северней верха предыдущей фигуры — круг диаметром в 0,15 м.

7. На 1,8 м вниз от предыдущей фигуры — следы выветрившегося такого же рисунка.

Шестнадцатый камень с петроглифами — в 1,25 м восточнее предыдущего памятника. Камень трапециевидной формы. Северная боковая сторона — 4,5 м, южная такая же, нижняя (восточная) сторона — 5 м, верхняя (западная) сторона — 2 м. Камень на склоне. На его поверхности — различные изображения (табл. XV; в Отчете — табл. XXV, 1—2):

1. От верхнего левого угла проходит вниз по краю камня зигзагообразная канавка длиной в 2,7 м, шириной в 0,08 м, глубиной в 0,015 м;

2. От верха только что описанной фигуры отходят вниз три зигзагообразных канавки, которые внизу сливаются. Длина рисунка — 1 м, ширина максимальная — 0,65 м;

3. От верха того же рисунка № 1 отходит вниз зигзагообразная канавка длиной в 1 м, шириной в 0,06 м, глубиной в 0,015 м. Канавка внизу присоединяется к лесенке;

4. На 0,70 м ниже верха только что описанной канавки отходит от последней вправо зигзагообразная линия. Длина этого ответвления — 0,30 м, ширина, в среднем, — 0,07 м. Это ответвление в средней своей части круто поворачивается вниз, образуя полукруг;

5. Под только что описанной и предшествующей фигурами — двенадцатиступенчатая лесенка высотой в 0,50 м, шириной в 0,35 м. Ширина ступеньки — 0,04 м;

6. От верха зигзагообразной канавки № 3 отходит широкая канавка, в которой — круг с центральным чашечным углублением, на котором изображены два лепестка;

7. На 0,06 м правее (севернее) только что описанной фигуры проходит вниз от верха камня зигзагообразная канавка длиной в 1,5 м, шириной в 0,05 м, глубиной в 0,015 м;

8. В 0,10 м правее предыдущей фигуры, на 0,25 м ниже верха камня, — чашечное углубление диаметром в 0,08 м, глубиной в 0,02 м. От него отходит вниз зигзагообразная канавка длиной в 1,65 м, шириной в 0,02 м, глубиной в 0,01 м.

Семнадцатый камень с петроглифами — в 1,10 м восточнее одиннадцатого памятника. Длина — 4,40 м, максимальная ширина — 2,60 м. На поверхности камня — следующие изображения (табл. XVI; в Отчете — табл. XXVI):

1. На 1 м к северу от южного (верхнего) края петлеобразное изображение. Длина рисунка по горизонтальной оси — 0,47 м, ширина — 0,30 м;

2. В 0,05 м правее (севернее) предыдущего рисунка — кругообразная канавка. Длина рисунка — 0,34 м, ширина — 0,20 м. Ширина канавки — 0,02 м, глубина ее — 0,01 м.

3. В 0,45 м северо-восточнее предыдущего рисунка — зигзагообразная канавка, она пересекает почти всю ширину камня. Длина канавки — 2,15 м, ширина — 0,05, глубина — 0,01 м;

4. На 0,20 м выше верхнего края предыдущего изображения начинается и проходит к северу 2,09 м по верхнему краю камня прямая канавка. Она на северном углу поверхности камня поворачивается на восток и пересекает почти всю ширину камня;

5. На 0,04 м выше этой линии проходит параллельно такая же;

6. Начала указанных линий (№4 и №5) обвивает зигзагообразная канавка длиной в 0,45 м;

7. В 0,3 м правее (севернее) верхней точки фигуры №3 — круто петляющаяся канавка.

Восемнадцатый камень с петроглифами — в 1,8 м к востоку от предыдущего памятника. Длина — 1,8 м, ширина — 0,95 м. На поверхности камня следующие изображения (табл. XVII; в Отчете — табл. XXVII, 1-2);

1. На расстоянии в 0,40 м от южного торца начинается канавка и тянется к северу 0,15 м. Ширина — 0,03 м, глубина — 0,01 м;

2. На 0,05 м ниже — такая же канавка;

3. В 0,05 м ниже предыдущей фигуры чашечное углубление начинает зигзагообразную канавку, тянущуюся к нижнему левому углу камня. Длина канавки — 0,60 м, ширина — 0,03 м, глубина — 0,01 м;

4. Чашечное углубление диаметром в 0,10 м и глубиной в 0,03 м начинает зигзагообразную линию, конец которой образует четырехвитковую спираль. Длина ка-

навки до спирали — 0,60 м, диаметр спирали — 0,35 м. Ширина линии — 0,02 м, глубина — 0,01 м;

5. На 0,07 м ниже спирали начинается и идет вниз по наклонной зигзагообразная канавка. Ее длина — 0,60 м, ширина — 0,03 м, глубина — 0,01 м.

Девятнадцатый камень с петроглифами — в 3 м юго-восточнее предыдущего. Длина камня — 3,20 м, ширина по большому торцу — 0,55 м. На поверхности камня — следующие изображения (см. табл. XVIII; в Отчете — табл. XXVIII, 1-2):

1. Зигзагообразная канавка, переходящая в пятивитковую спираль. Длина рисунка в целом — 0,60 м, ширина его — 0,40 м.

2. На юго-восточной части поверхности камня — в круге шестилепестковая розетка с центральным чашечным углублением. От одной точки круга отходит к юго-восточному углу камня две зигзагообразные канавки.

3. Восточнее круга — чашечное углубление.

Двадцатый камень с петроглифами — бесформенная каменная глыба в 50 м к югу от предыдущего памятника. Максимальная длина — 3,10 м, максимальная ширина — 2,10 м. На юго-западном склоне глыбы — следующие изображения (см. табл. XIX; в Отчете — табл. XXIX, 1-2):

1. От чашечного углубления диаметром в 0,06 м проходит вниз зигзагообразная канавка длиной в 0,80 м. Нижний ее конец ограничивается четырехугольной выемкой (впадиной) размером в 0,25×0,30 м;

2. В 0,50 м севернее упоминавшегося чашечного углубления начинается зигзагообразная канавка и проходит на юго-запад 0,90 м. Ее ширина — 0,06 м, глубина — 0,02 м.

Двадцать первый камень с петроглифами — в 0,20 м восточнее семнадцатого камня с петроглифами, имеет наклон к востоку. Нижней (восточной) стороной уходит в землю. Камень был под дерном, вскрыт нами. Длина вскрытой части — 1,80 м, ширина — 0,70 м. На верхней части поверхности — следующие изображения (см. табл. XX; в Отчете — табл. XXX, 1-3):

1. От чашечного углубления проходит на юг зигзагообразная канавка длиной в 0,75 м, шириной в 0,03 м, глубиной в 0,01 м;

2. На 0,07 м восточнее — двенадцатиступенчатая ле-

сенка, похожая на сидящего человека. От выветрившегося плоского изображения головы сохранились слабые следы. В таблице они не показаны. Высота рисунка — 0,85 м, ширина максимальная (т.е. длина «бедра», выделяющегося в сидячем положении) — 0,30 м, ширина минимальная (ширина «туловища») — 0,14 м. Длина «ступни» — 0,20 м.

Двадцать второй камень с петроглифами. На 11-м километре от шлагбаума Бийчесына (со стороны Мары), в метрах 200 от дороги на небольшом склоне, лежит камень с петроглифами. В основном одна и та же фигура (круг с пересеченным по центру прямым) повторяется много раз (см. табл. XXI; в Отчете — табл. XXXI, 1-2).

Двадцать третий камень с петроглифами. В километрах 2 северо-западнее села Верхний Чегем, над левой стороной поймы р. Жылгы, на вершине горы высотой в 500 м от центра села, — камень неправильной формы длиной, максимальной, в 0,30 м. На поверхности камня переплелись зигзагообразные канавки такие же, какие описаны выше (см. табл. XXII; в Отчете — табл. XXXII) Длина рисунка в целом — 0,60 м, ширина — 0,45 м. Ширина канавки — 0,40 м, глубина — 0,02 м. Канавки имеют и чашечные углубления. Диаметр выемки — 0,07 м, глубина — 0,03 м.

Знаки на стене грота над Битикле. В 100 м западнее предыдущего памятника на самой верхней части отвесной стены — небольшой карниз. На 2 м ниже этого козырька — терраска шириной в 1 м. На стенке под карнизом — остатки выветрившихся рунических знаков. Их заметил и сообщил нам о них житель села В-Чегем молодой охотник Жантудуев Музафар Хасанович. Так как место находки над пропастью огромной высоты, пройти туда опасно. Однако члены нашей экспедиции учитель В-Чегемской начальной школы Газаев Исхак Махмудович и доцент Кабардино-Балкарского госуниверситета кандидат философских наук Шаваев Исмаил Харунович сумели добраться до эпитафического памятника и срисовать его (см. Отчет табл. XXXIII).

Надписи на камне в Битикле. У подножия только что упомянутой пропасти, в метрах 50 к северу от берега реки Жылгы, притока Чегема, имеется камень с руни-

ческими надписями (см. табл. XXIII; в Отчете — табл. XXXIV).

Петроглифы Камгут-Кешене. В километрах 2 от г. Тырнауза вверх по правому берегу Баксана — развалины средневекового карачаевского селения Эль-Джурт и основание башни Карча-Кала «Замок Карчи» (см. Отчет, табл. XXXV, 1-3). В метрах 300 южнее от этой башни или в метрах 50 южнее современной трассы — разрушенная усыпальница Камгут-Кешене (см. Отчет, табл. XXXVI, 1-2) «Мавзолей Камгута», по преданиям, прямого потомка средневекового предводителя карачаевцев — Карчи. Подобный мавзолей имеется в центре ныне действующего кладбища селения Карт-Джурт Карачаевского района, а в В-Чегеме — целый городок таких мавзолеев (см. Отчет, табл. XXXVII, 1-3). Все, что сказано нами здесь о селении Эль-Джурт, о сооружениях в нем и аналогиях в других районах, известно науке. Они упоминаются нами всего лишь как ориентиры петроглифов, сохранность которых нам пришлось проверить в 1985 году. Это изображения оленей и очертание руки на стенке Камгут-Кешене. В 1867 г. Нарышкины писали об этих петроглифах и объекте их нанесения следующее: «Внутри памятника на стене, в некоторых местах, я заметил изображения оленей, сделанные весьма неправильно, и, очевидно, в то время, когда известка не успела высохнуть. Снаружи, возле самого окна (большого), заметно также очертание руки. К этому памятнику относится следующее сообщенное мне туземцами предание:

«Здесь жил и в этом склепе был похоронен богатырь Камгут. Жилище его, или замок, следы которого заметны на противоположном берегу Баксана, господствует над окружающей местностью. Камгут принадлежал к фамилии Крымшамхаловых, потомки которых и теперь находятся в Карачае. В тогдaшнее же время Баксанское ущелье было населено карачаевцами, которые еще не были магометанами. Камгут славился одинаково красотой, удалством и необыкновенною силою. В честь его, а также и брата его Ханчау-Бия и невесты его Кошеях, сложены народом песни, которые до сих пор сохраняются. Он умер от оспы в молодые годы и был похоронен в том склепе, который я осматривал. Долгое время этот памятник служил предметом всеобщего уважения и никто не осмеливался дотрагиваться до него. Рассказывали, что

в минуты, опасные для жителей ущелья, Камгут являлся верхом в полном вооружении и тем наводил страх на врагов, а по миновании опасности неизвестно, куда исчезал»².

Экспедиция КЧНИИ обнаружила внутри мавзолея, на центральной части южной стены, изображение скачущего оленя: шея приподнята, голова вытянута вперед, острое большое ухо торчит вертикально вверх, спина ровная, длинная, передние ноги откинута вперед, их концы (копыта) отмечены треугольничками. Линия живота и изображение задней части исчезли вместе с отпавшей штукатуркой. Длина рисунка — 0,40 м (см. табл. XXIV; в Отчете — табл. XXXVIII, 1-3).

На той же стенке правее окна, в 0,70 м восточнее предыдущего рисунка, две параллельные наклонные линии с треугольничками в нижних концах. Они похожи на передние ноги описанного выше «оленя», и, думается, здесь мы имеем дело с остатками несохранившегося второго рисунка оленя (см. Отчет, табл. XXXVIII, 2—3).

* * *

Итак, описаны разведанные эпиграфической экспедицией КЧНИИ скульптурные, петроглифические и эпиграфические памятники Бийчесына и прилегающих к нему мест. Это древнее каменное изваяние и менгир, 23 камня с петроглифами, рунические надписи в Битикле, средневековые стрелы и т. д.

1. Среди этих находок особый интерес для науки представляют комплексы петроглифов Бийчесына, в основах которых — карты местностей с «поймами рек» в виде зигзагообразных канавок, то отдельных, то разных, сливающихся друг с другом, то разветвляющихся, то образующих петли, спирали.

В. И. Марковин в исследовании «Дольмены Западного Кавказа» показал, что «узор в виде зигзага» — основной элемент орнамента ряда дольменов. «Интерпретации зигзагообразного узора, — пишет В. И. Марковин, — посвящено много строк (В. М. Сысоев, Б. В. Лунин, Н. Е. Талицкий и др.) и лишь А. Ф. Лещенко сравнил декоративный бордюры из зубцов с погребальным балдахинном Майкопского кургана, а спускающиеся зигзаги на порталах Шапсугского (Адегойского) и Азербиевского дольменов — с гравюрой серебряного сосуда из Майкопа,

находя в их очертаниях схематический набросок местности с бассейнами рек Абина, Афиписа и Псекупса.

...Предположение А. Ф. Лещенко, что дольменный узор является «топографической картой» местности от Абина до Псекупса, конечно, не может быть принято. Слишком условен рисунок конкретных рек, слишком параллельны их извивы. К тому же и в дольмене № 2 в Азербиевке имеются такие «реки» в виде отрезков зигзагов, идущих вверх от зубчатого бордюра (рис. 81, 2,3). Здесь верно одно: зигзагами могли символически изображать воду. Таким графически лаконичным способом с древнейших времен по всему Востоку изображали влагу и даже змей, как «олицетворение подземного мира». Естественно, что зигзаги, украшающие дольмены и символизирующие воду, могли осмысливаться как своеобразные благопожелания возрождения душ мертвых. Вода, будучи неизменным подателем жизни, плодородия, являлась и всеочищающим средством. Пережитки подобного отношения к воде сохранились во многих религиях мира. «Зорастр, Моисей, Магомед предписывали омовение для внутреннего очищения души, а не только для достижения чистоты тела» (Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа.— М.: Наука, 1978, с. 215—216).

В отличие от зигзагообразных узоров, являющихся составной частью орнамента дольменов, бийчесынские комплексы петроглифов, как и рисунок упоминавшегося выше серебряного сосуда из Майкопского кургана, близки к схематическим картам местностей с бассейнами рек.

«Ниже края (майкопского — С. Б.) сосуда, на полосе шириной около 3 см изображена горная цепь с двумя возвышающимися на ней вершинами. На одном участке эта цепь гор разорвана и на этом месте сделаны рисунки двух деревьев, между которыми изображен стоящий на задних лапах медведь. От подножия гор идут две «волнистые» линии в виде змейки, соединяющиеся на дне сосуда и образующие там круг...»³. «Н. И. Веселовский полагал, — пишет Р. М. Мунчаев, — что эти волнистые полосы означают реки, берущие начало в горах и при слиянии образующие озеро или пруд... Широко известно мнение о том, что горная цепь, изображенная на описанном сосуде, представляет собой панораму центральной части Большого Кавказа, а возвышающиеся

над ней вершины — это не что иное как Эльбрус и Казбек. Волнистые же полосы, спускающиеся с гор, можно рассматривать как любую пару больших рек Северного Кавказа... Однако это мнение едва ли можно признать обоснованным. Пожалуй, с большим основанием можно полагать, что перед нами панорама гор Армении с берущими начало там Тигром и Евфратом»⁴. Это предположение Р. М. Мунчаева подтверждено результатами проведенного Николаевой А. А. и Сафроновым В. А. исследования хронологии и происхождения майкопского искусства. «Изображения на майкопских сосудах (особенно на I-м) — это воспоминание о той стране, из которой пришел народ — носитель майкопской культуры. Это, действительно, карта, но не Кавказа, как доказывал Б. В. Фармаковский, а Месопотамии, которую майкопские кочевые племена хорошо знали и исходили от верховья до устья Евфрата и Тигра.

В пользу этого предположения свидетельствует характерная излучина левой реки (если смотреть на сосуд), которая похожа на изгиб, который образует Евфрат. Водный резервуар, где соединяются две реки, — Персидский залив, куда впадают Тигр и Евфрат. Горный ландшафт на сосуде также знаком кочевникам сирийско-месопотамских степей и не может быть кавказским, а должен связываться с первыми горными цепями на север от Междуречья... Не удивительно, что одному из первых вождей, умерших на новой родине, положили такой сосуд — символическую связь со старой родиной»⁵. О ритуальном значении изображений рек Тигр и Евфрат на сосудах свидетельствуют следующие слова шумерского героического эпоса:

«Когда утро настало и солнце взошло,
К солнцу страны головы он не поднял.
Господин Тигр с Евфратом соединил,
Евфрат с Тигром соединил.
Большие каменные сосуды высоко поставил,
Маленькие каменные сосуды подобно ягнятам,
Щиплющим траву и зелень, около них поставил».

В примечании переводчика сказано, что «возможно, имеются в виду культовые изображения Тигра и Евфрата»⁶.

Бийчесынские карты-символы бассейнов рек имели, очевидно, то же самое значение для местного населения,

что и упомянутые изображения Тигра и Евфрата. Однако тождество этих значений не является датирующим элементом.

2. На Бийчесынских картах-символах бассейнов рек часто встречаются: а) круг, б) круг с чашечным углублением в центре, в) круг с крупным чашечным углублением в центре и пятью мелкими чашечными углублениями вокруг последнего, г) круг с розеткой внутри, д) два круга, соединенные друг с другом прямой канавкой и с чашечными углублениями в центрах. Последнее известно как древнейший символ колесницы, а первые — как древнейшие символы солнца. Однако и они не могут служить датирующим признаком, потому что встречаются в разных периодах древности.

3. На бийчесынских картах-символах бассейнов рек часто встречаются спиралеобразные фигуры с четырьмя, пятью витками. Они занимают значительное место в декоративном искусстве эпохи ранней бронзы Кавказа, в частности, в куро-аракской культуре⁷. Однако подобного рода фигуры характерны и для кобанской культуры, и для раннесредневековой болгарской культуры⁸.

4. На бийчесынских картах-символах бассейнов рек очень часто встречаются розетки с центральным чашечным углублением и разным количеством (от двух до восьми) лепестков. Они находят аналогии в искусстве ранней бронзы. Так, в майкопском кургане в числе разных золотых вещей обнаружено «десять двойных пятилепестковых розеток»⁹.

В приводимых Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым «композициях, составленных мотивами и персонажами, близкими к майкопским, в изобразительном искусстве Среднего Междуречья — Элама» часто встречаются розетки¹⁰. Бийчесынские, отличаясь от других, совпадают, по стилю исполнения, с розетками ритуальной вазы-подставки из Тель-Хуэйры¹¹. Однако и этого совпадения недостаточно для датирования бийчесынских карт эпохой ранней бронзы. Рассмотрим другие особенности.

5. На бийчесынских картах-символах бассейнов рек часто встречаются выбитые чашечные углубления, характерные для жертвенников. Огромное количество этих жертвенников на одном месте дает основание предположить, что мы имеем дело с таким культовым местом,

как святилище. Об этом свидетельствует и частое изображение божества (см. следующий пункт).

6. На бийчесынских картах-символах бассейнов рек встречаются стилизованные фигуры сидящих людей. Изображения эти составлены из сочетаний различных лесенок (одиннадцати-, двенадцати-, четырнадцати-, шестнадцати-, семнадцатиступенчатых). Этот стиль исполнения антропоморфных изображений божеств характерен для шумеро-эламского искусства, с которым связано майкопское (см. рис. 1-4. табл. XXV; в Отчете — рис. 1-4, табл. XXXIX), и в последующие эпохи как будто не встречается.

7. Совокупность особенностей петроглифов, показанная в пунктах 1-6, дает основание предположить, что бийчесынские карты-символы бассейнов рек — это памятники майкопской культуры, возобновлявшиеся в последующие периоды для продолжения культовых ритуалов.

¹ Байчоров С. Я. Разведки 1985 года на Бийчесыне (Отчет археолого-эпиграфической экспедиции КЧНИИ). Архив Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Табл. VI (далее в тексте — Отчет).

² Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 г. // Известия русского археологического общества, т. VIII, — СПб., 1877, с. 12—13.

³ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. — М.: Наука, 1975, с. 218.

⁴ Там же.

⁵ Николаева Н. А., Сафронов В. А. Хронология и происхождение Майкопского искусства // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982, с. 48.

⁶ Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарии и вводные статьи Каневой И. Т. // ВДИ, 1964, № 4, с. 212.

⁷ См. Мунчаев Р. М. Указ. раб., рис. 22, 25, 31.

⁸ См. Байчоров С. Я. Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубанско-Терского междуречья // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1983, табл. 5.

⁹ Мунчаев Р. М. Указ. раб., с. 213.

¹⁰ См. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Указ. раб., рис. 9, 1; 10.

¹¹ Там же, рис. 10.

¹² Редер Д. Г., Черкасова Е. А. История древнего мира. Ч. I. Первобытное общество и Древний Восток. Издание третье, исправленное и дополненное. — М.: Просвещение, 1985, с. 133.

¹³ Хинц В. Государство Элам. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977, рис. 22.

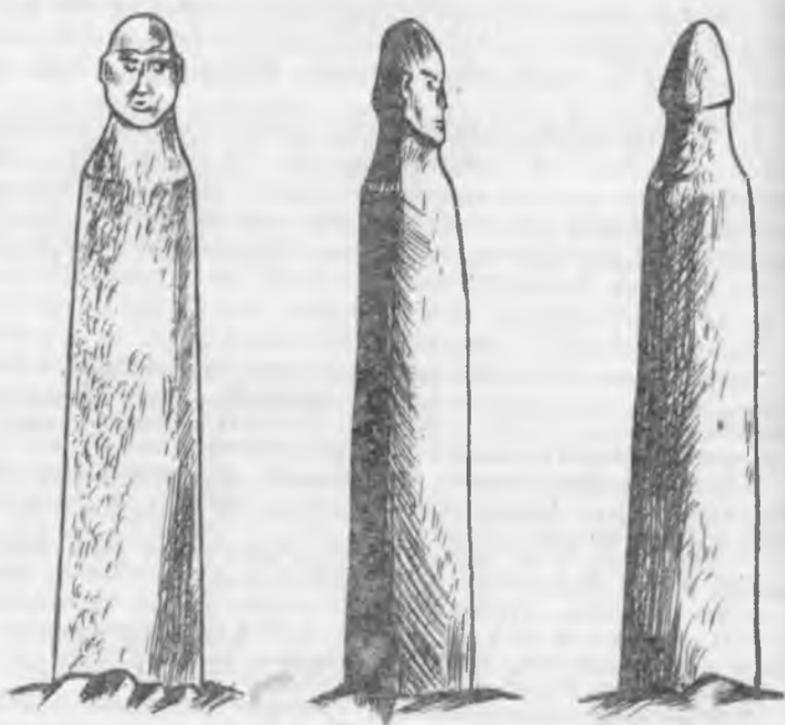

Табл. I. Каменное изваяние древнего владыки

Табл. II. Второй камень с петроглифами

Табл. III. Третий камень с петроглифами

Табл. IV. Четвертый камень с петроглифами

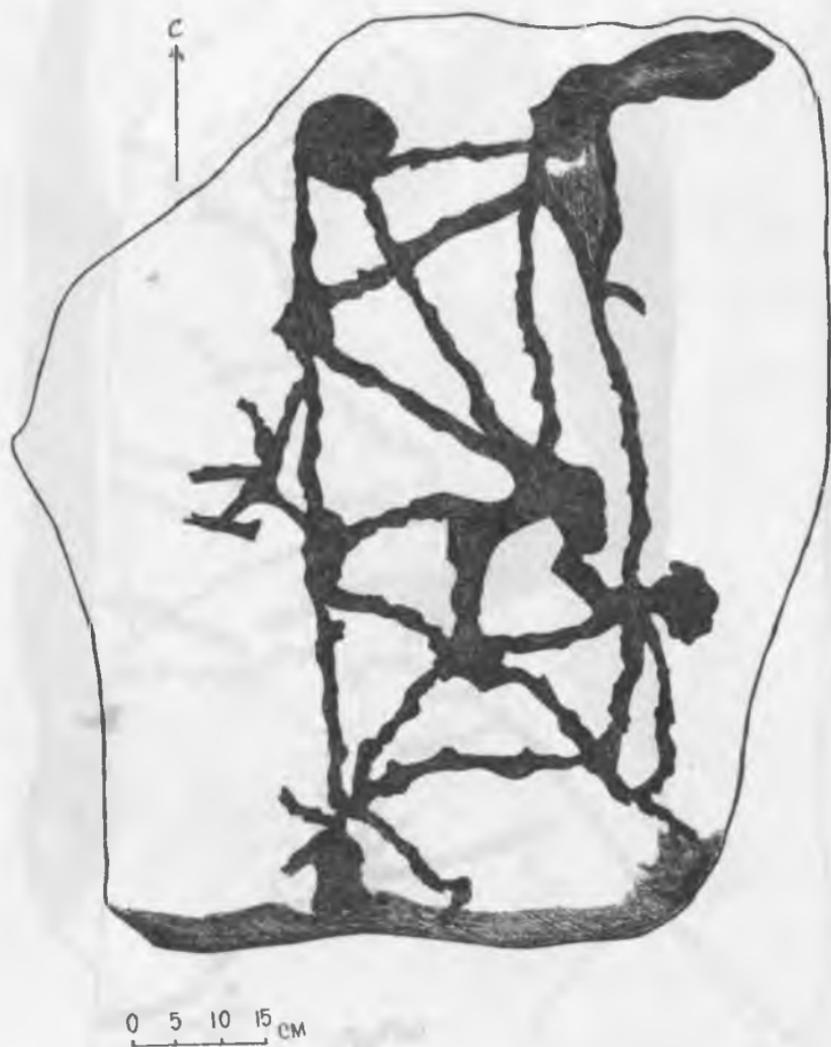

Табл. V. Пятый камень с петроглифами

Табл. VI. Шестой камень с петроглифами

Табл. VII. Седьмой камень с петроглифами

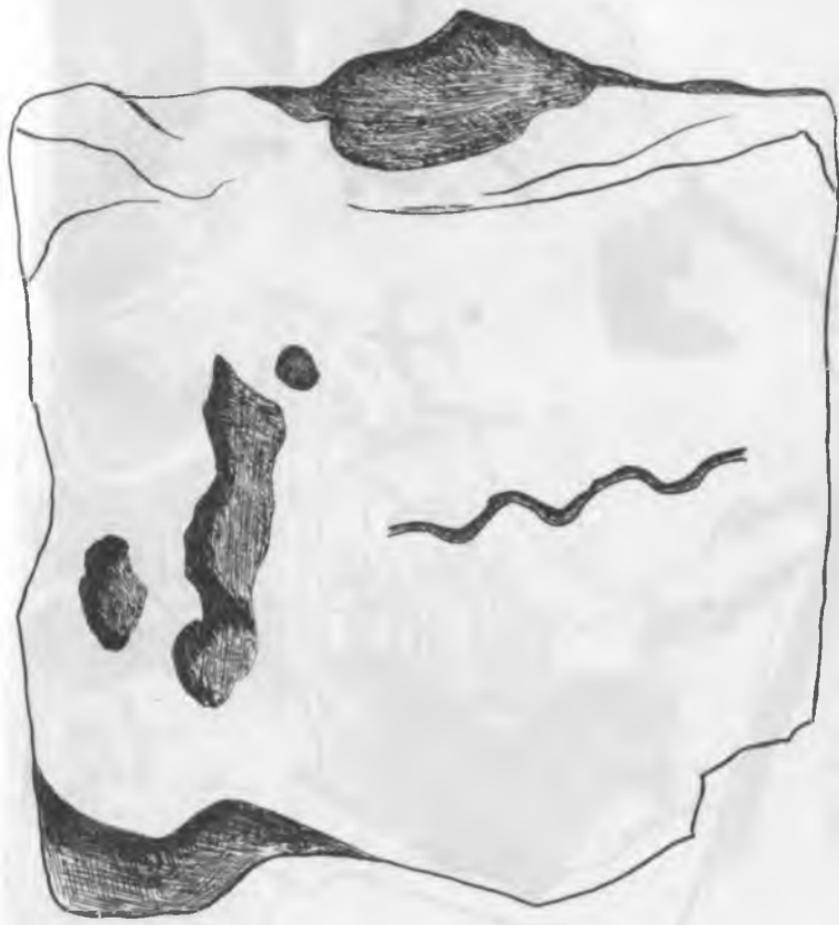
0 15 30 45 см

Табл. VIII. Восьмой камень с петроглифами

Табл. IX. Девятый камень с петроглифами

с

0 13 26 39 см

Табл. X. Десятый камень с петроглифами.

Табл. XI. Одиннадцатый камень с петроглифами

Табл. XII. Двенадцатый и тринадцатый камни с петроглифами

Табл. XIII. Четырнадцатый камень с петроглифами

Табл. XIV. Пятнадцатый камень с петроглифами

Табл. XV. Шестнадцатый камень с петроглифами

Табл. XVI. Семнадцатый камень с петроглифами

С
↑

0 10 20 30 см

Табл. XVII. Восемнадцатый камень с петроглифами

Табл. XVIII. Девятнадцатый камень с петроглифами

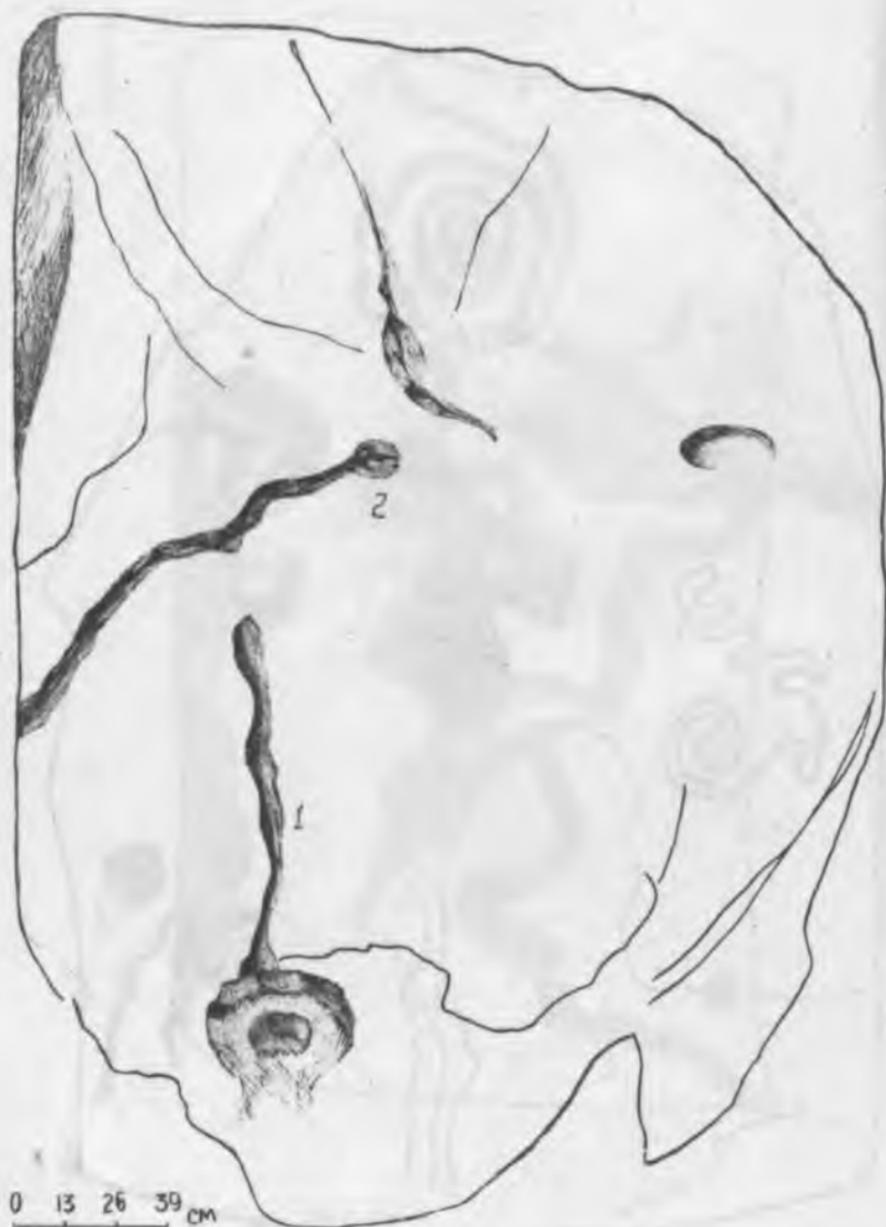

Табл. XIX. Двадцатый камень с петроглифами

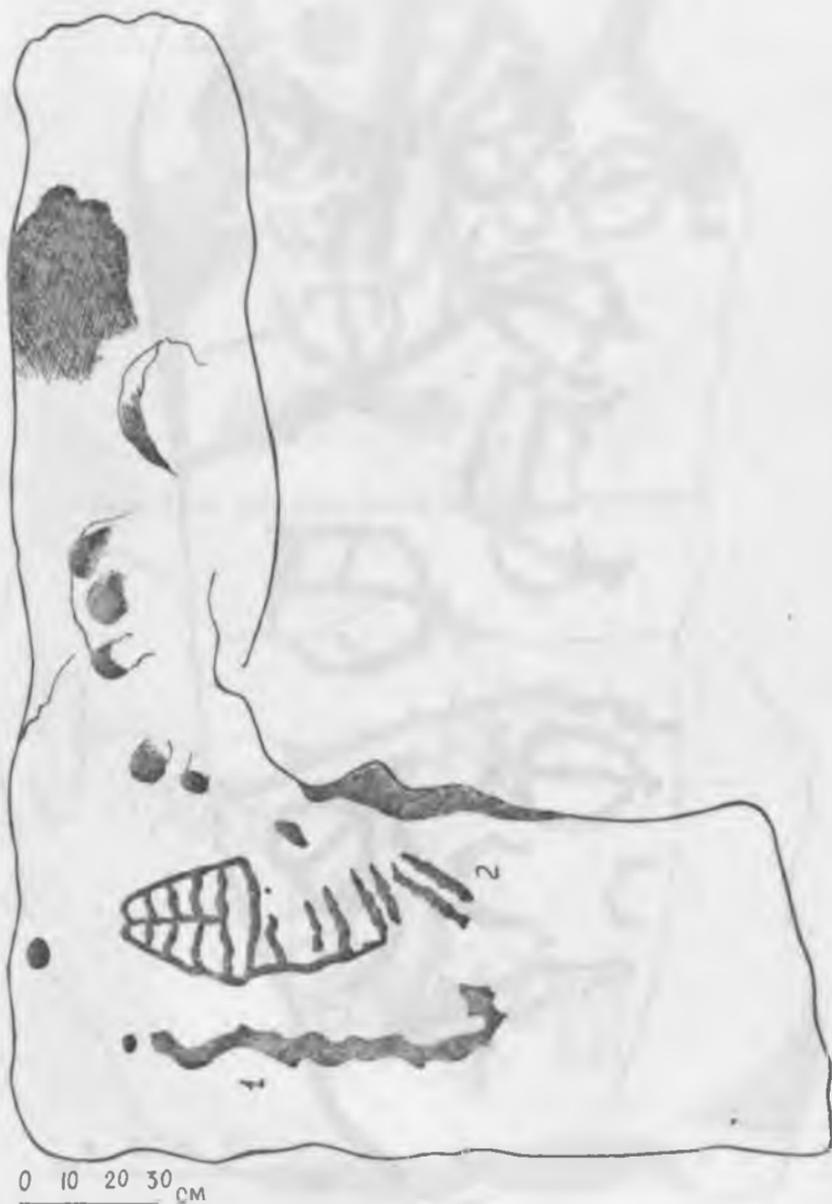

Табл. XX. Двадцать первый камень с петроглифами

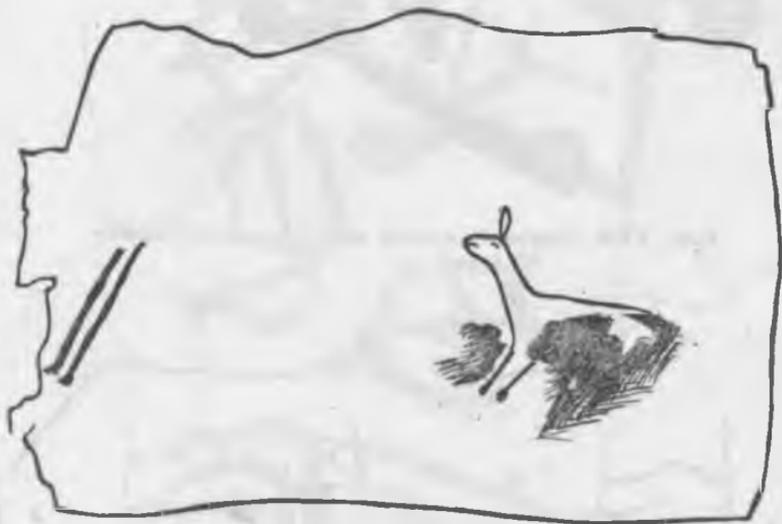
Табл. XXI. Двадцать второй камень с петроглифами

Табл. XXII. Двадцать третий камень с петроглифами

Табл. XXIII. Надписи на камне в Битикле

0 10 20 30 CM

Табл. XXIV. Петроглифы мавзолея «Камгут-Кешене»

Табл. XXV. Антропоморфные изображения для сопоставления стилей
 изображения: 1) бог Шамаш (из древневавилонского искусства ¹²);
 2) бог Солнца Нахунте (из эламского искусства ¹³); 3—4) из
 бийчесынских карт (символов местностей с водными артериями)
 (из табл. XII и XX).

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО «КРУГА» НА НИЖНЕ-АРХЫЗСКОМ ГОРОДИЩЕ

Нижне-Архызское городище является одним из крупнейших средневековых памятников Северного Кавказа. Оно расположено в 22 км к югу от станицы Зеленчукской на правом берегу реки Б. Зеленчук.

Памятник с первой четверти XIX века привлекает к себе внимание исследователей. Многие годы изучением памятника занимается В. А. Кузнецов. Результаты его раскопок нашли отражение в многочисленных статьях и монографических исследованиях.

С 1981 по 1985 гг. на городище вела раскопки экспедиция Карачаево-Черкесского областного музея краеведения под руководством автора. Важным результатом работы является исследование каменного сооружения в форме идеального круга, который расположен в 130-ти метрах к северо-западу от среднего Зеленчукского храма. Его диаметр составляет 88 метров. Он хорошо просматривается ранней весной или же осенью, когда нет травостоя, с вершины окружающих его гор. «Круг» находится под 1,3-метровым слоем земляного вала.

Настоящая публикация посвящена описанию и интерпретации этого сооружения.

Существовали разные мнения относительно назначения этого «круга». Например, в последнее время В. А. Кузнецов в форме «рабочей гипотезы» выдвигает предположение, что изученный нами «круг», возможно, был культовым сооружением².

Попыткой к решению этих гипотез и была направлена работа нашей экспедиции.

В первую очередь следовало найти центральную точку «круга», чтобы определить стороны света. И второе, что нам надо было зафиксировать — это восход солнца во время летнего солнцестояния, чтобы завизировать его точку восхода на горизонте относительно круга. И если наши предположения были точны, то на месте визирной точки, в момент восхода солнца должен быть квадрант — часть сектора с центральным углом в 90°.

В 1981 году мы заложили небольшие раскопы в северной, восточной и западной сторонах «круга» с целью поиска стен квадрантов. После расчистки дер-

нового слоя на глубине 0,06—0,1 м выявилась основная стена «круга», а при углублении зачистки на глубине 0,2 м нашлась и стена искомого квадранта. /рис. 1/.

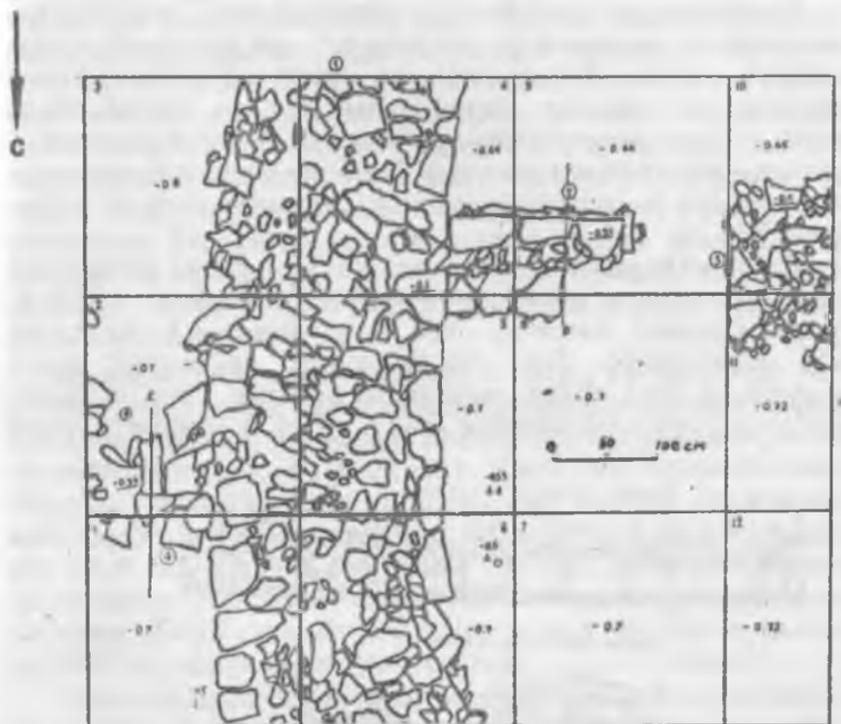

Рис. 1. Основная стена «круга» и часть квадранта

Последующие раскопки показали, что она шла к центру. Постепенно расчищая площадь раскопа № 1 от завальных камней, мы стали выявлять северную и западную точки «круга». Работа шла медленно из-за множества завальных камней — нельзя было ошибиться, чтобы не выбросить хотя бы один непотревоженный камень в отвал.

Время беспощадно разрушило «круг», а в наше время этому невольно способствовали и сотрудники астрофизической обсерватории АН СССР, которые, живя рядом, приспособили площадь «круга» для дачных огородов. Они-то и «убрали» многие древние строительные камни и сложили в безобидные каменные кучки. Справедливости ради надо сказать, что еще в XIX веке здесь бы-

ли огороды монахов Александро-Афонского Зеленчукского мужского монастыря, который был открыт в ноябре 1889 года царским синодом на базе древних храмов.

Последующие расчистки до материкового слоя показали следующую картину: техника кладки основной стены «круга» сухая, фундамента не имеет. Боковые стены сложены из больших песчаных блоков грубой обработки, а пространство между ними заполнено большими и мелкими камнями вперемешку. Ширина основной стены составляет 2,1 м, сохранившаяся высота доходила до 0,3 м. /рис. 2/

Стена квадранта в восточной части «круга» упиралась перпендикулярно к основной стене, ее ширина — 0,8 м, сохранившаяся высота — 0,4 м, длина — 1,8 м, далее она обрывалась. При последующих раскопках здесь в раскопе № 1 были выявлены остатки стен в высоту 0,2—0,3 м, примыкающие друг к другу, и которые в плане

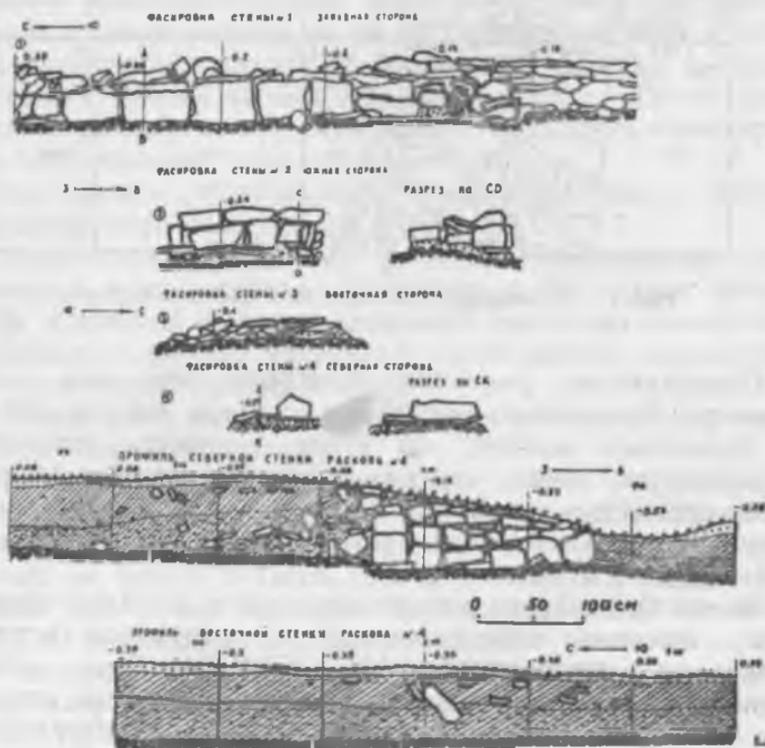

Рис. 2. Разрез и фасировка части основной стены круга

имели неправильные формы прямоугольника, квадрата. Характерно то, что ни одна из стен не была связана в переплет друг с другом, а просто упирались, некоторые же стены были сложены в один ряд из камней, которые были поставлены на ребро. В первом секторе была выявлена лунка, сложенная отдельно из песчаниковых камней. Она имела прямоугольную форму 1,5 м × 1 м, кладка была в высоту в один ряд камней. В секторе № 1 к двум параллельно идущим стенкам, которые выложены по линии С-Ю, во внутренней части обеих стен пристроены маленькие стенки из вертикально стоящих камней. Они похожи на «разрезанную» продольно букву П алфавита, условно называемые нами «кармашками». Предназначение их пока не ясно.

В исследованной нами части «круга» раскопа № 1 в 1981—1982 годах нам удалось не раз фиксировать точку восхода солнца во время летнего солнцестояния, тень от которой падала на квадрант. Здесь, на основной стене «круга», около квадранта, нами был найден обработанный камень в форме карандаша, длиной 0,7 м. Возможно, что этот «каменный карандаш» служил визирной точкой на «круге». Находка такого камня была не единичным случаем. Такой же второй камень был найден в раскопе № 2 на северной точке «круга».

Здесь же был обнаружен остаток квадранта на глубине 0,64 м, а на поверхности расчищенной стены был выявлен большой камень из юрского песчаника, на котором были начертаны рунические буквы со знаками счета. Ширина основной стены была такой же — 2,1 м, сохранившаяся высота — 0,58 м. Фундамента не было.

Следующий раскоп — № 3 — был заложен нами на западной части «круга». И здесь был найден остаток квадранта, идущий к центру, но в отличие от других, пол здесь был выложен большими каменными плитами. Угол стены квадранта и основной стены соединялся между собой дугообразной стенкой. Длина этой стены составляла 2,8 м, ширина — 0,2—0,3 м, сохранившаяся высота — 0,25 м. Надо подчеркнуть одну особенность в технике кладки основной стены — это выступающий цоколь на 0,06 м — 0,08 м по внешнему периметру «круга». Раскоп находками не баловал.

Встречалась красноглиняная керамика с сетчатым, волнистым, ногтевым орнаментом, а также чернолощен-

ная и сероглиняная керамика с вдавленными следами большого пальца по тулову сосуда.

В изобилии находились каменные «кругляши» из песчаника разного диаметра: 0,05 м—0,1 м /рис. 3—5/.

В последующие годы мы вели раскопки сплошными площадками с той целью, чтобы полностью вскрыть уникальный памятник. Сейчас раскопки ведутся на юго-восточной части «круга». Раскопана более 1/3 части площади. Предстоит кропотливое изучение этого памятника. Но уже сейчас, наличие квадрантов, «секторов» внутри «круга», камня со знаками счета и неоднократная фиксация восхода солнца на восточной точке «круга» говорят в пользу вероятного астрономического сооружения. Возможно, что здесь не только определяли смены времен года, но также лунные и солнечные затмения. Ведь были же древние Солнечные и Лунные календари в древней Англии, Шотландии, Бретани, у нас в СССР в Армении у холма Мецамер близ Еревана. Известно также, что древние могильники с астрономической ориентацией по странам света обнаружены П. И. Мариковским на территории Казахстана.

Более двадцати лет кропотливого труда понадобилось потратить английскому ученому Дж. Вуду, чтобы доказать существование в 5—6 тыс. до н. э. в древней Англии астрономической школы. Он изучил в Стоунхендже древний памятник, представляющий собой огромное круглое сооружение из вертикально поставленных каменных глыб и доказал, что еще в каменном веке древние люди имели понятие об астрономии.

И нам казалось, что такому большому аланскому городу, население которого по нашим подсчетам доходило до 3—3,5 тыс. жителей, необходимо было иметь свое «календарное время». Известно, что древние жители города (аланы) занимались отгонным скотоводством, земледелием, вели активную внешнюю политику с Абхазией, Византией, Хазарией, Русью. Существовали, например, древние торговые пути, идущие через перевал к Причерноморью и в далекие страны Азии.

Все перечисленные аспекты социально-экономической и политической жизни населения города, а тем более активная миссионерская политика Византии в отношении Алании вряд ли оставила следы влияния только лишь во внедрении христианства. Ведь Византия была далеко

Рис. 3. Керамика из раскопа № 7

Н-АРХЫЗСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС. РАСКОП №7 1985г.

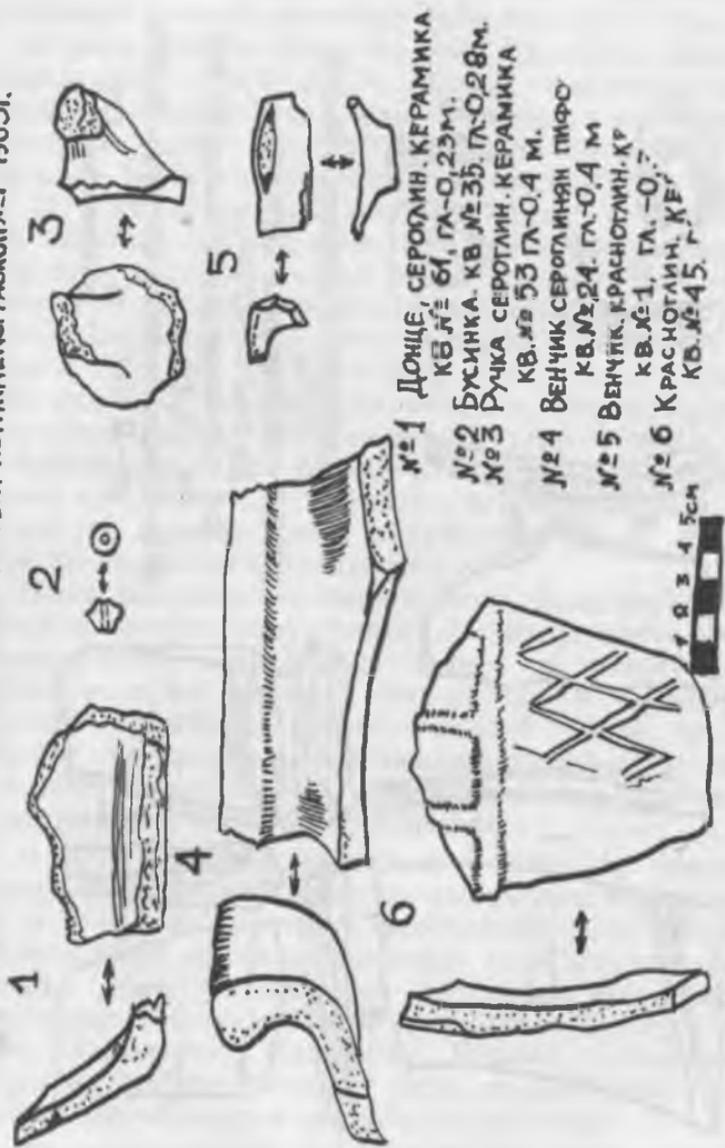

Рис. 4. Находки из раскопа № 7

Н. АРХЫЗСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС. РАСКОП №7 1985 Г.

Рис. 5. Керамика и каменные находки из раскола №7

не последней страной в области естественных наук, живописи, культуры не только в Мало-Азиатском архипелаге, но и во всей Европе. Нет сомнения, что жизнь на Нижне-Архызском городище в IX—XIII вв. н. э. была ключом. И нам кажется, что такой большой город не мог не иметь свой временной календарь, чтобы вовремя определить смену времен года: время выгона скота на субальпийские луга, время вспашки земли, время уборки урожая, проложить по звездам караванные пути в далекие страны Азии...

Вот утвердившееся мнение средневековых ученых-астрономов, о котором убедительно говорит Ибн-Юнус в предисловии к своим астрономическим таблицам: «Изучение небесных тел не чуждо религии. Одно это изучение позволяет узнать часы молитвы, время выхода зари, когда собирающийся поститься воздерживается от пищи и питья, конец вечерних сумерек, предел обеда и религиозных обязательств, время затмений, о которых нужно знать заранее, чтобы подготовиться к молитве, которую следует совершать в таких случаях. Это изучение необходимо, чтобы поворачиваться во время молитвы к Каабе, чтобы определить начало месяца, чтобы знать некоторые сомнительные дни времени посева, роста деревьев, сбора плодов, положение одного места по отношению к другому, чтобы находить направление, не сбиваясь с пути»³.

Памятник изучается, полностью еще не раскопан. Многие еще впереди, но одно несомненно, что он еще таит в себе ответы на многие волнующие нас вопросы.

¹ Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977; его же. Алания в X—XIII вв. н. э. Орджоникидзе: Ир, 1971; его же. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984.

² Он же. Нижне-Архызское городище X—XII вв.— раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований// Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986, с. 240.

³ Вуд Д. ж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СКАЛЬНЫХ МОГИЛЬНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Чрезвычайно сложна и интересна эпоха раннего средневековья на территории Карачаево-Черкесии, с глубиной древности населенной множеством племен различных по происхождению, языку и особенностям материальной культуры. Все эти древние кавказские племена оставили богатейшее археологическое наследие в виде массы древних могильников, созданных руками десятков поколений.

В последнее время известны уникальные могильные сооружения, скальные захоронения.

Наиболее крупный и типичный наскальный пещерный могильник был обследован в верховьях балки Шубшурук, разрезающей горы с восточной стороны Кубани, в 1961—62 гг. А. Л. Нечитайло.

В 1966 г. в верховьях р. Индыш проводила работы археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института под руководством И. М. Мизнева. В его сообщении об этих работах говорится, что в урочище Сынла находится раннесредневековое поселение, на отвесных скалах которого высечено 18 погребальных камер с горизонтальным дном и сводчатым потолком.

Плато Рим-гора известно городищем и катакомбными могильниками. Кроме катакомбных могильников обычного типа, т. е. с дромосом перед погребальной камерой, на нем имеются и наскальные пещерные могильники. Интересны сообщения Н. Е. Макаренко. Он писал, что «с восточной стороны Рим-горы в остатках пещерных сооружений, нацарапаны какие-то знаки, быть может, тамги местных жителей, скрывающихся здесь под навесом в дождливую погоду.

Некогда можно было видеть пещеры и камеры, расположенные в отвесных обрывах стенок горы, ныне очень заплывшие обвалившейся землей, заросшие и часто совершенно незаметные»¹.

В советское время на Рим-горе проводили исследования В. Ф. Смолин², А. П. Рунич, В. А. Кузнецов³ и другие археологи.

В феврале 1966 года Т. М. Минаевой был осмотрен могильник на р. Большая Лаба.

В 13—15 км от села Курджиново, ниже по течению Б. Лабы над долиной реки выступает в виде стены каменная терраса высотой от 200 до 300 м. Она тянется вдоль течения реки на 6—8 км. Местное население называет ее Ахмет-Кая.

В конце террасы в долине реки раскинулся небольшой карачаевский поселок Ахмет-Кая. Против поселка в отвесном обрыве террасы располагается могильник. Могилы числом до 30 компактной группой в несколько ярусов вырублены в рыхлом крупнозернистом песчанике. Входы-лазы в погребальные камеры преимущественно прямоугольные, но имеются и полукруглые. Закрывались они плитами или закладывались камнями, потолки их — сводчатые, некоторые — почти плоские. Имеются камеры, сообщающиеся друг с другом. Размеры от 1,5 до 2 м длины, от 0,5 м до 0,8 м ширины; высота потолка в общем — до 0,6—0,8 м.

На р. Большая Лаба, в урочище Мощевая балка, близ с. Курджиново известен второй пункт, где встречались наскальные могилы, похожие на описанные. Сведения об этом памятнике мы имеем из статьи А. А. Иерусалимской: «О северокавказском «шелковом пути» в средневековье». В начале нашего века Н. И. Веселовский исследовал пещеру в «Мощевой балке». В 1951 году это место осмотрел А. А. Иессен. В 1973 г. в этом могильнике Е. А. Милованов, учитель истории Курджиновской средней школы, обнаружил могилу, в которой была мумия хорошей сохранности. Ориентировка мумии С-В, положение — вытянутое на спине, слева от головы — кувшин, справа — тесло, топорик с переломанной рукоятью лежал на поясе поперек тела.

По инвентарю, который находился вместе с мумией, можно определить, что был захоронен мужчина-воин. Привожу краткое описание комплекта:

1. Шуба из грубошерстной белой овцы покрыта тканью, борта, подол, нарукавники и ворот окаймлены тканью типа полотна бледно-коричневого цвета (первоначально, очевидно, красного). На рис. 1.1. дан образец ткани небольшого размера 7,5 см × 8,5 см, на котором отчетливо дан узор — ряды медальонов с перлами, внутри медаль-

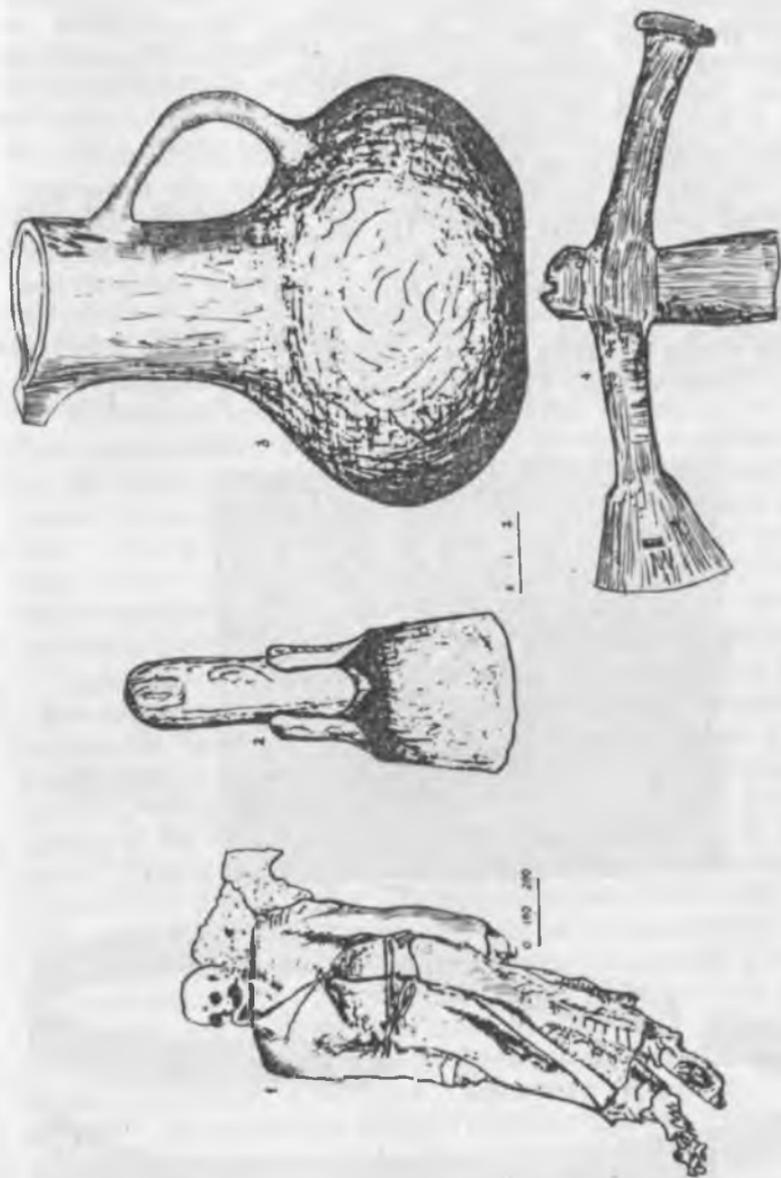

Рис. 1. КЧАО, Сел. Курджиново, Мошевая балка. /1974/. 1. Мумия в шубе и в обуви. 2. Тесло. 3. Кувшин. 4. Топор.

онов и между ними — изображение бараньих рогов. Рис. 2.1

2. Обувь — чабырла, типично горская⁴. Чабыры изготовлялись из цельного куска кожи высотой до щиколотки, со швом спереди, завязывались чабыры шнурками из сыромятины, носились преимущественно зимой. Чабыры набивались мягкой соломой и в случае, если в чабыры попадала влага, можно было легко заменить другой сухой соломой.

3. Железное тесло для обработки кожи и для изготовления деревянных мисок. На тесло насажена деревянная ручка хорошей сохранности. Рис. 1.2.

4. Горшок с венчиком сливовой формы, лощеный, с одной ручкой. На дне данного сосуда имеется клеймо в виде круга с двумя разветвлениями. Рис. 1.3.

5. Топор-чекан. По классификации А. Н. Кирпич-

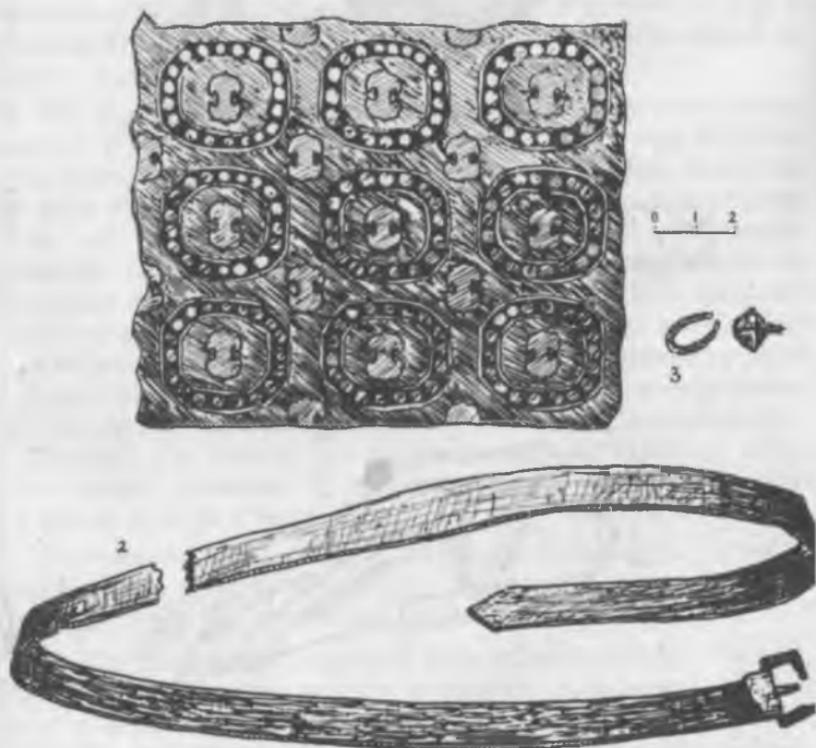

Рис. 2. КЧАО. Сел. Курджиново. Мошевая балка. /1971 г./ 1. Ткань.
2. Кожаный ремешок. 3. Пуговица и петелька.

никова, К. И. Комарова, характерен для X—XI вв. Обухек топора имеет грибовидную форму, в лезвии сделано отверстие, обычное у боевых топоров⁵. Рис. 1.4.

6. Кожаный ремешок из сыромятины с железной блашкой, которым был подпоясан воин. Рис. 2. 2.

7. Пуговица и петелька из ткани. Рис. 2. 3.

Таков состав описываемого комплекса мумии.

Кратко остановлюсь на вопросе о датировке. Комплекс содержит ряд вещей, хорошо датируемых VIII—X вв. В первую очередь это топор-чекан, имеет с одной стороны удлиненную форму с овальной втулкой и закругленную молоточную часть, с другой стороны с расширенным острием, в лезвии которого сделано отверстие. Близкие по аналогии этой секире дают находки в Дергафсе. П. С. Уварова датирует их преимущественно VIII—IX вв.⁶

Железные секиры являлись частой находкой в Змейских катакомбах XI—XII вв. С. С. Кусаева сообщает, что из 50 обследованных ею катакомб в 19 находили топоры-секиры, причем они находились при мужских костяках⁷. При раскопках В. А. Кузнецовым того же могильника встречались аналогичные топоры, а в одном случае топор оказался вложенным в колчан со стрелами, что определенно говорит о боевом назначении этого предмета⁸.

Большое количество боевых топоров найдено в археологических памятниках Северо-Западного Кавказа. В частности, железные топоры-секиры обнаружены в верхнем Прикубанье. Они известны на Северном Кавказе со времени обследований Е. Д. Фелициным, Г. И. Куликовским и В. М. Сыроевым долин Кубани, Теберды и Б. Зеленчука⁹. Топор-чекан, по классификации А. Н. Кирпичникова, характерен для XI века. Из приведенных примеров описания боевых топоров видно, что они встречаются на Северном Кавказе (в частности, на Северо-Западном Кавказе) в памятниках VIII—XII вв. Появляясь на Кавказе в раннем железном веке, особенно широко этот вид вооружения распространяется в эпоху раннего средневековья в памятниках аланской культуры Северного Кавказа. Подавляющее большинство обнаруженных до сих пор боевых топоров датируется VIII—X вв. н. э. К этому же времени можно отнести боевой топор из скального могильника в Мощевой балке. Боевые топоры продолжают жить и позже XIII века¹⁰.

И второй вывод можно сделать по своеобразным

формам и по количеству боевых секир. В памятниках Северного Кавказа их можно считать специфической принадлежностью воинов северокавказских племен эпохи средневековья.

На эту же датировку указывает и глиняный горшок, который принадлежит к типу посуды, широко распространенной в памятниках аланской культуры VIII—X вв.

Для скальных захоронений следует отметить явственные аланские элементы. Так, некоторые формы керамики типологически близки к аланской (например, краснооранжевые кувшины с носиком-сливом и ручкой, прикрепленной ниже венчика и т. д.)¹¹. Кувшин из скального захоронения аналогичен кувшинам из Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Кувшины имеют высокие горла, носики-сливы и ручки, начинающиеся от венчика¹². Сравнивая описанную керамику из Карачаево-Черкесии с синхронной керамикой Кабардино-Балкарии, я хочу отметить весьма большую их общность. Особенно она заметна в керамике X—XII вв. Все кувшины этого типа изготовлены на круге из отличного отмученного и звонкого глиняного теста краснооранжевого цвета¹³.

Погребальный инвентарь, за исключением керамики, при определении этнической принадлежности имеет меньшее значение, т. к. формы орудий труда и особенно украшений могут выходить и выходят за пределы территории определенной культуры. Они получают большой удельный вес в вопросах хронологии. Однако среди предметов погребального инвентаря иногда встречаются предметы специфического характера, которые отображают быт, свойственный только определенным племенам. Такие предметы, наряду с погребальным обрядом в целом, могут иметь большое значение в этнических вопросах. Такой именно предмет мы находим в погребениях аланской культуры. В аланских скальных захоронениях мы находим металлические предметы — тесла. Находятся они обычно при мужских костяках. Такие тесла сохранились у горцев до конца XIX века. Они издавна сами делали из дерева необходимые в хозяйстве предметы, начиная от арбы и кончая мебелью и посудой тончайшей художественной работы. Кроме того, из инвентаря скальных захоронений надо отметить одежду — особенно мужская имеет очень много общих черт, сложившихся издавна и целиком относится к одежде горцев. На голове мужчины

носили папаху (тери бёрк), а в летнее время — войлочную шляпу с полями (кийиз бёрк). Зимой носили тон — овчинные шубы (у стариков прямого покроя, а у молодых отрезные у пояса). На ноги одевали чабырла, сделанные из шкуры крупного рогатого скота. Из головы одной коровы получалась одна пара чабыров. Пуговицы делались из материи в виде бубенчиков, которые хорошо сохранились на шубе мумии. Рис. 2. 3.

Несколько слов о погребальном обряде скальных захоронений. «Нет сомнения, что погребальный обряд раннего средневековья неустойчив и не может характеризовать тот или иной этнический массив вследствие значительного взаимопроникновения племен,— пишет И. Б. Шейхов.— Погребальный обряд и погребальные сооружения VI—IX веков нашей эры на Северном Кавказе, не являясь чисто этническим показателем, сохраняет значение исторического источника для изучения общественной жизни и культуры племен Дагестана и Северного Кавказа»¹⁴.

На Северном Кавказе в могильниках действительно различные погребальные обряды. В частности, это характерно и для Карачаево-Черкесии — например, для городища Гиляч, где наблюдаются не менее четырех различных погребальных обрядов. В Усть-Тебердинском могильнике мы видим то же самое; различны обряды и на городищах Шияклы-Сырт, Адиух, Кубина, Узун-Кол, Индыш и других. Но это явление, значительно усложняя изучение отмеченных памятников, не умаляет их значения как источников¹⁵.

По этому поводу полностью можно поддержать точку зрения В. А. Кузнецова. Опровергая взгляд, что на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья погребальный обряд настолько неустойчив, что не может быть этническим показателем, он пишет, что следует признать «полноценность раннесредневекового погребального обряда как источника». Далее В. А. Кузнецов говорит, что «несмотря на кажущуюся путаницу, все же можно выделить большие группы памятников Северного Кавказа, объединяемых общими признаками»¹⁶. Эту же точку зрения высказывает и В. Б. Виноградов¹⁷.

Таким образом, можно прийти к заключению, что так называемый наскальный погребальный обряд в эпоху раннего средневековья в КЧАО весьма устойчив. Он

упорно удерживается в горных местностях. Достаточно сказать, что за последние годы открыто более 50 наскальных могильников на территории Карачаево-Черкесии, которые показывают, как боролось местное население тесных ущелий гор с безземельем, используя под могильники голые обрезы скал и кряжей. Анализируя инвентарь из скальных захоронений, можно сделать вывод, что этот обряд захоронения стойко сохранялся в течение нескольких столетий, начиная со времени после гуннского нашествия по XIII век, как отмечала Т. М. Минаева.

Можно привести еще один комплекс погребального инвентаря из Нижнего Архыза, который был передан в Карачаево-Черкесский областной музей краеведения в 1974 году О. Ю. Дышековым из скальных захоронений. Эти находки аналогичны находкам из Мошевой балки. Боевой топор с деревянной ручкой, железное тесло, кожаный футлярчик-ладанка и деревянная чаша. Рис. 3. Находки эти можно считать принадлежностью аланских племен.

Интересно то, что в VIII—X вв. у горцев были станки для изготовления деревянных чаш, а деревянная чаша из находок О. Ю. Дышекова сделана на станке. О принадлежности инвентаря аланам также говорит кожаный футлярчик-ладанка, в котором содержалась смола деревьев из породы кактус, растущих на южном берегу Аравии и в Сомали. Поступая на Северный Кавказ с рынков Ирана и Турции, он был известен на рынке в виде молочно-белых или коричневых вязких кусков, употребляющихся как благовонное вещество. Кроме этого особое внимание надо обратить на орнамент, который был нашит с обеих сторон футлярчика — это изображение бараньих рогов. Он был характерен для аланского орнамента.

¹ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 // ИАК, вып. 43, СПб., 1911, с. 121—126.

² Смолин В. Ф. Катакомбы на Рим-горе близ Кисловодска. // Краеведение на Северном Кавказе, № 1—2, Ростов-на-Дону, 1928, с. 87-90.

³ Кузнецов В. А. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. 9, Нальчик, 1961, с. 212—213.

⁴ Тменов В. Х. Археологическое исследование «города мертвых» у с. Даргавс в 1967 году. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. II, Орджоникидзе, 1969.

⁵ Комаров К. И. // Советская археология. М., 1974, № 3, с. 254.

Рис. 3. Находки Дышекова О. Ю. в районе Нижнего Архыза. 1974 г.
 1. Железный топор. 2. Тесло железное. 3. Кожаный футлярчик.
 4—5. Деревянное (липовое) блюдо.

⁶ МАК VIII, М., с. 105.

⁷ Кусаева С. С. Аланский катакомбный могильник XI—XII вв. у станицы Змейской. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. I. Орджоникидзе, 1962, с. 56.

⁸ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник. // Материалы по археологии и древней истории Осетии, т. I. Орджоникидзе, 1961, с. 111.

⁹ МАК, вып. VII; Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

¹⁰ Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

¹¹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, с. 33.

¹² Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, с. 84.

¹³ Там же, с. 111.

¹⁴ Шейхов И. Б. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. // КСИИМК, вып. 46, 1952, с. 109.

¹⁵ Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 210.

¹⁶ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, с. 12.

¹⁷ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 102

В. М. БАТЧАЕВ

«МЫ ПРИШЛИ ИЗ МАДЖАР»: ФАКТ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Настоящая работа представляет опыт исторического анализа чрезвычайно популярного до недавнего прошлого цикла преданий, который с полным основанием можно назвать маджарским циклом. Предания дифференцируются на два основных варианта, рассматриваемых здесь под условными наименованиями этногенетического (о пришествии какой-то части предков народа из местности Маджар) и генеалогического (о маджарцах Басиате и Бадиляте как основателях феодальных династий). Первый вариант был известен в четырех национальных версиях: дигорской, балкарской, карачаевской и кабардинской; второй же зафиксирован только в Дигории и Балкарии. В основу данной публикации легли главным образом балкаро-карачаевские материалы, что, конечно, не означает анализ их в полном отрыве от иных национальных версий¹.

К сожалению, в подавляющем большинстве случаев нам приходится иметь дело не с документальными записями преданий, а лишь с лаконичным пересказом, и это значительно затрудняет их интерпретацию. Особенно кратки передачи этногенетического варианта, зачастую состоящие из одного-двух предложений. Например, бал-

карская версия: «В отдаленные времена пришли в эти места предки нынешних балкарцев, по народному преданию, из Маджар./.../ Пришельцы стали теснить туземцев»²; карачаевская: «Они считают, что покинули Маджары для того, чтобы занять свое теперешнее местожительство, до прихода черкесов в Кабарду»³; кабардинская: «по преданиям известно, что некоторые из маджар соединились с нашими предками»⁴; дигорская: «Обсуждая вопрос, по поводу которого мы собрались, старший из вождей взял слово и объявил в присутствии коменданта (Нальчика) и всего остального общества, что 5 племен — дигорцы, балкарцы, хулиамы, бизинги и оруспиэ — являются истинными потомками маджар; эти 5 племен... все вместе называются маджарами; они известны как таковые всем жителям Кавказа и даже русским...»⁵.

По сравнению с приведенными пересказами генеалогический вариант даже в самом сжатом изложении выглядит уже как довольно обстоятельное повествование. Известен он был, как отмечалось, только у балкарцев и дигорцев. В общих чертах, суть балкарской версии сводится к следующему. Много столетий назад, когда еще «кабардинцы не пользовались... тем влиянием, которое они приобрели впоследствии»⁶, из местности Маджар, расположенной в плоскостном Предкавказье, пришли в горы предки балкарцев, называемые в предании маджарами. Эта миграция встретила противодействие местного населения — «дигорцев» (вариант: «осетин», «сванов»). Борьба еще не была закончена, когда из тех же Маджар вверх по течению Терека направились двое сыновей местного вельможи (в некоторых вариантах — сыновья золотоордынского хана Джанибека) — братья Басиат и Бадилят. Оба были вооружены огнестрельным оружием и оба ехали верхом: старший, Басиат — на муле; младший Бадилят — на коне. Через некоторое время Басиат пересел на коня, а Бадилят на мула, и так они въехали в Балкарию. Басиата, сидевшего на коне, маджарцы приняли за старшего и оказали ему больше уважения. Это задело самолюбие Бадилята, и потому, не задерживаясь здесь, он направился в Дигорию, где и был принят с должным почетом.

Посредством огнестрельного оружия, о котором горцы не имели тогда понятия, Басиат помогает

мадждарцам покорить дигорцев (которые населяли тогда не только современную Дигорию, но и территорию Балкарии), и те признают его своим князем. От него ведут свое происхождение балкарские феодалы Абаевы, Жанхотовы, Айдебуловы и Шахановы⁷.

Почти во всех балкарских версиях этого варианта аборигены — дигорцы противопоставляются пришельцам по признаку социальному (у дигорцев «демократический» строй, у мадждарцев — феодальный), вероисповедания (дигорцы либо язычники, либо христиане; пришельцы — прежде всего братья Басиат и Бадилят — мусульмане), этническому (аборигены — это преимущественно дигорцы иногда вместе с определенной группой сванов; об этнической принадлежности мадждарцев прямо не говорится, но само наименование их «предками балкарцев» может быть воспринято как косвенное указание на их тюркоязычность).

В ряде записей можно встретить отклонения вариационного характера. Например, мадждарцев (а иногда и братьев) приводит в горы некий Мисака, покорив до этого дигорцев; братья появляются в горах не вдвоем, а вместе с дружиной (или слугами); направляются они сначала не в Балкарию, а в Дигорию, где в роли обойденного вниманием оказывается Басиат, и т. д. и т. п.

В истории кавказской фольклористики трудно назвать какой-либо другой случай, когда попытки интерпретации предания были бы связаны со столь многочисленными недоразумениями и курьезами, а однажды возникшие ошибки — столь живучими; без преувеличений можно сказать, что в этом отношении предания мадждарского цикла побили все мыслимые и немыслимые рекорды. Чего стоят хотя бы недоразумения, постоянно возникавшие из-за одного только созвучия понятий мадждары (пришельцы из города Мадждар на Северном Кавказе) и мадьяры (венгры). Например, венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс, прибывший на Кавказ в 1829 году, был в восторге от встречи со своими «земляками» — карачаевцами («мадждарцами»), тем более, что целью его поездки были как раз поиски следов пребывания здесь венгров в эпоху средневековья. Но «земляки» повели себя по меньшей мере странно: называя высокого гостя «карындаш» (брат) и пожимая ему руку при каждой встрече, они вместе с тем вежливо и упорно «отрицали, что мы суть соотечествен-

ники», заверяя в том, «что они вовсе не принадлежат к племени древних мадьяр»⁸.

Поскольку объем статьи исключает доскональный историографический обзор, я ограничусь лишь констатацией некоторых наиболее существенных моментов, относящихся к балкарской версии предания.

Характеризуя состояние вопроса на сегодняшний день, отмечу, что большинство исследователей (хотя и не все) отрицает какую бы то ни было связь предания с исторической действительностью. Показательно, что на Всесоюзной научной сессии по проблеме этногенеза балкарцев и карачаевцев⁹, вопрос о маджарцах даже не ставился, хотя на той же сессии зачастую весьма оживленно дискутировались заведомо абсурдные тезисы (например, о пришествии балкаро-карачаевцев из Крыма, и пр.). В значительной мере (если не целиком) такое обстоятельство predetermined уже теми исходными посылками, которыми руководствовались исследователи в подходе к «маджарской» тематике.

Во-первых, почти с самого же начала предания маджарского цикла почему-то стали рассматриваться исследователями не как этногенетическое, а только как феодально-генеалогические. Одна из ранних записей так и озаглавлена: «Предание о происхождении балкарских таубиев»¹⁰. Впоследствии такое понимание стало традиционным, а поскольку феодальная генеалогия на проверку чаще всего оказывается вымыслом, то и в данном случае авторы обобщающей работы по истории Балкарии вполне уверенно сочли предания выдумкой «об инонациональном происхождении» князей, «сочиненной феодальной верхушкой» для того, чтобы «выделиться из общей массы соплеменников и идеологически обосновать свое превосходство»¹¹.

Во-вторых, встречающиеся в предании топоним Маджар и этноним маджары обнаруживают столь близкое фонетическое сходство с этнонимом мадьяр (венгр), что идентичность этих понятий зачастую считалась чем-то само собой разумеющимся. Доходило до того, что авторы записей — европейские исследователи, а вслед за ними даже представители нарождающейся национальной интеллигенции — не считали нужным придерживаться транскрипции оригинала. Например, цитированное выше заявление дигорского «вождя» о том, что дигорцы и бал-

карцы «являются истинными потомками мадьяр» было опубликовано в заведомо искаженной транскрипции: вместо «потомки маджар» напечатано «потомки мадьяр». Не избежал этой ошибки и Мисост Абаев, по словам которого «Басият и Бадилят прибыли на Кавказ из Венгрии»¹². А поскольку несостоятельность теории «венгерского» происхождения дигорцев и балкаро-карачаевцев была достаточно очевидна даже и для кавказоведов прошлого столетия, то маджарский цикл преданий так и не стал предметом сколько-нибудь серьезного научного анализа, — во всяком случае на балкаро-карачаевских материалах.

Наконец, в-третьих, в местности Маджар — в тех случаях, когда этот топоним не путают с этнонимом мадьяр — исследователи до сегодняшнего дня склонны видеть только один конкретный пункт — золотоордынский город Маджар, остатки которого сохранились на берегу реки Кумы, недалеко от впадения в нее р. Мокрой Буйволы, на месте нынешнего города Буденновска. Подобной — на мой взгляд не совсем верной — идентификацией были вызваны даже попытки проверить достоверность предания на конкретном научном материале. В 1967 году антропологом В. П. Алексеевым была исследована краниологическая серия XIV—XV вв. из Маджар на предмет возможной связи ее с данными по антропологии балкарцев и карачаевцев. Различие сопоставляемого материала привело автора к заключению об отсутствии в маджарском цикле преданий достоверной исторической информации¹³.

Но наряду с рассмотренными выше известны и другие точки зрения, предполагающие наличие «рационального зерна» если не во всем содержании преданий, то хотя бы в отдельных эпизодах или реалиях.

Так, Н. Г. Волкова считает вполне вероятной возможность миграции в горы определенной группы маджарцев, исходя из того, что основным населением Маджар были половцы, а участие последних в этногенезе балкарцев и карачаевцев доказано научно¹⁴. При этом автор допускает ту же ошибку, что и В. П. Алексеев: легендарные Маджары отождествляются ею только с Маджарами на р. Куме. Другой автор, А. В. Гадло, находит неслучайным созвучие имени одного из персонажей предания — Мисаки, с этнонимом массагеты. На предмет

такой же связи сопоставляются им антропоним Басиат с этнонимом овсы, осы и гидронимом Баксан¹⁵. В. М. Аталиков в Басиате склонен видеть Баяна — одного из сыновей болгарского хана Кубрата¹⁶. По А. И. Мусукаеву балкарское предание о Малкаре, Мисаке, Басиате и Бадиляте отражает три этапа этнической истории балкарцев: кавкасионский (субстратный), аланский и тюркский¹⁷. Наибольшее число возможных вариантов идентификации выдвинуто И. М. Мизиевым. По предположениям автора, Басиат и Бадилят — это либо «легендарные внуки волчицы — родоначальницы многих тюркских племен», либо гуннские предводители Басих и Курсих, либо два варианта одного имени — упоминавшегося уже Баяна; возможно также, что имя одного из братьев, Бадилята, происходит от тюркского будун — «народ»¹⁸.

Все эти построения представляются мне слабо аргументированными. Общеизвестно, что в этногенетических преданиях сравнительно полно фиксируются лишь факты, относящиеся главным образом к завершающей стадии этногенеза¹⁹. А эта стадия в формировании дигорцев и балкаро-карачаевцев приходится ко времени никак не ранее XVI—XV вв. Возводя родословную Мисаки, Басиата и Бадилята к эпохе массагетов, гуннов, древних тюрок и т. д., авторы явно переоценивают возможности «коллективной памяти». Ничего не дают для решения вопроса такие сомнительные созвучия, как, например, Басиат и овсы, осы, или же Басиат — Бадилят и Басих — Курсих. Ошибочна мысль о наличии монгольского суффикса «ат» в титулатуре басиат-бадилат; если это и действительно показатель множественности (как полагает И. М. Мизиев)²⁰, то уж никак не монгольский, а заведомо аланоосетинский. Отмечу, наконец, и то, что ни один из указанных авторов не счел нужным обратить внимание на главное обстоятельство — на то, что буквально во всех вариантах и национальных версиях предания братья Басиат и Бадилят вместе со своими подданными — «маджарцами» фигурируют как выходцы из Маджар, а время действия прямо или косвенно приурочено к золотоордынской эпохе.

При наличии принципиальных расхождений с указанными авторами по частным вопросам, я целиком и полностью разделяю их точку зрения о том, что в основе преданий маджарского цикла лежит вполне реальный

исторический факт. Такое убеждение основано на том, что ни одна из трех приведенных выше посылок, которыми руководствуются сторонники «неисторичности» преданий, не выдерживает мало-мальски серьезной критики, и в целом маджарские предания прекрасно согласуются с результатами новейших изысканий в области этнической и социальной истории края.

Действительно, о каком, собственно, «инонациональном происхождении» балкарских князей и о стремлении их «выделиться из общей массы соплеменников» может идти речь, если предки тех и других фигурируют в предании как мусульмане — маджарцы с общим языком, социальной структурой феодального типа, и проявляют при этом трогательную солидарность в борьбе с христианами-дигорцами с их «демократическим» строем? Правда, уже сам факт наличия феодально-генеалогического варианта как будто бы действительно указывает на наметившуюся тенденцию «обособления» знати. Но тенденция эта зашла пока еще вовсе не настолько далеко, чтобы лишить балкарских князей и их подданных общего для них «знаменателя» — маджарской прародины.

Далее, о понятиях маджар и мадьяр. Вопреки укоренившимся представителям, в них нет совершенно ничего общего, кроме фонетической близости. Ошибочность их отождествления отмечалась некоторыми исследователями еще в прошлом веке²¹. Но как это ни странно, еще и сегодня отголоски былой славы знаменитых «маджарских» сабель воспринимаются порой как свидетельство имевшего когда-то место импорта венгерского оружия на Северный Кавказ²². Следуя такой установке, нетрудно прийти к заключению, что столь же широкой популярностью пользовались в этом регионе и венгерские телеги, ибо одна из их разновидностей называлась у донских казаков мажара («Кони тянут скрипучую мажару, качают дышло» (М. Шолохов «Тихий Дон»).

Наконец, столь же сомнительна и третья установка, предполагающая идентификацию легендарных Маджар только с одним конкретным пунктом. Ведь еще Клапротом было отмечено, что Маджарами горцы называют почти всякое заброшенное городище²³, а в наибольшем количестве последние были известны тогда не в Прикумских степях и не в высокогорье, а в предгорьях Кавказа. В подавляющем своем большинстве они относятся к аланской эпохе.

Достоверно установлено, например, что до недавнего времени Маджарами население называло такие заведомо аланские городища, как Верхний Джулат (или Татартуп) близ Эльхотова, а также Нижний Джулат близ г. Майского и др.²⁴. А потому отождествление фигурирующего в предании города (или городов) Маджары с аланскими городищами Центрального Предкавказья, связь которых с этнической историей края совершенно бесспорна, представляется не только допустимым, но, пожалуй, даже и предпочтительным. И хотя, как мы увидим ниже, указанное обстоятельство само по себе еще не снижает значимости Прикумских Маджар в интересующем нас плане, все же ясно, что добытые здесь краниологические серии не могут играть решающей роли в вопросе об историчности преданий.

Таким образом, традиционная установка на «неисторичность» маджарского цикла преданий, по всей вероятности, ошибочна, и это как будто позволяет более уверенно ставить вопрос о перспективах их исторической интерпретации.

Прежде всего, кто такие маджарцы? Однозначно ответить на этот вопрос трудно; очевидно, на различных этапах северокавказской истории конкретное содержание этнонима могло существенно варьировать. В средневековых источниках топоним Маджар относится только к Прикумским Маджарам. Но те же источники в числе покоренных монголами народов неоднократно упоминают загадочное «племя маджар»²⁵. В данном случае прямая взаимосвязь топонима и этнонима не вызывает особых сомнений, независимо от того, получил ли город свое название от наименования племени, или наоборот. Тем самым решается, кстати, и вопрос о локализации этого племени: оно могло обитать только в бассейне реки Кумы, на степных пространствах Маджарской округи. Судя по последним данным, город был основан не в XIII—XIV вв. (как считалось ранее), а в предмонгольское время, приблизительно в XI—XII вв.²⁶. Но именно на это время приходится, как мы знаем, и появление на данной территории половецких каменных изваяний, которые устанавливались кочевниками только в местах своего более или менее постоянного пребывания²⁷. Счасть такое совпадение чем-то случайным совершенно невозможно. Думается, есть веские основания полагать, что «маджарцы»

средневековых хроник — это одно из половецких племен (конкретнее — предкавказские половцы) ²⁸.

Вопрос об определенной роли половцев в этнической истории осетин ставился неоднократно ²⁹, а в отношении балкаро-карачаевцев это твердо установленный факт ³⁰. Поэтому факт бытования в горском фольклоре сюжета о пришествии маджарцев вроде бы вполне закономерен. Из этого, однако, вовсе не следует, будто половцы-маджарцы письменных источников в этническом плане целиком и полностью идентичны с маджарцами рассматриваемых преданий. Совокупность имеющихся на сегодняшний день письменных и археолого-этнографических источников приводит к заключению, что вопрос о конкретной этнической принадлежности легендарных маджарцев куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд.

Как отмечено выше, в известных письменных источниках домонгольского (да и монгольского) времени нет ни одного упоминания об аланских городах с названием Маджар, равно как нет и упоминаний о принадлежности «племени маджар» к кругу адыгского или аланского этноса. Но с другой стороны, по данным кабардинской версии предания, с переселением кабардинцев на современную территорию — т. е. в равнинную Аланию — часть маджарцев была ассимилирована пришельцами ³¹. Переселение кабардинцев имело место в конце XIV — начале XV вв. ³² и никоим образом не затронуло район Прикумских Маджар. Если же добавить, что по свидетельствам некоторых других версий и вариантов предания остальная часть маджарцев была отеснена в горы ³³, то правомерность отождествления легендарных Маджар с аланскими городищами предгорной зоны (откуда миграция населения в горы во все исторические эпохи была частым явлением) становится еще более вероятной.

Указанное противоречие представляется возможным объяснить лишь тем, что в Золотоордынскую эпоху какая-то часть предкавказских половцев-маджарцев расселилась на территории равнинной Алании. В хрониках той эпохи это событие не получило, да едва ли и могло получить, заметный резонанс. В лучшем случае мы можем рассчитывать на косвенное отражение сложившейся ситуации, и такое отражение действительно имеется (см. ниже). Но если в масштабах огромной империи Джучидов

перемещение отдельных групп на какую-нибудь сотню километров не представляло собой ничего особенно примечательного, то совсем иными категориями соизмеряли его значимость горцы, не говоря уже об остатках прежнего аланского населения предгорий. Как бы то ни было, а еще во времена Клапрота (начало XIX века) почти любое заброшенное городище на территории бывшей Алании горцы продолжали именовать Маджарами³⁴, и такое обобщение само по себе достаточно показательное.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью более конкретно рассмотреть вопрос об этническом составе равнинной Алании во второй половине XIII—XIX вв. Хотя состояние источниковой базы исключает детальную характеристику этнической ситуации, все же с полной уверенностью можно сказать, что однозначное решение поставленного вопроса едва ли возможно.

В первую очередь, конечно, необходимо иметь в виду прежнее аланское население. В результате интенсивных военных действий начала XIII века численность его катастрофически сократилась, но то, что часть его все же уцелела от монгольских погромов, подтверждается данными палеоантропологии³⁵ и таким надежным этническим индикатором, каковым всегда считалась керамика³⁶.

Но вот в 1973 году Э. В. Ртвеладзе, исходя из анализа письменных и археологических источников, пришел к выводу о наличии в аланских городах также и элементов половецкого этноса³⁷. Причем особого внимания заслуживает то обстоятельство, что это подтверждается и краниологическими сериями из таких аланских городищ, как Хамидиевское, Нижне-Джулатское, Кызбурунское³⁸.

Таким образом, факт инфильтрации половцев в Аланию совершенно неоспорим. При всем том число оседлых половцев-горожан, надо полагать, было не особо велико по сравнению с их кочевыми сородичами, вытесненными монголами на периферию Предкавказской степи. Последнее документируется, в частности, источником середины XIV века: в 1347 году митрополит Аланский Лаврентий мотивировал свои возражения против восстановления самостоятельной Аланской епархии тем, что «народ ее ведет пастушеский образ жизни»³⁹. Я. А. и Г. С. Федоровы сочли этот документ свидетельством перехода алан к «отгонному, а может быть и к полукочевому скотоводству»⁴⁰. С этим не-

возможно согласиться хотя бы потому, что отгонное скотоводство существовало на Северном Кавказе по меньшей мере с кобанской эпохи ⁴¹, и в последующем оно ничуть не помешало учреждению Аланской епархии. Переход же алан к полукочевому скотоводству при наличии у них тысячелетней традиции оседлоземледельческого хозяйства представляется невероятным и никак не мотивированным. Ясно, что под «пастушеским образом жизни» в послании Лаврентия имеется в виду сугубо кочевой образ жизни, и что кочевниками в данном случае могли быть только половцы-маджары.

Замечу, что об оседлой части населения, то есть собственно аланах, Лаврентий не упоминает вообще. Следовательно, по своей численности кочевники превосходили не только оседлых половцев, но и алан. В данном случае такое соотношение интересно не само по себе, а в связи с предполагаемыми им этнокультурными процессами. Известно, что распространенное положение об устойчивости этноса против ассимиляционного воздействия далеко не универсально; не менее часты явления, когда у национальных меньшинств уже с третьего поколения начинается переход на язык численно доминирующего этноса ⁴². Последнее наглядно подтверждается хотя бы на примере монголов, ассимилированных половцами уже к исходу XIII столетия. Но коль скоро ассимиляции подверглись даже завоеватели-монголы, составлявшие привилегированную, а следовательно и обособленную часть золотоордынского населения, то тем больше оснований предполагать подобные изменения в отношении плоскостных алан. Мне кажется, что вопреки встречающемуся порой мнению, нет никакой путаницы в сообщении Абул-Феды, называющего алан и асов тюрками ⁴³; необходимо лишь уточнить, что речь здесь идет именно о плоскостных аланах XIV века. Закономерны в этом аспекте и свидетельства путешественников того времени, будто проповеди в христианских и мусульманских храмах Алании ведутся только на «татарском» (половецком) языке ⁴⁴.

Но коль скоро прежнее ираноязычное население страны оказалось ассимилированным половцами-маджарцами, то из этого вполне закономерно вытекает и факт перенесения на него этнонима «маджар»; в устной традиции осетин тюркоязычность появившихся в Дигории мад-

жарцев констатируется совершенно недвусмысленно⁴⁵. Четко отделяет их от ираноязычных аборигенов края и балкаро-карачаевская версия предания.

Разумеется, сказанное вовсе не означает всеобщую и окончательную тюркизацию алан. Более чем вероятно, что среди отдельных групп населения аланская речь сохранялась в качестве не только второго («домашнего») языка, но, быть может, и единственного. Но в общей картине этнолингвистических процессов это почти ничего не меняет. И одним из основополагающих тезисов настоящей работы является как раз то, что именно эту оседлую часть населения плоскостной Алании XIV века — тюркскую по языку, но преимущественно аланскую по происхождению — склонен видеть автор в так называемых «маджарцах» рассматриваемого цикла преданий.

С появлением здесь кабардинцев (начало XV в.) часть их действительно растворилась в адыгской среде, остальные отступили в горы⁴⁶, — обстоятельство, согласующееся со всеми национальными версиями предания. Столь же близко фольклорная экспедиция соответствует выводу антрополога В. П. Алексеева о балкаро-карачаевцах как тюрках по языку (но не происхождению)⁴⁷, а вместе выдвинутому в последние годы предположению о миграции в горы их тюркоязычных предков не в 1222 году (как принято считать), а в начале XV века из городищ равнинной Алании⁴⁸.

По сути дела такую миграцию следовало счесть воссоединением двух групп одного и того же (аланского) этноса. Но поскольку к моменту воссоединения у них уже наметились существенные различия в языке (и некоторых элементах культуры), то противопоставление в балкарской версии предания тюркоязычных алано-маджарцев ираноязычным аборигенам алано-дигорцам вполне понятно. (Кстати, здесь мы имеем возможность констатировать еще одно совпадение: фольклорная версия об аборигенах Балкарии как о части алан, именовавшихся дигорцами, совпадает с данными письменных источников, локализирующих раннесредневековых дигорцев не только в современной Дигории, но и на территории Балкарии⁴⁹). Противопоставления их по социальному принципу я коснусь ниже. А пока отмечу, что не менее оправдано и акцентируемо в предании различие дигорцев и маджарцев по их религиозной принадлежности, так как

государственной религией Золотой Орды (куда входила равнинная Алания) действительно был ислам, а запертые в горах аланы продолжали придерживаться своих традиционных полухристианских-полуязыческих верований.

Если в Балкарии с приходом маджарцев возобладала тюркская речь, то в Дигории пришельцы, надо полагать, оказались в меньшинстве. Несмотря на это возврат их к своему изначальному аланскому языку произошел далеко не сразу. «Тюркский» этап этнической истории оставил заметный след не только в топонимике края⁵⁰, но, как мне представляется, даже в наименовании этой части Осетии вообще. Я имею в виду старое название Дигории: Сафири-ком. Не исключено, что «сафири» осетинская переогласовка сванского «савиар», означавшего «горцы», и относящегося ныне только к балкарцам. Говоря проще, это сванская калька с балкарского самоназвания «таулу» («горец»)⁵¹ и, вопреки распространенному мнению, никакого отношения к древним гуннам-савирам не имеет. Такая интерпретация (если она верна), конечно, не предполагает факт расселения собственно балкарцев в горах Дигории. Дело в том, что само понятие таулу — «горец» могло возникнуть, как считают лингвисты, в тот промежуточный этап, когда основная масса тюркоязычных предков балкарцев (в данном случае это «маджарцы» — общие предки дигорцев и балкарцев) еще оставалась на равнине, но какая-то часть их уже стала проникать в горы и, следовательно, возникла необходимость терминологически дифференцировать две группы одного этноса по ландшафтно-географическому признаку⁵².

Вообще, говоря об отражении рассматриваемых событий в устной традиции, очевидно, следует иметь в виду не только маджарский цикл преданий. Необходимо учесть, что характерной особенностью фольклора всегда было явление контаминации, когда имя одного народа со временем может быть вытеснено другим этнонимом. Особый интерес в этом плане представляют распространенные до недавнего прошлого осетинские предания о переселении на территорию Дигории ногайцев⁵³. Поскольку осетинские и кабардинские предания единодушны в том, что «ногайцы» покинули предгорья «с приходом кабардинцев»⁵⁴, то речь здесь идет, конечно же, не о ногайцах в собственном смысле слова (ногайцы, будучи

кочевниками, отступили бы не в горы, а в степи Предкавказья), а скорее всего о «маджарцах». Последующее превращение их в «ногайцев», возможно, имеет ассоциативную основу: и те, и другие — жители равнины с языком западнокипчакской группы тюркской семьи языков. Г. А. Кокиев не видел оснований сомневаться в реальности «ногайской» миграции, и, кстати, рассматривая его в аспекте балкаро-карачаевского этногенеза, приурочивал миграцию как раз к интересующему нас времени. Интересна (и, думается, вполне правомерна) мысль автора, что пришельцы проникли во все ущелья от верховьев Баксана до Дигории включительно, и что на территории Дигории они впоследствии перешли на осетинскую речь⁵⁵. Единственной ошибкой Г. А. Кокиева можно счесть лишь то, что по его мнению это действительно были ногайцы. Слишком прямолинейно воспринимают этот этноним и некоторые современные исследователи, полагая, что отсутствие монголоидности в антропологическом материале из «ногайских кладбищ» Осетии свидетельствует о недостоверности фольклорных данных⁵⁶. Вероятнее всего, дело обстоит как раз наоборот: европеоидный облик погребенных позволяет видеть в них отюреченных алан-маджарцев, а локализация «ногайских кладбищ» преимущественно в Дигории помогает понять, почему в число «истинных маджарцев» дигорский «вождь» не счел возможным включить осетин-иранцев.

Таковы некоторые соображения, наводящие на мысль, что содержание этногенетического варианта преданий маджарского цикла соответствует исторической действительности.

Что касается генеалогического варианта, то на данной стадии его изученности я бы предпочел обойти вопрос, возникающий здесь в первую очередь — вопрос о реальности главных персонажей, Басиата и Бадилята. Ограничусь констатацией заведомо вымышленного характера таких подробностей, как, скажем, принадлежность братьев к династии Чингизидов, причина появления их в горах («соскучившись жить в своей стране»), анекдот с мулом и лошадью и т. д.

Более актуальным (и перспективным) представляется анализ предания в аспекте социальной истории Балкарии и Дигории. Мы уже видели, что братья предстают в нем

не просто как родоначальники конкретных феодальных династий: с ними и их подданными-маджарцами предание связывает утверждение феодализма как социальной формации вообще. В свете традиционных установок в самом подходе к проблеме так называемого горского феодализма фольклорная версия о происхождении этой формации выглядит по меньшей мере тенденциозной. Но в данном случае, учитывая специфику жанра, важно не путать форму с содержанием. Одно дело — свести процесс феодализации к анекдотическим похождениям братьев-чингизидов; другое — видеть во всей этой истории «беллетризированный» по форме тезис об экзогенности горского феодализма. Последнее представляется единственно возможным. Закономерно, что фольклорная трактовка социогенеза целиком и полностью согласуется с новейшими изысканиями по социальной истории горцев: «В силу законов внутреннего развития и ограниченности хозяйственных возможностей гор, там не происходили радикальные социальные сдвиги, которые способствовали бы процессу внутренней феодализации региона»⁵⁷.

Ни осетинский, ни балкаро-карачаевский феодализм нельзя считать исключением из этого правила. По всей вероятности, на данной территории феодальные отношения сформировались не в итоге «автохтонного» изолированного развития этнического субстрата, а скорее вследствие этносимбиоза, смешения отдельных групп тюрков и иранцев с аборигенами, социально «подготовленными» к феодализму давно сложившимся у них имущественным неравенством⁵⁸. И первые фазы этого процесса приходится еще на домонгольский период аланской истории.

Становление раннефеодальных отношений в Алании принято датировать в пределах VIII—IX вв., причем, судя по археологическим данным, этот процесс в той или иной мере коснулся и некоторых горных районов, где к тому времени обитала какая-то часть алан⁵⁹. Число их резко возросло в начале XIII века за счет беженцев из равнинной Алании, и на первый взгляд это как будто бы должно было стимулировать углубление наметившейся тенденции. Но тем не менее полное и окончательное утверждение новой исторической формации предание связывает не с этим колонизационным потоком, а с маджарцами-пришельцами начала XV века. Я склонен

считать, что в данном случае устная традиция отражает истинное положение вещей достаточно объективно. Политическая и экологическая ситуация XIII века неизбежно должна была свести на нет позитивные сдвиги, которые наметились тогда в высокогорной зоне края: с одной стороны, плотность населения неимоверно возросла вследствие притока беженцев, а с другой — высокогорные пастбищные угодья, недостаточные для годового производственного цикла даже и при «нормальной» плотности населения, оказались теперь единственной материальной базой основополагающей отрасли экономики — животноводства. Дело в том, что убедившись в неприступности горных ущелий, где аланы продолжали войну партизанскими методами, монголы попросту блокировали их, лишив горцев доступа к зимним пастбищам на равнине. Ситуация сложилась более чем экстремальная, когда весь комплекс насущных проблем сводился к элементарному выживанию.

Не будет преувеличением считать, что в этих условиях для подрыва экономической базы социального статуса горца-феодала было достаточно каких-нибудь 9—10 лет. А между тем блокада длилась значительно дольше. В 1254 году — спустя 15 лет после трагических событий на равнине — Рубрук имел возможность констатировать: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор...»⁶⁰. Кажется, героическое опротивление горцев не удалось сломить и в последующие десятилетия, коль скоро оно спорадически возобновлялось даже в предгорьях (восстание в Дедякове в 1278 году). Разумеется эта временная отсрочка чужеземного порабощения была куплена дорогой ценой — не только тысячами человеческих жизней, но и неуклонной деградацией производственных отношений, оживлением традиций патриархально-родового прошлого. Правда, много позже, уже после знаменитой битвы на Тереке в 1395 году, когда всю силу удара Тамерлан обрушил на горцев, и исследователи вполне справедливо рассматривают это как следствие союза горных алан с Тохтамышем. Говоря иначе, со временем горная зона Центрального Кавказа все же вошла в состав Золотой Орды, и не исключено, что эта акция была скреплена определенным компромиссом в

вопросе о зимних пастбищах. Но наивно было бы думать, что тем самым удалось в кратчайшие сроки наверстать потери в сфере социального развития.

Совершенно очевидно, что последующая «реанимация» горского феодализма была возможна лишь при наличии двух основных условий:

а) приток новой волны поселенцев с социальной структурой феодального типа;

б) сохранение интенсивных экономических связей с равниной.

А наиболее полно этим условиям могли соответствовать только те этносоциальные и политические процессы, которые прямо или косвенно подразумеваются в рассмотренных здесь преданиях маджарского цикла, и которые имели место на Центральном Кавказе после событий конца XIV — начала XV вв.: массовая миграция отюреченных алан («маджарцев») в горы, смешение их с местным населением, и право выгона скота на зимние пастбища Кабарды, оплаченное системой вассальных и даннических связей с кабардинской знатью. Быть может, такое сопоставление покажется несколько прямолинейным, но не лишне обратить внимание, что во всей высокогорной зоне Кавказа от Чечено-Ингушетии до Карачая наиболее высокого развития раннефеодальные отношения достигли преимущественно у дигорцев и балкарцев⁶¹ — у народов, которые, по словам неоднократно упоминавшегося дигорского «вождя», в качестве «истинных маджарцев» были известны «даже русским». В свете приведенных выше фактов такое совпадение трудно счесть чем-то случайным.

Возможно, что для исчерпывающей аргументации историчности маджарских преданий изложенных соображений и недостаточно. Но несостоятельность скептицизма в вопросе об их «разрешающей способности» как фольклорного источника все же очевидна. «Если исходить только из материалов, которые мне доступны, — писал Л. И. Лавров, — то, кажется, можно склониться к выводу, что фольклор способен сохранить память о событиях и исторических деятелях не дольше 300 лет. /.../. Поэтому, когда ищут в фольклоре ответ на вопрос: откуда в XIII или XIV вв. пришли предки карачаевцев и балкарцев, то это неправомерно, так как в этом случае фольклор уводит исследователя в фантастические области»⁶².

Такое заключение представляется не бесспорным. Вероятно, в каждом конкретном случае это зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов, перечислить которые здесь нет ни возможности, ни необходимости. Напомню лишь, что например, в русских былинах в той или иной (свойственной этому жанру) форме сохранились воспоминания о событиях еще большей давности, чем «маджарские», а в Средней Азии — даже о временах арабского завоевания⁶³. В представлениях горцев Центрального Кавказа, на протяжении многих столетий изолированных от внешнего мира (находившихся, по выражению В. И. Ленина, в стороне от истории), заурядный грабительский набег был уже таким событием, о котором слагали песни. И кажется просто невероятным, чтобы они могли не запечатлеть в своей памяти события, явившиеся качественно новым этапом в их социальной и этнической истории, тем более, что XV-й век время исторически не столь уж и отдаленное.

¹ Осетинская национальная версия преданий маджарского цикла рассматривается в статье сотрудника СОНИИ Ф. Х. Гутнова «Бадел генеалогических преданий осетин» (в печати).

² Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды. // ВЕ., IV, СПб., 1884, с. 553—554.

³ Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. // АБКИЕА, Нальчик, 1974, с. 245.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982, с. 43.

⁵ Бесс де Ж. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь. // ОГРИП, Орджоникидзе, 1967, 222.

⁶ Ланге Б. А. Балкария и балкарцы. // Газета «Кавказ», Тифлис, 1903, № 283.

⁷ Клапрот Г. Ю. Указ. раб., с. 245; Бесс де Ж. Указ. раб., с. 222; Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. // АБКИЕА, с. 421, 429; Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб., с. 553—554; Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. 3, М., 1887, с. 104; его же // Терская область. Археологические экскурсии. // МАК, I., 1888, с. 73; Тульчинский Н. П. Маленький фельетон. // Газ. «Казбек», Владикавказ, 1899, № 563; его же. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области. // КБФДЗП, Нальчик, 1983, с. 271—272; Ланге Б. А. Указ. раб.; Мерцбахер Г. К этнографии обитателей Кавказских Альп. // ИКОРГО, XVIII, 2, Тифлис, 1906, с. 99; Абаев М. Балкария. Исторический очерк. // Азаматов К. Г. Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980, с. 93—94.

⁸ Бесс де Ж. Указ. раб. // АБКИЕА, с. 330—331.

- Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960.
- ¹⁰ Тульчинский Н. П. Предание о происхождении балкарских таубиев. // КБФДЗП., Нальчик, 1983, с. 271—272.
- ¹¹ Кол. авт. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961, с. 31.
- ¹² Абаев М. Указ. раб., с. 94.
- ¹³ Алексеев В. П. Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождение балкарцев и карачаевцев. // УЗ КБНИИ, XXV, Нальчик, 1967, с. 162.
- ¹⁴ Волкова Н. Г. Маджары (из истории городов Северного Кавказа). // КЭС., V, М., 1972, с. 48—49.
- ¹⁵ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, с. 67—68.
- ¹⁶ Аталиков В. М. Басиан и Басиания. // Газ. «Путь к коммунизму», Нальчик, 14.VIII.82. (на балк. яз.).
- ¹⁷ Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик, 1982, с. 153—154.
- ¹⁸ Мизиев И. М. Балкаро-карачаевские и древнетюркские фольклорные параллели в свете этнической истории. // Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1985, с. 26—28.
- ¹⁹ Алексеев В. П. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал. // Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 30.
- ²⁰ Мизиев И. М. Указ. раб., с. 28.
- ²¹ Грот К. Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. // ЗИФСПУ, IX, СПб., 1881, с. 151, 169.
- ²² Яхтанингов Х. Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984, с. 30.
- ²³ Клапрот Г. Ю. Исследование о развалинах Маджарских на реке Куме. // «Московский телеграф», 1825, IX—X, с. 112.
- ²⁴ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 194—195; Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973, с. 155.
- ²⁵ СМОИЗО, т. 1, СПб., 1884, с. 234, 236; т. 2, М.—Л., 1941, с. 34, 127; Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, приложение, с. 19.
- ²⁶ Волкова Н. Г. Маджары, с. 51—52.
- ²⁷ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974, с. 23.
- ²⁸ «Предкавказскими» принято считать также половцев среднего Прикубанья. Но вероятнее всего это те же Донские половцы, временно отесненные на Кавказ в период активизации Руси.
- ²⁹ Калоев Б. А. Формирование этнической территории осетин и сложение осетинской народности. // ТДЗПИПИ-63, М., 1964, с. 60; его же. Осетины. М., 1967, с. 29; Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, с. 48—62; Батчаев В. М. К этнической истории балкарцев и карачаевцев. // VII Крупновские чтения (тезисы докладов), Нальчик, 1978, с. 26.
- ³⁰ Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, с. 310.
- ³¹ Ногмов Ш. Б. Указ. раб., с. 43.
- ³² Ртвеладзе Э. В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа. //

Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений, Грозный, 1973, с. 20—21; Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII вв.). Нальчик, 1981, с. 41—44.

³³ Б л а р а м б е р г. Указ. раб., с. 429; Мерцбахер Г. Указ. раб., с. 99; Нарышкин Н. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью. // ИИРАО, VIII, вып. 4, СПб., 1877, с. 331 и др.

³⁴ К л а п р о т Г.-Ю. Исследование о развалинах Маджарских... с. 112.

³⁵ Б е с л е к о е в а К. Х. Краниология осетин и происхождение осетинского народа. // ИСОННИ, 19, Орджоникидзе, 1957, с. 1—7; Алексеев В. П., Б е с л е к о е в а К. Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетин. // МИА, 114, М., 1963, с. 107—121.

³⁶ Ч е ч е н о в И. М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 году. УЗКБНИИ, 25. Нальчик, 1967, с. 214; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 122—132.

³⁷ Р т в е л а д з е Э. В. Указ. раб., с. 20—21.

³⁸ А л е к с е е в В. П. О расселении монголоидов на Северном Кавказе в эпоху средневековья. // Культурное наследие Востока, Л., 1985, с. 307—312. (Черепка из городища близ с. Кызбурун-III исследованы в 1985 году антропологом М. М. Герасимовой, и сведения о них пока не опубликованы).

³⁹ Цит. по книге: Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978, с. 264.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ К р у п н о в Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 307.

⁴² В о л к о в а Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 96.

⁴³ А л е к с е е в а Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 167—168.

⁴⁴ Путешествие Ивана (Иогана) Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1384 по 1427 годы. // ЗИНУ, т. 1, вып. 1—2, Одесса, 1867, с. 31—32; Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб., 1884, с. 287—290.

⁴⁵ В частности, баделиаты, возглавлявшие маджарцев, «начали приписывать себе осетинское происхождение, тогда как они происхождения татарского (тюркского — В. Б.), на что указывает... также и их внешность». // (ППКОО, II. Цхинвали, 1982, с. 179).

⁴⁶ Б а т ч а е в В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии. // АВДИКБ, Нальчик, 1980, с. 88; его же. Из истории..., с. 132.

⁴⁷ А л е к с е е в В. П. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. // МНС., Нальчик, 1960, с. 312—332.

⁴⁸ Б а т ч а е в В. М. Предкавказские половцы..., с. 79—95; его же. Из истории..., с. 127—133.

⁴⁹ К у з н е ц о в В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, с. 161, рис. 37.

⁵⁰ Ц а г а е в а А. Д. Тюркско-монгольский слой в топонимике Северной Осетии. // ВКБНИИ, 5, Нальчик, 1972, с. 252—263.

⁵¹ Р о б а к и д з е А. И., Х а р а д з е Р. Л. К вопросу о сванско-бал-

карских этнокультурных взаимоотношениях.// МНС, Нальчик, 1960, с. 136.

⁵² Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981, с. 13.

⁵³ Кокиев Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, с. 47—56.

⁵⁴ Там же, с. 53.

⁵⁵ Кокиев Г. Указ. раб., с. 53—56.

⁵⁶ Тменов В. Х. Город мертвых (позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе, 1979, с. 54.

⁵⁷ Рамишвили Р. М. Основные проблемы изучения взаимосвязей между горными и равнинными регионами.// ДНКППВМГРР, Тбилиси, 1984, с. 9.

⁵⁸ Батчаев В. М. Из истории..., с. 38—40.

⁵⁹ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 200—201.

⁶⁰ Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика, М., 1957, с. 111, 186.

⁶¹ Анчабадзе З., Робакидзе А. К вопросу о природе кавказского горского феодализма.// ВНСПИПАЭИ—70, Тбилиси, 1971, с. 56—59.

⁶² Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века.// КЭС., IV, М., 1969, с. 71.

⁶³ Толстова А. С. Исторические предания южного Приаралья М., 1984, с. 166—185.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБКНЕСА — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов.
- АВДИКБ — Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии
- АДД — Автореферат докторской диссертации
- АКД — Автореферат кандидатской диссертации
- АО — Археологические открытия
- БСККГНИИ — Бюллетень Северокавказского краевого Горского научно-исследовательского института
- ВВ — Византийский временник
- ВЕ — Вестник Европы
- ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
- ВМУ — Вестник Московского университета
- ВНСПИПАЭИ — Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований
- ГАКК — Гос. Архив Краснодарского края
- ГИМ — Государственный исторический музей /Москва/
- ДАН Аз. ССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
- ДНКППВМГРР — Душетская научная конференция, посвященная проблемам взаимоотношения между горными и равнинными районами
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗВОРАО — Записки отделения Русского археологического общества
- ЗИВ — Записки Института Востока АН СССР
- ЗИНУ — Записки императорского Новороссийского университета
- ЗИФФСПУ — Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
- ЗСККГНИИ — Записки Северокавказского краевого Горского научно-исследовательского института
- ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
- ИАК — Известия Археологической комиссии
- ИИРАО — Известия императорского Русского археологического общества
- ИКОРГО — Известия Кавказского отдела Русского географического общества

- ИОЛИКО — Известия Общества любителей изучения Кубанской области
- ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
- ИЭ АН СССР
ИЭСОЯ — Институт этнографии Академии наук СССР
— Историко-этимологический словарь осетинского языка
- КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
- КБФДЗП — Кабардино-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях
- КМЗ
КРО
КСИА — Краснодарский музей-заповедник
— Кабардино-русские отношения, т. 1, М., 1957
- КСИИМК — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИЭ — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- КЧ
КЧАО
КЧГПИ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- КЧНИИ — Крупновские чтения
- КЧОМК — Карачаево-Черкесская автономная область
- КЧОСЮТ — Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт
- КЭС
ЛГУ
ЛОИА — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
- МАДИСО — Карачаево-Черкесский областной музей краеведения
- МАК
МАО
МВД
МГУ — Карачаево-Черкесская областная станция юных туристов
- МИА
МИСК
МНС — Кавказский этнографический сборник
- МСПИАЭИ — Ленинградский государственный университет
- ОАК
ОГРИП — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- ПГПИ — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
- ППКО — Материалы по археологии Кавказа
- Московское археологическое общество
- Министерство внутренних дел
- Московский государственный университет
- Материалы и исследования по археологии СССР
- Материалы по изучению Ставропольского края
- Материалы Всесоюзной научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев
- Материалы сессии по итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР.
- Отчет Археологической комиссии
- Осетины глазами русских и иностранных путешественников
- Пятигорский государственный педагогический институт
- Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах

РАО	— Русское археологическое общество
СА	— Советская археология
СКАЭ	— Северокавказская археологическая экспедиция
СКНЦВШ	— Северокавказский научный центр высшей школы
СМОИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СМК	— Ставропольский музей краеведения
СМОМПК	— Сборник материалов для изучения местностей и племен Кавказа
ССИК	— Сборник статей по истории Кабарды
ССИКБ	— Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горах
СССК	— Сборник сведений о Северном Кавказе
СТ	— Советская тюркология
СТСГПИ	— Сборник трудов Ставропольского государственного педагогического института
ТДЗПИПИ—63	— Тезисы докладов на заседаниях по итогам полевых исследований 1963 г.
ТДНСПИРИЭ	— Тезисы докладов научной сессии, посвященной полевым работам ИЭ АН СССР /Ленинградское отделение/
ТИИЭА	— Труды института истории, этнографии, археологии
ТМАО	— Труды Московского археологического общества
ТКЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
ТСУАК	— Труды Ставропольской ученой архивной комиссии
ТЧНИИ	— Труды Черкесского научно-исследовательского института
УЗ АНИИ	— Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института
УЗИИЯЛ	— Ученые записки Института истории, языка и литературы
УЗКБНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
УЗПГУ	— Ученые записки Пермского государственного университета.
УЗСГПИ	— Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института
ЦГАДА	— Центральный гос. Архив древних актов
ЧИГУ	— Чечено-Ингушский государственный университет
ЧИНИИ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ЮОНИИ	— Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Марковин В. И. Сентинский храм и его изучение	8
Биджиев Х. Х. Изучение истории и археологии раннесредне- вековых тюркских народов Северного Кавказа	32
Алексеева Е. П. К истории археологических обследований тер- ритории Карачаево-Черкесии (XVIII в.— 1985 г.)	65
Байчоров С. Я. Петроглифы Бийчесына (Разведки археолого- эпиграфической экспедиции 1985 г.)	96
Эльканов У. Ю. Раскопки древнего «круга» на Нижне-Архыз- ском городище	142
Текеев Г. Х.-У. Новые материалы из скальных могильников на территории Карачаево-Черкесии	151
Батчаев В. М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел?	160
Список сокращений	181

ВОПРОСЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: Сборник научных трудов

Темплан 1988 года, поз. 2

Редактор Алексеева Е. П.

Корректор Шишканова А. В.

Сдано в набор 01.12.88. Подписано к печати 20.09.88. ЗУ 26221. Фор-
мат 84×108/32. Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,0. Бумага тип. № 2.
Печать офсетная. Гарнитура литературная. Тираж 500 экз. Заказ 0500.
Цена 2 руб. Адыгблполиграфобъединение управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома,
г. Майкоп, Пионерская, 268

2 руб.